Б8 6/68

РАЗСКАЗЫ

О ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

РАЗСКАЗЫ

О

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ,

ТО-ЕСТЬ О ГУБЕРНІЯХЪ

ЕНИСЕЙСКОЙ И ИРКУТСКОЙ, ОБЪ ОБЛАСТИ ПРИМОРСКОЙ И ОБЪ ОКРУГАХЪ ЯКУТСКОМЪ И ЗАБАЙКАЛЬСКОМЪ.

Составилъ *Ф. Девель*.

Съ рисунками и картой Сибири.

№ 233.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина.
1896.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 2 октября 1895 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 204536
193 г.

1. Что такое Сибирь, и какіе люди живутъ въ ней.

Велика Сибирь, на восемь тысячъ верстъ въ длину тянется она отъ Уральскихъ горъ до Великаго моря-океана, да въ ширину растянулась она тысячи на три—на четыре верстъ отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до китайской земли. Почти по всему этому простору зеленѣютъ, словно одно сплошное море, дремучіе хвойные лѣса—сосны, ели да пихты; только къ югу, гдѣ потеплѣе, видна свѣтлая зелень лиственныхъ лѣсовъ, виднѣются степи и пашни. А на сѣверѣ сибирскомъ, въ студеномъ краю, раскинулись однѣ мерзлыя пустыни. И вдвинулся этотъ студеный край въ Ледовитое море дальше, чѣмъ наша Архангельская губернія, а теплые южные края Сибири лежатъ почти наравнѣ съ Кавказомъ, а иные—наравнѣ съ нашими губерніями: Харьковской, Черниговской, Самарской.

Тамъ, гдѣ море обступило землю съ разныхъ сторонъ и земля лежитъ близко или не очень далеко отъ моря, тамъ съ моря идетъ сырость, и воздухъ отъ нея становится влажнѣе и ровнѣе. Въ такихъ мѣстахъ отъ влаги въ воздухѣ скопляется часто много облаковъ. А вѣдь

когда дни облачны, когда то-есть погода сырѣе, тогда и стужа зимою меньше, и жары лѣтомъ стоятъ не такіе сильные.

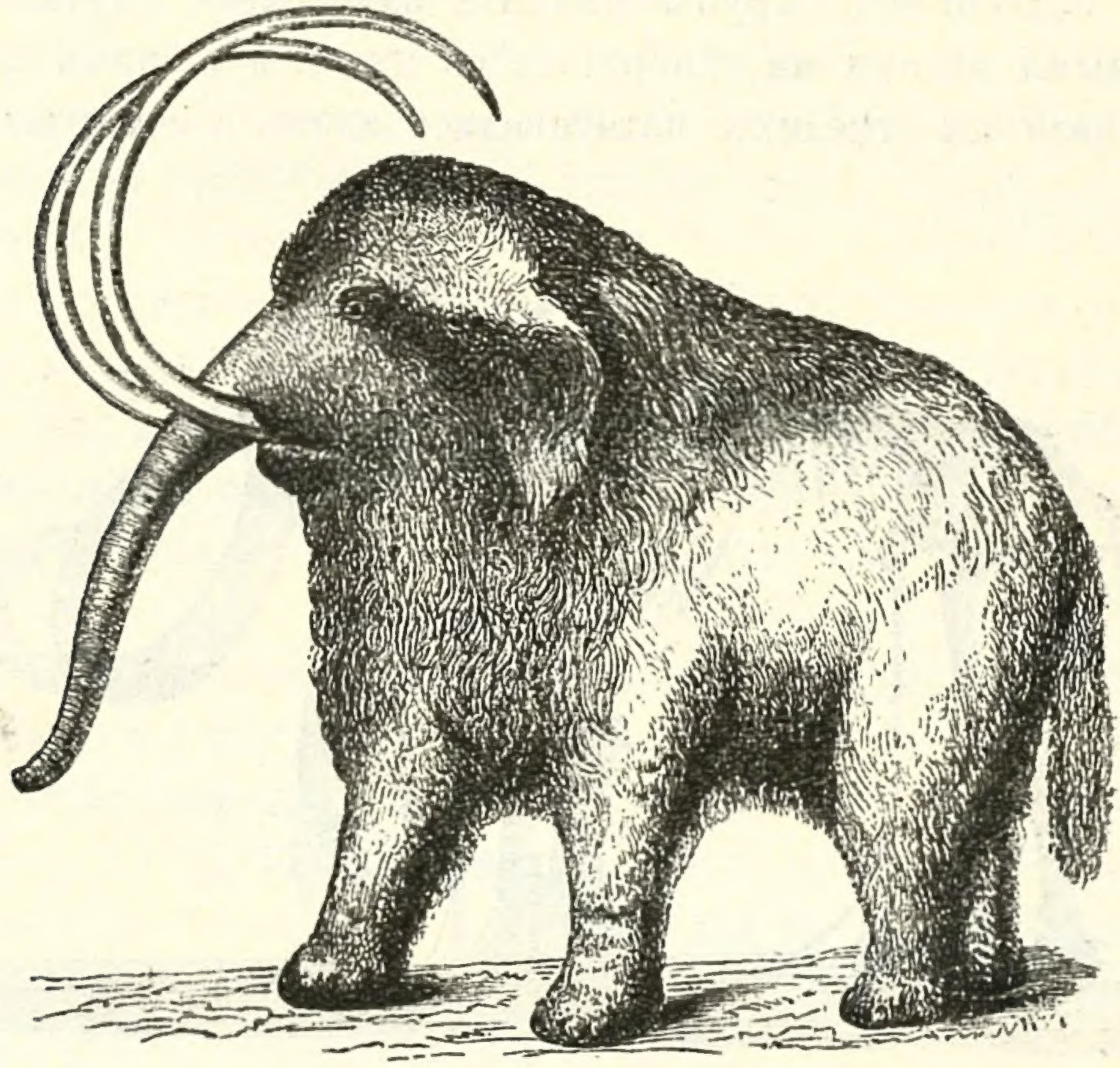
Сибирь куда больше всей Россіи, а моря только по далекимъ-далекимъ окраинамъ обступили ее, и то лишь съ двухъ сторонъ—съ сѣвера и съ востока, такъ что море очень мало даетъ себя знать въ Сибири. Поэтому погода тамъ суше, чѣмъ у насъ; облачные дни тамъ вообще рѣже, чѣмъ въ Россіи, зимы морознѣе нашихъ, а лѣто теплѣе. Лѣтнее тепло тамъ было бы еще больше, да этому мѣшаютъ горы: съ юга (полдня) и съ юго-востока горы оцѣпили Сибирь и мѣшаютъ знойнымъ южнымъ вѣтрамъ дуть въ Сибирь изъ болѣе теплыхъ земель. А кромѣ того еще вся Сибирь поката къ сѣверу, къ полуночи,—всѣ рѣки ея текутъ къ сѣверу. Сѣверным, холоднымъ вѣтрамъ, значитъ, кромѣ лѣсовъ, нѣтъ преграды, и они и задуваютъ въ Сибири гораздо сильнѣе, чѣмъ теплые южные вѣтры.

Морозы на сибирскомъ сѣверѣ бываютъ жестокіе, такъ что зачастую зимой стоитъ морозъ въ сорокъ градусовъ, а у насъ и въ Архангельской губерніи такіе морозы не часты. А въ самыхъ холодныхъ мѣстахъ Сибири,—напримѣръ, близъ города Верхоянска въ дальней Якутской области,—не рѣдкость морозы и въ пятьдесятъ градусовъ *). Въ такую стужу ртуть твердѣетъ, и ее можно

---

*) Градусы видны на градусникѣ, или термометрѣ. Термометръ показываетъ, насколько тепелъ или холоденъ воздухъ. Это стеклянный шарикъ съ тонкой трубочкой, налитый ртутью или спиртомъ. Отъ тепла жидкость (ртуть или спиртъ) расширяется и поднимается въ трубочкѣ, отъ холода опускается и уходитъ въ шарикъ. На самой трубочкѣ или на особой дощечкѣ вдоль

рѣзать и ковать какъ свинецъ; желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брызжетъ осколками какъ стекло; деревья въ лѣсу трещатъ отъ мороза, и подъ ногами слышится иногда глухой гулъ разсѣдающейся промерз-



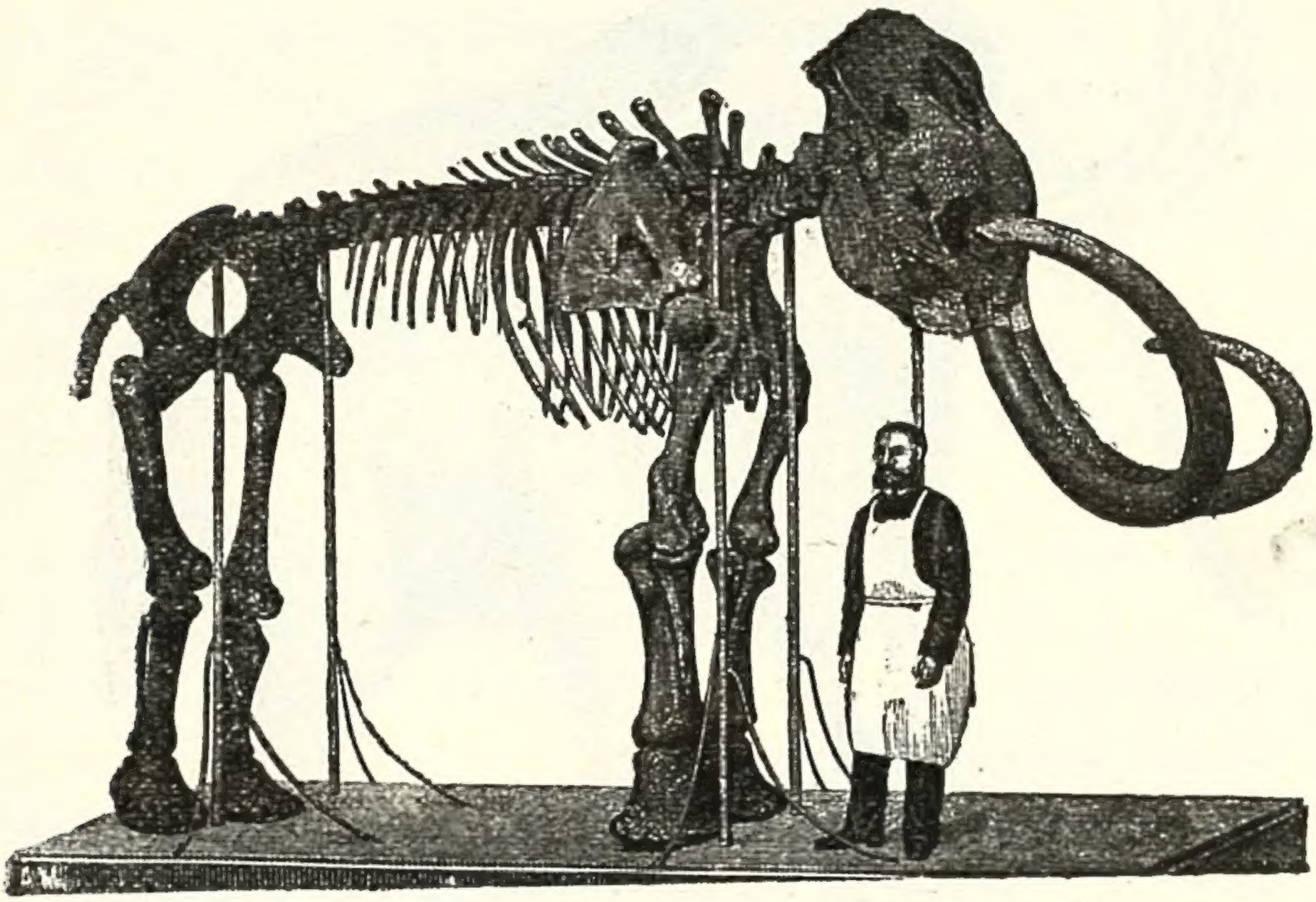
Мамонтъ.

шей земли. За лѣто земля на огромномъ пространствѣ сибирскаго сѣвера едва успѣваетъ отойти на нѣсколько

трубочки обозначены градусы — черточки, помѣченныя цыфрами. Чтобы узнать, сколько градусовъ тепла или холода показываетъ термометръ, смотрятъ, у которой черточки кончается свѣтлый столбикъ ртути въ трубочкѣ, и замѣчаютъ цыфру, поставленную на этой черточкѣ.

аршинъ, а гдѣ и на нѣсколько вершковъ; глубже подъ почвою вѣчный ледникъ.

Въ южныхъ сибирскихъ лѣсахъ въ незапамятныя времена водился мамонтъ, звѣрь, походившій на слона, но еще больше его. Трупы мамонта заносились случайно рѣчными водами на сѣверъ: здѣсь иные изъ нихъ застревали на отмеляхъ, затягивались иломъ и замерзали,



Скелетъ мамонта.

не успѣвъ еще сгнить. За сотни протекшихъ лѣтъ земля гдѣ опустилась, а гдѣ и поднялась, рѣки измѣнили свои русла, но мерзлая земля сохранила кое-гдѣ трупы мамонтовъ до нашихъ дней. Въ Якутской области дважды находили послѣ обвала рѣчныхъ береговъ цѣльныя туши этого звѣря—съ длинной бурой шерстью, толстыми какъ бревна ногами и грузными, въ нѣсколько пудовъ вѣ-

сомъ, бивняками; въ желудкѣ одного изъ нихъ, говорятъ, найдены были даже остатки травяной пищи и хвои.

Неоттаивающая мерзлота въ землѣ не диво и въ Россіи на дальнемъ сѣверѣ, но въ Сибири ея гораздо больше, такъ что мерзлоту земли находили, напримѣръ, въ сѣверныхъ округахъ Иркутской губерніи, въ мѣстахъ, лежащихъ по солнцу наравнѣ съ Нижегородской и Московской губерніями.

Болѣе суровыя, чѣмъ у насъ, зимы и большая сухость воздуха сказываются и на лѣсной растительности Сибири. Изъ крупныхъ лѣсныхъ породъ тамъ растутъ береза, тополь, осина и особенно хвойныя — сосна, пихта, ель, кедръ, лиственница; но липа, дубъ, клент встрѣчаются только на крайнемъ юго-востокѣ, въ Уссурійскомъ краѣ.

Лѣтняго тепла хватаетъ въ южныхъ (полуденныхъ) округахъ Сибири на созрѣваніе ржи, овса, гречи, проса, льна, пшеницы, ячменя и проч., какъ увидимъ потомъ. Но хлѣбопашество въ Сибири только и возможно ближе къ полдню, къ югу; такъ что въ мѣстахъ, подходящихъ по солнцу уже къ нашей Московской губерніи, въ Сибири земледѣліе уже неудобно изъ-за холодовъ и вообще изъ-за суровости погоды.

Народу въ огромныхъ сибирскихъ губерніяхъ живетъ еще очень мало. Селенія часто разбросаны другъ отъ друга на громадную даль, а города тѣмъ болѣе. На громадномъ пространствѣ, напримѣръ, восточной половины Сибири съ ея двумя губерніями, Енисейской и Иркутской, да четырьмя областями, Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской — живетъ всего на все около двухъ милліоновъ душъ,—не больше, значитъ, чѣмъ въ

какой-нибудь изъ нашихъ среднихъ губерній, къ примѣру въ Рязанской губерніи.

Изъ двухъ милліоновъ жителей этихъ дальнихъ краевъ Сибири только частичка—русскіе люди. Богъ вѣсть еще съ какихъ временъ, задолго-задолго до прихода русскихъ въ Сибирь, разбрелись и разсѣялись тамъ повсюду разные инородцы: въ Иркутской губерніи живутъ буряты—пахари и скотоводы (буряты по племени родственны китайцамъ и нашимъ киргизамъ); изъ того же племени охотники-тунгусы; ихъ можно встрѣтить по всей Восточной Сибири отъ Ледовитаго океана до рѣки Амура. Примѣсь этихъ племенъ замѣтна и въ остальныхъ народцахъ Восточной Сибири: почти у всѣхъ инородцевъ сибирскихъ лица немножко кошачьяго склада, безбородыя, съ широкими скулами и узковатыми наискось глазами. Таковы якуты, по имени которыхъ прозвали въ Сибири цѣлую область. Якуты родственны по племени нашимъ татарамъ. Таковы съ лица и остяки, юраки и самоѣды, живущіе на сѣверѣ Енисейской губерніи. Они одного и того же племени съ нашими чухнами, чувашами и мордвой.

Около 300 лѣтъ тому назадъ эти коренные жители Сибири покорены были казацкой вольницей съ легкой руки разбойничьяго атамана Ермака Тимоѳеевича; покореніе досталось безъ великаго труда. Всѣ племена инородческія говорили на разныхъ языкахъ и жили всѣ врозь, общаго устройства у нихъ не было, и потому защищались отъ русскихъ всѣ порознь; къ тому же и всѣхъ-то ихъ было немного, и вооружены они были противъ казацкихъ ружей только охотничьими луками да стрѣлами.

Въ наши дни на хлѣбородномъ югѣ Сибири русскихъ уже больше, чѣмъ инородцевъ. Въ Сибирь ежегодно идетъ изъ Россіи до девятнадцати тысячъ однихъ ссыльныхъ, а вольныхъ переселенцевъ за послѣдніе годы идетъ тысячъ по сорока, по пятидесяти. Но вначалѣ Сибирь туго населялась русскими: ссылка не въ ходу еще была въ пору покоренія Сибири; вмѣсто ссылки въ Россіи тогда казнили преступниковъ или всячески ихъ увѣчили: рѣзали имъ языки, уши, руки... Переселеніямъ также мѣшала крѣпостная неволя; да и простору довольно еще было на Руси. Потомъ стало переселяться въ Сибирь все больше и больше народу, но и теперь еще въ ней не очень много жителей, такъ что населеніе тамъ довольно еще рѣдкое. Поэтому земли тамъ еще довольно, земля не истощена и даетъ вообще лучшіе урожаи, чѣмъ у насъ, хотя и не всегда. Есть и тамъ въ хлѣбородной полосѣ уже поистощившаяся земля. Но вообще средняго достатка мужикъ тамъ зажиточнѣй нашего.

У насъ по деревнямъ завелись различныя ремесла въ подспорье хлѣбопашеству; мѣстами цѣлыя селенія заняты разными подѣлками на продажу изъ глины, дерева, желѣза и прочаго. Въ Сибири же такія селенія очень рѣдки и встрѣчаются только въ западныхъ сибирскихъ губерніяхъ, погуще населенныхъ; въ дальней же, Восточной Сибири, ложки—и тѣ не своего издѣлія, а привозныя.

Фабрикъ въ Сибири очень мало, потому что крестьянинъ сибирскій не нуждается такъ, чтобы итти работать на фабрику, да и потому, главное, мало фабрикъ, что поселки больше все небольшіе и очень далеко рас-

кинуты другъ отъ друга. А фабрикѣ вѣдь нужно, чтобы вокругъ нея много народу жило, чтобы было откуда набирать людей. Такъ что почти весь нужный Сибири фабричный и заводскій товаръ—привозный и потому дорогой.

2. Гдѣ лежитъ Восточная Сибирь.—Сѣверный край Восточной Сибири.—Ледовитое море, тундра и ея обитатели.

Въ этой книгѣ мы разскажемъ о Восточной Сибири, то-есть обо всей той Сибири, которая начинается за сибирскими губерніями, Тобольской и Томской, и идетъ на востокъ къ Тихому морю-океану. *)

Вдоль всего сѣвера Восточной Сибири разстилается студеное Ледовитое море-океанъ, а на востокѣ плещутся о берега Сибири волны Тихаго океана. Вдоль всей полуденной, южной стороны лежатъ земли китайской имперіи.

Въ Восточной Сибири есть губерніи Енисейская и Иркутская, есть область Якутская, есть область Забайкальская и Амурская, куда переселилось много русскихъ переселенцевъ — больше изъ Малороссіи; есть еще Южно-Уссурійскій и Приморскій край.

Въ этой книгѣ мы и разскажемъ обо всей холодной, сначала пустынной, потомъ лѣсной сѣверной полосѣ

---

*) О губерніяхъ Тобольской и Томской смотри книжку: „Разсказы о Западной Сибири, или о губерніяхъ Томской и Тобольской, и о томъ, какъ тамъ живутъ люди“. Съ рисунками и картой. Ц. 25 к.

этой части Сибири, то-есть о сѣверныхъ неземледѣльческихъ краяхъ губерній Енисейской и Иркутской и объ области Якутской, о русскихъ поселеніяхъ тамошнихъ и о кочевыхъ инородцахъ-охотникахъ, какіе кочуютъ по этому краю, потомъ разскажемъ о южныхъ хлѣбородныхъ краяхъ Енисейской и Иркутской губерній: какія тамъ земли, какой народъ живетъ и какъ хозяйство свое ведетъ, а затѣмъ поведемъ рѣчь о Приморской и о Забайкальской областяхъ, а объ Амурѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ смотри особую книжку *).

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы во всемъ сѣверномъ (полночномъ) краѣ Восточной Сибири нельзя было заниматься земледѣліемъ. Ссыльно-поселенцы-скопцы завели хлѣбопашество въ Якутскомъ округѣ и, говорятъ, сбили даже цѣну на привозный иркутскій хлѣбъ. Было бы кому пробовать,—вѣроятно нашлось бы и еще немало мѣстъ на сѣверѣ Сибири, гдѣ можно кормиться хлѣбопашествомъ. Но пока русскихъ тамъ очень мало. Вольный пахарь тянется къ болѣе теплому краю, къ югу, гдѣ еще довольно простора. Населеніе же сѣвера почти сплошь инородческое, и коренное занятіе его — охота, да въ подспорье къ ней—скотоводство.

Ледовитый океанъ, или Ледовитое море, омывающій сѣверныя окраины Сибири, занимаетъ своими водами крайній сѣверъ земли. Онъ окруженъ какъ вѣнцомъ берегами Швеціи, Архангельской губерніи, Сибири и

---

*) „Объ Амурѣ и Уссурійскомъ краѣ“. Составилъ Л. Ставровскій.

Америки. Если бы сѣверное лѣто не было такое короткое, Ледовитый океанъ могъ бы служить торговымъ путемъ для Сибири; но плаваніе по немъ возможно у сибирскихъ береговъ только два мѣсяца—съ половины іюня до конца августа. Въ сентябрѣ же Ледовитое море замерзаетъ, и плыть по нему уже нельзя. Шведскому ученому Норденшильду удалось въ одно лѣто проплыть громадное разстояніе отъ Швеціи до устья рѣки Лены; но въ концѣ лѣта море стало уже замерзать, и мореходамъ пришлось зимовать у безлюдныхъ сибирскихъ береговъ. Отъ нихъ между тѣмъ еще очень далеко до торговыхъ городовъ: по рѣкѣ Енисею отъ устья до перваго торговаго города Красноярска около двухъ тысячъ верстъ; немногимъ ближе и по рѣкѣ Ленѣ до города Якутска.

Не очень-то полезны, какъ торговые пути, и восточныя моря: Охотское и Камчатское; правда, плаваніе по нимъ много удобнѣе, но къ нимъ не идутъ судоходныя рѣки, и вообще отъ морей этихъ нѣтъ удобныхъ путей къ значительнымъ торговымъ городамъ Сибири. Населены же побережья этихъ морей по крайней мѣрѣ на три четверти бродячими инородцами; а всего-то тутъ на пространствѣ полутора милліона квадратныхъ верстъ числится тридцать-пять тысячъ душъ.

Ледовитый океанъ привлекаетъ людей и не ради одной торговли. Издавна пытаются проникнуть въ средину его на кораблях, пароходахъ, даже саняхъ по льду. Но чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ больше океанъ загроможденъ непроходимыми горами и полями вѣчныхъ льдовъ, и смѣльчаки либо возвращались съ полпути либо пропадали безъ вѣсти въ этомъ словно заколдованномъ ледяномъ царствѣ. Что же влечетъ туда человѣка? Не зо-

Пароходы „Вега“ Норденшильда и „Лена“ Сибирякова въ Ледовитомъ океанѣ; на льдинѣ стоитъ бѣлый медвѣдь.

лото, не корысть, а данъ ему отъ Бога пытливый разумъ; все хочетъ онъ узнать: и что такое наша земля, и что такое солнце, и звѣзды, и какъ устроенъ онъ самъ, человѣкъ... Какъ тѣлу даны жажда и голодъ, такъ духу пытливость. Она приводитъ къ знанію, а знаніе къ тому, какъ облегчить жизнь. Безъ нея не узналъ бы человѣкъ грозовой силы, не овладѣлъ бы ею, а остался бы навсегда боязливымъ ея рабомъ; не придумалъ бы громоотвода, телеграфа, электрическаго освѣщенія... Не чудно ли: быстрая грозная молнія спокойно свѣтитъ въ уличныхъ фонаряхъ! Ея же сила мчитъ по проволокамъ вѣсти быстрѣе птицы отъ края до края земли! То же любопытство влекло человѣка узнать устройство своего тѣла, строеніе и жизнь растеній; и это привело его къ умѣнію не ощупью и догадкой, а разумно лѣчить и предохранять тѣло отъ болѣзней, выращивать полезный злакъ или дерево.

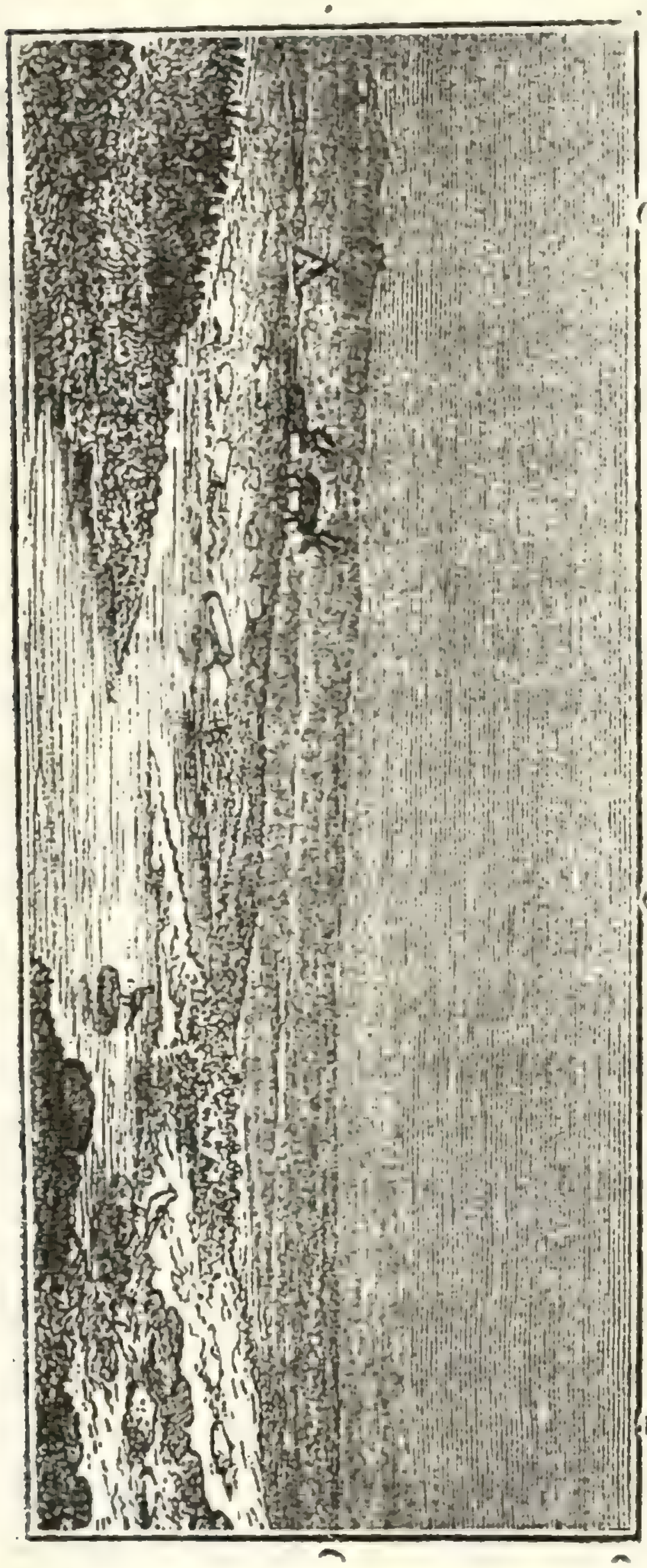
И эта сила, влекущая человѣка къ знанію, какъ бы затмеваетъ порою въ людяхъ звѣриный страхъ смерти. Сколько смѣльчаковъ погибло уже въ Ледовитомъ океанѣ! Но это не останавливаетъ новыхъ, почти ежегодныхъ, попытокъ.

Бываетъ, что такіе мореходы все плывутъ на сѣверъ, пока найдутъ проходъ среди льдовъ, и наконецъ, далеко еще отъ завѣтной цѣли, ихъ окружатъ со всѣхъ сторонъ ледяныя поля и горы. Корабль испортитъ страшнымъ напоромъ льда. Наступившіе морозы дадутъ людямъ надежду спастись, достичь по льду до земли; и вотъ они соберутъ необходимые припасы и пѣшкомъ отправятся обратно къ югу. Земля, быть-можетъ, лежитъ за сотни верстъ, и кто знаетъ, дойдутъ ли они до нея: истомить

трудный путь, выйдутъ припасы, свалитъ на пути цынга, усыпитъ ихъ навѣки морозъ, а метель пропоетъ надъ ними отходную и погребетъ подъ снѣжнымъ курганомъ далеко-далеко отъ родного погоста...

Суровы и почти безлюдны восточно-сибирскіе берега Ледовитаго моря. Тысячъ на восемь верстъ извиваются они отъ Енисейской губы до Берингова пролива. То они выступаютъ въ море песчаными или глинистыми отмелями, то обрываются яромъ саженъ въ двадцать-пять высоты, то вздымаются высокимъ дресвянымъ валомъ: весеннія рѣчныя воды подмыли и вынесли эти деревья въ море, а прибой выкинулъ ихъ на берегъ. Морскимъ вѣтромъ частенько среди лѣта пригоняетъ къ этимъ берегамъ большія льдины, иногда съ пассажиромъ—бѣлымъ медвѣдемъ. Высадившись на берегъ, онъ лакомится застрявшими на отмеляхъ китами, подбираетъ птенцовъ подъ береговыми птичьими гнѣздами, ѣстъ ягоды—морошку, голубицу, но отъ берега далеко никогда не уходитъ. На льдинахъ онъ мастеръ охотиться на тюленей: наладитъ себѣ передъ тюленьей прорубью защиту изъ льда и подкарауливаетъ. Слѣдомъ за нимъ, въ расчетѣ поживиться отъ чужого обѣда, зачастую бродитъ песецъ, очень похожій на лису, только бѣлый. Охотится песецъ и самъ на сподручную дичь—на куропатокъ, мышей. Зимой, когда голодно, онъ часто попадается въ нехитрую ловушку на рыбную приманку, а найдетъ въ такой ловушкѣ своего брата-песца—не брезгаетъ и имъ. Песецъ—береговой звѣрь. Въ океанѣ же, кромѣ тюленя да бѣлаго медвѣдя, водятся огромные моржи, похожіе на тюленей, небольшой породы киты, зубастые ихъ враги-бѣлухи и многое множество вся-

кой рыбы. За безлюдьемъ почти некому на нихъ въ морѣ охотиться. Единственные постоянные жители сѣвернаго побережья — чукчи, живущіе въ небольшомъ числѣ къ востоку отъ рѣки Лены. Имъ все даетъ море: ихъ хижины и ладьи сдѣланы изъ моржовыхъ шкуръ, свѣтъ — рыбій жиръ, даже топливо иногда — кости морскихъ звѣрей.



Тунгусъ.

Лѣса не доходятъ до береговъ Ледовитаго океана. Верстахъ въ 200 ниже города Енисейска лѣса начинаютъ уже замѣтно рѣдѣть и мельчать. Одна порода за другой оставляетъ лѣсъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Немногимъ сѣвернѣе сосны держатся еще осина, тополь и кедръ. Стойче другихъ—лиственница; но и она не доходитъ до береговъ Ледовитаго моря верстъ на 50, а близъ Камчатска и верстъ на 300.

Остается потомъ до моря широкая безлѣсная береговая полоса, такъ называемая тундра, похожая на наши

Сѣверное сіянie.

моховыя болота. Куда ни оглянись — вездѣ почти одни грязно-бурые мхи да лишаи. Кое-гдѣ ива, ольха, тальникъ, низенькія березки и еще рѣже — подъ защитой

холмовъ или рѣчного берега—рѣдкая рощица чахлыхъ лиственницъ. На полуденныхъ склонахъ зеленѣетъ мѣстами рѣденькая травка, пестрѣютъ одуванчики, макъ, незабудки, а влажныя кочки покрываютъ голубица, морошка и клюква.

Мерзлая почва въ тундрѣ едва успѣваетъ протаять въ лѣто на нѣсколько вершковъ; вода не вбирается въ землю; поэтому въ тундрѣ множество озеръ, рѣчекъ и ручьевъ. Отъ обилія болотъ надъ тундрой лѣтомъ стоитъ паръ, и солнце свѣтитъ тускло. Зато солнце нѣсколько недѣль не закатывается. Какъ и повсюду на землѣ, въ Сибири, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ продолжительнѣе лѣтніе дни и зимнія ночи. Въ самыхъ сѣверныхъ городахъ Восточной Сибири—Туруханскѣ и Верхоянскѣ—лѣтомъ бываетъ нѣсколько сутокъ безъ заката, а зимой безъ восхода. Сѣвернѣе ихъ, близъ устьевъ рѣкъ Енисея и Лены, незакатный день лѣтомъ и сплошная ночь зимой длятся уже по два мѣсяца, а еще сѣвернѣе, на Таймырскомъ полуостровѣ, по три мѣсяца.

Зимой и звѣрь и человѣкъ хоронятся въ лѣсахъ, гдѣ и добычнѣе и лучше защита отъ вѣтровъ. Какъ печальна тогда тундра, особенно въ пору сплошной двухмѣсячной ночи! Только мѣсяцъ да звѣзды свѣтятъ на мертвую пустыню, да сѣверное сіяніе какъ громадный сполохъ раскидывается по небу разноцвѣтными лучами. Солнце же только напомнитъ о себѣ въ полуденный часъ свѣтлой полосой на небосклонѣ, подобной утренней зарѣ, но угасающей безъ восхода.

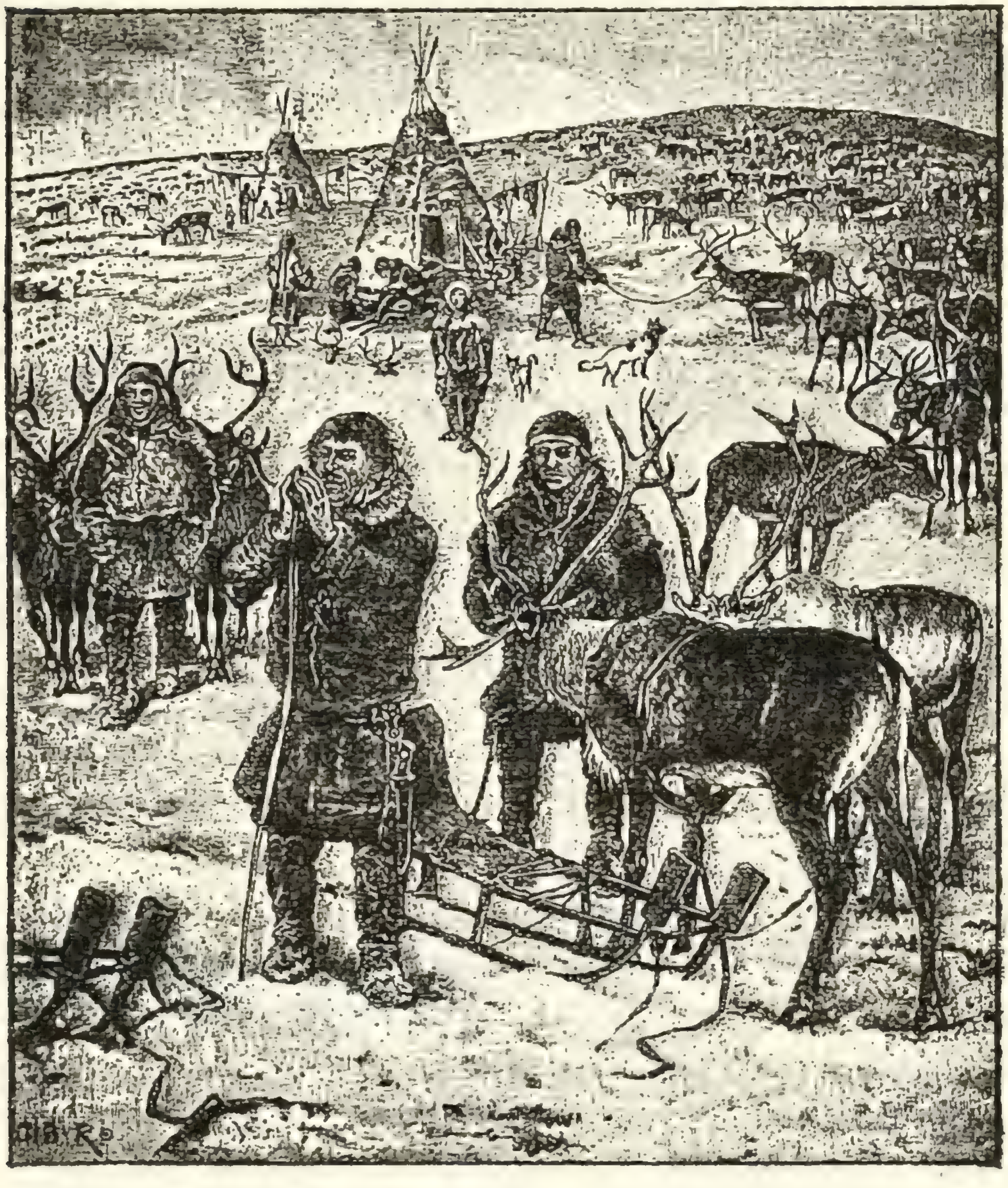
Иное дѣло лѣтомъ: журавли, гуси, утки, лебеди, гагары, бекасы—въ огромномъ множествѣ прилетаютъ въ тундру съ весны и оживляютъ ее суетой и криками.

Навстрѣчу къ нимъ изъ моря подымается по рѣкамъ рыба для метанія икры—осетръ, стерлядь, налимъ, максунъ... Китъ заходитъ выводить дѣтей въ устье рѣки Енисея, широкое какъ морской заливъ. Въ тундру, наконецъ, съ весны забираются изъ лѣсовъ дикіе олени, спасаясь отъ оводовъ. Они кормятся здѣсь мхомъ, какъ и въ лѣсахъ, а то и яицами изъ гнѣздъ, даже мышами.

Олень—лучшее богатство сѣверныхъ инородцевъ Восточной Сибири. Они издавна приручили его, и чѣмъ только онъ не служитъ! Оленя ничѣмъ не замѣнишь для кочевника при бездорожьи въ сибирскихъ лѣсахъ и тундрѣ. Его вьючатъ, ѣздятъ верхомъ, запрягаютъ въ легкія сани; безопасно переправляются на немъ черезъ топи и быстрыя лѣсныя рѣчки и довѣряются его тонкому чутью, когда пурга застигнетъ въ пути. Плотный мѣхъ его защищаетъ инородца отъ стужи. Изъ него онъ дѣлаетъ себѣ одежду, обувь и походные дома—шалаши. Оленьимъ мясомъ больше всего и кормятся сѣверные инородцы. Кровью оленя они лѣчатся отъ цынги, жилы его употребляютъ на шитье и на сѣти.

Заработокъ отъ охоты слишкомъ ужъ случайный, невѣрный. Якуты занимаются еще скотоводствомъ; они разводятъ молочный скотъ и занимаются торговлей; торговлей же поддерживаютъ себя и чукчи; для ѣзды же чукчи держатъ, какъ и камчадалы, собакъ, а якуты имѣютъ коней. Остальнымъ же инородцамъ главная помога—домашній олень; его же убиваютъ и съѣдаютъ въ случаѣ неудачи въ охотѣ. Если олени у нихъ пропадаютъ, то пропадаетъ и весь ихъ охотничій промыселъ. При охотѣ нужно кочевать съ мѣста на мѣсто, отыскивая звѣря, а безъ оленей охотники не могутъ уже переко-

чевывать какъ прежде; вмѣсто передвижныхъ шалашей они строятъ себѣ курныя избушки и живутъ много бѣд-



Остяки со своими оленями.

нѣе другихъ. Такихъ бѣдняковъ очень много между сѣверными инородцами Восточной Сибири; это такъ называемые «осѣдлые», «безоленные» чукчи, коряки, остя-

ки и проч. Иные, и чаще всего тунгусы, разорившись оленями, не сразу оставляютъ кочевую жизнь. Въ сибирскихъ лѣсахъ встрѣчали такихъ: они кочевали пѣшкомъ, сами возили и несли свой скарбъ и дѣтей, ночевали подъ деревьями и въ ямахъ, вырытыхъ въ снѣгу.

Якутъ.

Какъ они доходятъ до такой нищеты? Всѣхъ бѣдъ не перечитать. Оленей валитъ болѣзнь, рѣжутъ волки; разоряетъ и долгая неудача въ охотѣ, болѣзнь или смерть кормильца-добытчика въ семьѣ; но бѣда поправима, когда сосѣдъ съ достаткомъ и можетъ помочь. Инородцы люди больше добрые, гостепріимные, и при нуждѣ

почти всякій изъ нихъ готовъ подѣлиться чѣмъ можетъ—оленями, жильемъ, добычей. Обѣднѣвшій человѣкъ у нихъ иногда по недѣлямъ живетъ гостемъ у земляка, пока не поправится.

Къ концу весны, когда вскроются рѣки, въ тундру являются изъ лѣсныхъ стоянокъ и кочевій самоѣды, тунгусы, якуты, остяки. Всѣхъ привлекаетъ въ пустынную тундру обильная дичь, налетѣвшая туда, а владѣльцы оленей ведутъ туда свои стада на болѣе спокойное пастбище. Являются они съ семьями, со всѣми пожитками, съ кожаными и берестяными шалашами, одни на саняхъ, запряженныхъ оленями, другіе въ лодкахъ, которыя зачастую тащатъ ѣздовыя собаки. Въ тундрѣ промышляютъ они птицу и рыбу; порохъ, слишкомъ дорогой для нихъ, они приберегаютъ къ зимѣ на пушного звѣря; здѣсь же крупную водяную птицу ловятъ сѣтями или пользуются временемъ ея линянія: загоняютъ въ городьбу или бьютъ палками, окружая птицу на лодкахъ.

Рыболовные снаряды у инородцевъ тѣ же, что и у насъ,—мережи, морды, острога, крючки и проч. Ловятъ и порознь и артельно. У остяковъ каждый приноситъ въ артель свой кусокъ невода; лодки по очереди, а харчи у каждаго свои; добыча дѣлится между всѣми поровну. У нѣкоторыхъ инородцевъ при дѣлежѣ берется въ расчетъ численность семьи: болѣе семейные получаютъ больше.

Рыбу ѣдятъ и мерзлую, и вареную, и сушеную, даже живую и квашеную или, вѣрнѣе, гнилую: выроютъ яму, обложатъ корою и сваливаютъ туда рыбу, безъ соли, потому что она дорога на сѣверѣ; сверху прикроютъ той же корой или тесинами. Отъ такой ѣды многіе изъ

нихъ болѣютъ и умираютъ, но многіе и спасаются ею въ недобычливое время отъ голода.

Береговые инородцы Камчатки и Охотскаго поморья ѣдятъ при нуждѣ выброшенные на берегъ и уже провонявшіе трупы китовъ, отбивая ихъ подчасъ у воронъ и бѣлыхъ медвѣдей.

Охотятся въ тундрѣ и на оленей. Но главная охота на нихъ—въ лѣсахъ, осенью и весной, при перекочевкахъ ихъ въ тундру и обратно. Олени идутъ стадами подъ предводительствомъ своихъ вожаковъ и обыкновенно черезъ одинъ и тѣ же рѣчныя переправы изъ году въ годъ. Вотъ здѣсь и подкарауливаютъ ихъ охотники. Какъ только передовой олень вошелъ въ воду и за нимъ вошли остальные,—изъ-за береговыхъ кустовъ вылетаютъ и врѣзываются въ стадо легкіе берестяные челны, и начинается бойня. Быстро сверкаютъ ножи надъ шеями оленей, и трупы ихъ одинъ за другимъ несутся по окрашеннымъ кровью рѣчнымъ струямъ.

3. Лѣсной край Восточной Сибири и его обитатели—звѣри и люди. — Сибирскіе инородцы: тунгусы, якуты и прочіе.

Лѣса Восточной Сибири громадны. Отъ рѣки Енисея до Охотскаго моря они прерываются лишь рѣчными долинами да оголенными вершинами горныхъ хребтовъ, что отдѣляютъ Приморскую область отъ Якутской. Даже и степи на югѣ, Минусинская и Адаканская,—не сплошь голыя степи, а перемежаются лѣсами и рощами.

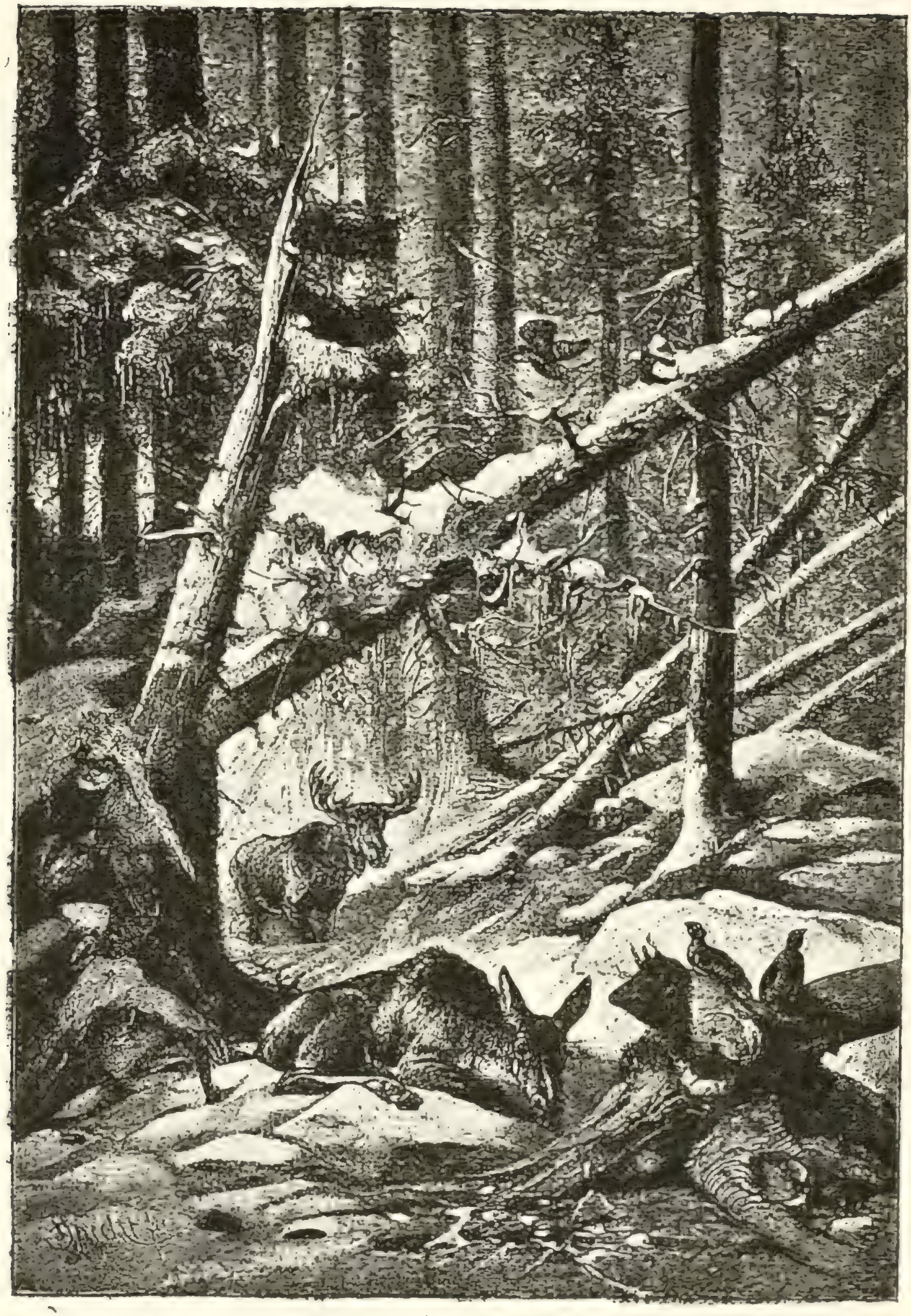
Лѣса эти сильно разнятся отъ нашихъ,—породы деревьевъ въ нихъ почти все хвойныя. Дики и дремучи

эти лѣса; вмѣсто дорогъ въ нихъ только охотничьи да звѣриныя тропы, а вмѣсто мостовъ да гатей лежатъ поваленныя бурей деревья. Жутко непривычному человѣку въ этой безконечной тайгѣ, куда и солнце едва проникаетъ, гдѣ подчасъ и не знаешь, кого скорѣй встрѣтишь,— человѣка или звѣря... Вотъ росомаха крадется по слѣду лося: она забираетъ впередъ, взлѣзаетъ на дерево и бросается лосю на спину; могучій звѣрь долго носится съ нею, ломаетъ на пути деревья и широкіе свои рога и наконецъ падаетъ съ перегрызеннымъ загривкомъ. Вотъ мохнатый медвѣдь лѣзетъ изъ своей берлоги, потревоженный охотниками. Охотники въ своей одеждѣ, мѣхомъ наружу, сами походятъ на какихъ-то двуногихъ звѣрей. Съ ружьями и рогатками наготовѣ, они кланяются звѣрю, называютъ его «косматымъ старикомъ», «отцомъ шубъ» и заранѣе просятъ у него прощенія. Таковъ ужъ обычай: медвѣдь по ихъ повѣрью волшебникъ, чародѣй, и не мѣшаетъ его уластить, прежде чѣмъ бить.

Въ лѣсахъ проходитъ большая часть жизни сѣверныхъ инородцевъ Восточной Сибири.]

Вотъ какъ описываетъ жизнь тунгусовъ извѣстный писатель Мечъ:

«Пробираясь безъ дорогъ, въ сопровожденіи опытныхъ проводниковъ, черезъ глухую тайгу Восточной Сибири, путешественникъ внезапно замѣчаетъ дымный костеръ, разведенный гдѣ-либо на берегу лѣсного ручья. Съ изумленіемъ приближается онъ къ этому признаку людской жизни и сквозь чащу елей различаетъ странныя лохматыя фигуры, закутанныя съ головы до ногъ въ оленьи



Въ сибирскомъ лѣсу.

шкуры, темнолицыя, скуластыя. Это истинные лѣсовики, лѣсные люди тайги, тунгусы.

«Мѣстами остановокъ служатъ для тунгуса «кормовища», то-есть такіе участки лѣса, гдѣ растетъ много оленьяго моха. Дойдя до такого мѣста, тунгусъ дѣлаетъ его временною станціей своей, гдѣ онъ оставляетъ семью и все несложное свое хозяйство, самъ же отправляется бродить окрестъ въ поискахъ звѣря.

«Тамъ, одинъ, онъ не нуждается въ жильѣ, но для семьи на избранномъ мѣстечкѣ онъ дѣлаетъ жилье, которое очень легко построить, еще легче разобрать, но не трудно и перевозить съ собою. Такое жилище, шатеръ кочевника, тунгусъ называетъ «урасой». Для его постановки выбирается мѣстечко почище, разгребаютъ на немъ снѣгъ, очищая кругъ, и на очищенномъ мѣстѣ устанавливаютъ конусомъ отъ 25 до 40 тонкихъ жердей. Жерди эти покрываютъ «униканами», то-есть оленьими кожами, выдѣланными на манеръ замши, только гораздо толще. Униканы привязываются къ палкѣ ремешками, которые нарочно для этого пришиты къ нимъ. На верху урасы оставляютъ отверстіе для выхода дыма и приступаютъ къ устройству внутренности жилья. Начиная отъ входа и вокругъ всей урасы, около стѣнокъ, снѣгъ выстилается еловыми вѣтками, на которыхъ устраиваютъ постели. Средина урасы остается незакрытой вѣтвями, и на ней разводятъ костеръ, большой или маленькій, глядя по величинѣ урасы, которая имѣетъ иногда не болѣе 5—6 вершковъ въ поперечникѣ. Надъ костромъ укрѣпляется палка, на которой, на деревянныхъ или желѣзныхъ крючкахъ, подвѣшиваютъ чайники и котелки для варки пищи.

Шатеръ тунгусовъ

«Подобное помѣщеніе хотя и защищаетъ до нѣкоторой степени отъ вѣтра и снѣга, но далеко не отличается теплотою. Какое можетъ быть тепло при морозахъ Восточной Сибири подъ кровомъ легкаго шатра, открытаго сверху? Вдобавокъ униканы, которыми обтянутъ шалашъ, бываютъ по большей части дырявые. Они сшиваются изъ шкуръ оленей, убитыхъ въ началѣ лѣта, когда подъ кожей животныхъ находится много личинокъ оводовъ, дѣлающихъ дыры въ кожѣ; кромѣ того, развѣ можно уберечь униканы отъ порчи объ сучья при постоянныхъ переходахъ въ тайгѣ? Въ урасѣ настолько холодно зимою, что съ непривычки въ ней невозможно заснуть, хотя всю ночь въ ней поддерживаютъ небольшой огонь. Поэтому часто тунгусы прибѣгаютъ къ изобрѣтенному ими одѣялу изъ заячьяго мѣха. Такое одѣяло тунгусы шьютъ до половины мѣшкомъ, такъ что каждый разъ, ложась спать, необходимо влѣзать въ него съ ногами, а верхнимъ концомъ закрываться какъ удобнѣе. Приспособленіе это весьма полезно: лежащій подъ нимъ или, вѣрнѣе, въ немъ при всякомъ движеніи остается закрытымъ, а это весьма важно на морозѣ.

«Поѣли олени весь мохъ кормовища, не стало дичи вокругъ—и тунгусская семья пробирается дальше, на другое кормовище, за десятки верстъ отъ перваго. Снятые униканы урасы вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ укладываются на длинныя, чрезвычайно легкія сани (нарты), связанныя изъ палочекъ; въ сани запрягаютъ нѣсколько оленей. Взрослые идутъ пѣшкомъ или ѣдутъ верхами на оленяхъ, дѣтей же кладутъ въ походную колыбель, зашнуровываютъ тамъ такъ, чтобы ребенокъ не могъ повернуться, и закрываютъ чѣмъ-нибудь сверху. По-

томъ колыбель привѣшиваютъ къ оленю. Дорогою раза два въ день колыбель снимаютъ съ оленя, развязываютъ, и мать кормитъ свое дитя; все же остальное время ребенокъ остается на оленѣ и спитъ, убаюканный его качкой. Если случится, что онъ проснется и примется кричать отъ холода или отъ нездоровья или лѣтомъ отъ

Лѣтнее становище инородцевъ.

комаровъ, насѣвшихъ на него цѣлыми тысячами, то на это никто не обращаетъ вниманія, и всѣ продолжаютъ свой путь.

«Расположившись табором, мужчины идутъ на охоту и часто далеко отходятъ отъ своей урасы. Охота производится конечно зимою, когда мѣхъ звѣря особенно пышенъ и наряденъ. На легкихъ лыжахъ скользитъ тунгусъ по глубокому снѣгу въ чащѣ елей, въ сопрово-

жденіи лохматой собаки-лайки, обладающей незамѣнимыми охотничьими качествами. Главнымъ образомъ онъ ищетъ пушного звѣря — соболя, куницу, бѣлку, лисицу; но для своего пропитанія бьетъ и оленя, и лося, и косулю, и медвѣдя, и птицу лѣсную. Такъ по цѣлымъ недѣлямъ остается этотъ человѣкъ совершенно одинъ, глазъ на глазъ съ природой, дикой и угрюмой. Ему знакомы въ совершенствѣ всѣ обычаи и повадки лѣсного звѣря; по самымъ ничтожнымъ, едва уловимымъ признакамъ онъ угадываетъ о его присутствіи; заблудиться ему невозможно, погибнуть въ когтяхъ звѣря трудно, а съ морозами, вьюгами и бурями онъ знакомъ съ самаго младенчества. Съ головы до ногъ закутанный въ двойную мѣховую одежду, съ лицомъ, потемнѣвшимъ и одеревенѣвшимъ отъ стужи и вѣтра, одиноко проводитъ онъ долгую зимнюю ночь.

«Впрочемъ, случается порою и этому желѣзному человѣку попадать въ безвыходное положеніе, и съ нимъ бываютъ непредвидѣнныя и ужасныя стеченія обстоятельствъ, выйти изъ которыхъ онъ не можетъ однѣми собственными силами. Тогда онъ отпускаетъ «домой» свою собаку. Если собаки нѣтъ дома, никто не безпокоится о судьбѣ охотника. Пришла собака безъ хозяина,—всѣхъ членовъ табора охватываетъ тревога. Тогда начинаютъ внимательно разглядывать животное: нѣтъ ли на немъ какихъ-либо знаковъ, по которымъ можно было бы судить о судьбѣ его хозяина. Присутствіе ремня на шеѣ, узлы на этомъ ремнѣ, отмѣтки, сдѣланныя на шерсти,— все это такіе признаки, которые опытный глазъ тунгуса читаетъ не хуже письма, присланнаго съ мѣста происшествія. Такъ, однажды вернулась собака охотника

съ ремнемъ, обмотаннымъ вокругъ шеи и завязаннымъ однимъ узломъ; кромѣ того шерсть у нея была въ одномъ мѣстѣ обрѣзана тремя зубцами, а поверхъ нихъ опалена огнемъ. Старый тунгусъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ объявилъ, что охотникъ находится въ трудномъ, но не отчаянномъ положеніи, иначе ремень не былъ бы такъ аккуратно завернутъ вокругъ шеи; что искать его нужно за тремя рѣками отъ того мѣста, откуда онъ вышелъ на охоту, и что онъ находится въ такой мѣстности, гдѣ былъ недавно пожаръ. По этимъ значкамъ старикъ сейчасъ же вспомнилъ и ту мѣстность, гдѣ нужно было искать охотника».

Какъ ни разновидны племена инородцевъ, какъ ни раскинуты они часто на страшную даль другъ отъ друга, но у нихъ очень много общаго, сходнаго. Охота заставляетъ ихъ кочевать въ поискахъ за добычей, потому что и звѣрь не держится однихъ и тѣхъ же мѣстъ, а кочуетъ. Охота же дѣлаетъ необходимымъ жить врозь, небольшими поселками, а часто и одинокими семьями среди лѣсной глуши. Почти всѣ инородцы эти честны и гостепріимны. Всѣ они бережно относятся къ чужому добру и, быть-можетъ, именно потому, что всѣмъ оно достается одинаково тяжелымъ и опаснымъ трудомъ; и всякаго ихъ нихъ ничего не стоитъ обобрать: очень легко взять звѣря изъ чужого капкана, унести что угодно изъ шалаша въ отсутствіе хозяевъ и такъ далѣе.

Въ крайней нуждѣ обычай ихній позволяетъ иногда взять чужую вещь безъ хозяина, но тогда оставляется какой-нибудь знакъ,—одинъ изъ тѣхъ, какими зачастую переговариваются охотники въ сибирскихъ лѣсахъ.

Вотъ что разсказывалъ одинъ путешественникъ по

Камчаткѣ и охотскому побережью о корякахъ и другихъ живущихъ тамъ племенахъ:

«Часто они догоняли насъ послѣ нашего отъѣзда на разстояніи пяти или десяти верстъ, чтобы отдать какую-нибудь случайно забытую, хотя бы и незначительную вещь, въ родѣ ножика или трубки. Многія изъ этихъ полудикихъ племенъ обращались съ нами такъ любезно и гостепріимно, какъ рѣдко бываетъ и въ образованной христіанской странѣ... Мнѣ не извѣстенъ среди нихъ случай предательства или измѣны, и я отдалъ бы свою жизнь въ ихъ руки безъ всякой боязни».

Но не всѣхъ такъ трогаетъ эта честность и доброта. Русскіе торговцы пользуются простодушіемъ инородцевъ и большимъ пристрастіемъ ихъ къ табаку и вину и вводятъ ихъ зачастую въ неоплатные долги и разоряютъ. Въ Енисейскомъ и Верхоленскомъ округахъ торговцы полюбовно между собой подѣлили многіе инородческіе поселки; каждый навѣщаетъ свой «приходъ» — весной забирать птицу и перо, осенью ягоду, а зимой пушнину; все это въ обмѣнъ на хлѣбъ, соль, спички, желѣзныя вещи, табакъ. Обыкновенно прежде этихъ товаровъ идетъ въ ходъ вино, и уже когда всѣ инородцы достаточно напились,—торговецъ начинаетъ торгъ. Охмелѣвшіе покупатели остаются при этомъ, разумѣется, въ долгу у торговца. Въ зачетъ долга они уже должны, хочешь—не хочешь, припасти добычи къ слѣдующему его пріѣзду; у неисправныхъ должниковъ торговцы отбираютъ иногда и необходимое имущество—котлы, одежду и прочее. И вотъ такъ-то инородцу къ работѣ на семью прибавляется работа на купца. Купцу выгодно не выводить инородцевъ изъ долга, и когда нужно—онъ насчиты-

ваетъ и приписываетъ сколько хочетъ. Купецъ учитъ бѣдныхъ инородцевъ тому, чего они отродясь не знали: тунгусъ, отчаявшись развязаться съ долгомъ честнымъ путемъ, собираетъ пожитки—и давай Богъ ноги подальше отъ купца; бурятъ навострился сутяжничать еще лучше своихъ учителей и этимъ отбиваетъ охоту приписывать лишніе долги; самоѣдъ теперь, кто его ни спроси: сколько у него оленей, хорошъ ли, молъ, промыселъ,—скажетъ: «Хуже нынѣшней охоты еще не бывало, а олени пропали, нѣтъ оленей»; остякъ угрюмо глядитъ на чужого человѣка и не разговорится, пока не увѣрится, что вы пришли къ нему не для обиды и обмана.

И вообще, надо сказать правду, много зла дѣлали русскіе бѣднымъ инородцамъ. Русскіе пришельцы, гонясь за добычей, оттѣсняли несчастныхъ исконныхъ жителей-инородцевъ все дальше и дальше и загоняли въ дикую тундру. Русскіе захватывали лучшія земли и угодья инородцевъ; имъ негдѣ становилось ловить звѣрей. охотиться и ловить рыбу. Русскіе стали безъ всякой жалости истреблять звѣря и рыбу, да и инородецъ перенялъ у нихъ ружье и порохъ и сталъ тоже безъ пощады бить звѣря, дѣлая теперь изъ этого торговлю съ русскими купцами. Звѣря становилось все меньше и меньше, а купцы съ помощью водки запутывали совсѣмъ бѣднаго инородца.

Многіе инородцы живутъ въ страшной нуждѣ: инымъ по цѣлымъ годамъ приходится питаться падалью да пихтовою корою. И отъ всего этого инородцы мало-по-малу вымираютъ въ этомъ краю.

Тотъ же путешественникъ говоритъ о хорошемъ обра-

щеніи инородцевъ съ дѣтьми и женщинами. Быть-можетъ, въ иныхъ изъ ихнихъ племенъ такъ и водится, но все-таки не легка у нихъ женская доля. У тунгуса жена въ родѣ какъ рабыня. Когда она состарится, тунгусъ женится на молодой, оставляя первую жену въ ра-
ботницахъ. Она можетъ ѣсть только объѣдки отъ мужниной ѣды. Женихъ покупаетъ невѣсту у ея родителей

Тунгусъ.

за работу на нихъ или за оленей. Сватами идутъ родители жениха и при сватаньи торгуются и хитрятъ какъ только могутъ. Зарабатываютъ невѣсту иногда нѣсколько лѣтъ, а оленей даютъ за нее отъ 5 до 100 штукъ. На свадьбѣ пируютъ какъ и у насъ. Поютъ при этомъ у кого что на душѣ лежитъ, тутъ же и слагая пѣсню. Вотъ что пѣлъ на одной остяцкой свадебной пирушкѣ отецъ невѣсты: «Смотрите—уже жарится въ дыму голова оленя! Назадъ дѣла не воротишь: мы навсегда родня... Не будьте же съ дочерью строги. Мы учили ее жить съ мужемъ въ согласіи. Отдали ее, чтобы она жила и умерла въ его жильѣ... Ну, теперь мы ѣдемъ домой со старухой; не гляди же, дочка, за нами вслѣдъ и не плачь...»

Немало заботъ и труда предстоитъ молодухѣ въ новой семьѣ. Мужъ—добытчикъ, а женино дѣло — всѣхъ обрядить, накормить, при перекочевкахъ — собрать въ

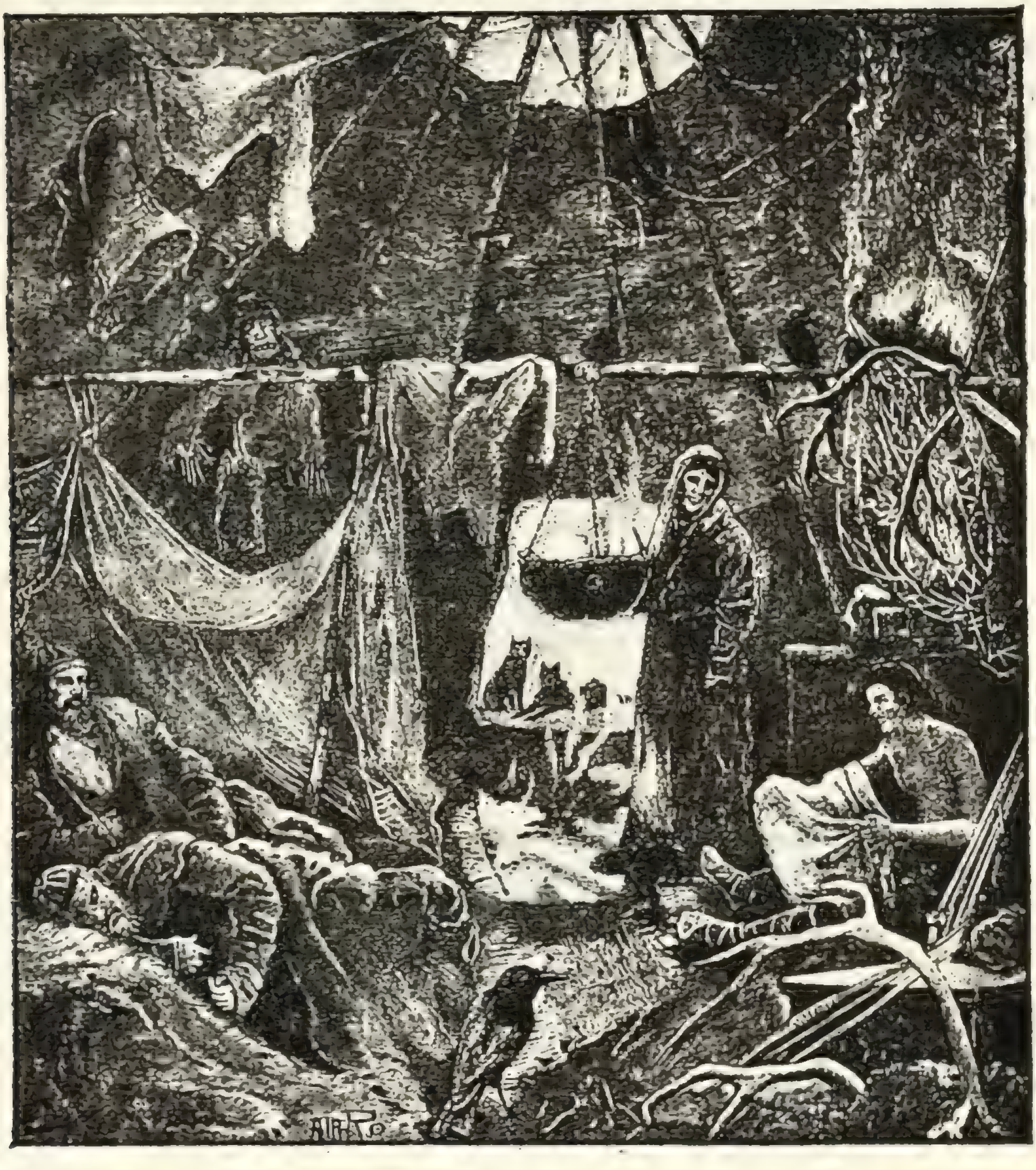
дорогу домашній скарбъ и шалашъ, а на новомъ мѣстѣ— все это установить снова.

Какъ долги и мучительны должны казаться бѣдной молодухѣ дни и ночи въ отлучкѣ мужа на охоту! Не разъ выбѣжитъ она изъ своей юрты въ зимнюю ночь и чутко вслушивается: вотъ словно выстрѣлъ грянулъ, и гулъ прокатился по молчаливой тайгѣ,—это ледъ на рѣкѣ. Вотъ чей-то вой доносится изъ темнаго лѣса, и чудится ей — злые духи скользятъ между вѣтвей, согнувшихся подъ снѣгомъ, и тихо крадутся къ ней... Здѣсь ей страшно за себя, а вернется въ юрту —за мужа страшно, да какъ нарочно вспоминается множество разсказовъ о гибели охотниковъ въ тайгѣ.

Тунгуска съ ребенкомъ.

Инородцы вѣрятъ во всякія небывальщины; они вѣрятъ во множество всякихъ злыхъ и добрыхъ духовъ. По ихъ повѣрью, все дурное, все трудное для человѣка придумали злые духи: пустынная тундра, высокія горы,

болѣзни, неудача въ охотѣ, пурга — это все дѣло ихъ рукъ. Добрыхъ духовъ не надо особенно задабривать,



Внутренность юрты инородцевъ.

потому что они и такъ добры. Злые же духи сильнѣе и многочисленнѣе,— ихъ надо укрощать. Они любятъ все то же, что и человѣкъ, и ихъ можно ублажать оле-

ньимъ мясомъ, виномъ, похлебкой. Отъ нихъ надо допытываться, гдѣ искать пропавшихъ оленей, куда звѣрь откачнулся, какъ изгнать изъ тѣла болѣзнь... Приходится знаться съ нечистыми; для этого нуженъ особенный человѣкъ, колдунъ, или, какъ еще называютъ такихъ людей, шаманъ. Не всякій рѣшится стать шаманомъ. По повѣрью инородцевъ, по смерти онъ попадаетъ во власть нечистой силы. Мертвый шаманъ поэтому особенно страшенъ для нихъ, и могилу его стараются обходить подальше.

Кромѣ того, по повѣрью инородцевъ, не всякій способенъ быть шаманомъ, и не всѣ шаманы одинаково сильны: одни почитаются способными призывать самого властелина тьмы, а другіе—лишь незначительныхъ бѣсовъ или просто только видѣть и толковать вѣщіе сны да ворожить и прогонять самыя легкія болѣзни. Войдемъ въ юрту, гдѣ ожидается служеніе шамана. Все здѣсь подчищено и прибрано; одни умываются, другіе заплетаютъ свои косы... Вотъ входитъ человѣкъ въ странной одеждѣ: она вся колышется на ходу пучками волосъ и ременной бахромою и звенитъ множествомъ побрякушекъ изъ мѣди и желѣза, изображеніями птицъ и звѣрей. За нимъ мальчишка, его ученикъ и прислужникъ, тащитъ огромный бубенъ и колотушку; вотъ онъ подогрѣлъ бубенъ надъ огнемъ, чтобы сильнѣе гудѣлъ, и подалъ шаману. Огонекъ потухъ, всѣ смолкли, и слышно въ темной юртѣ тихое жужжаніе бубна. Вотъ крикнула чайка, вотъ воронъ и соколъ. Эти птицы—тоже прислужники шамана, и эти крики означаютъ, что онъ послалъ ихъ гонцами въ преисподнюю за духами тьмы. Подъ жужжаніе бубна шаманъ затянулъ пѣсню, сна-

чала тихо, но что дальше—то громче гудитъ бубенъ, а съ нимъ громче и пѣснь: духи будто бы приближаются, и пѣснью онъ заговариваетъ съ ними. Ему подтягиваетъ ученикъ. Отъ жары и духоты присутствующіе сбрасывaютъ съ себя одежду. Пѣснь переходитъ наконецъ въ какой-то дикій ревъ. Шаманъ вскакиваетъ и начинаетъ кружиться и плясать будто бѣшеный. При слабомъ свѣтѣ раздувшихся углей мелькаютъ его погремушки, видны его оскаленные зубы, полузакрытые глаза и растрепавшіяся косы. И вдругъ обрывается пѣснь и грохотъ бубна, и шаманъ останавливается. На губахъ его пѣна, и съ измученнаго лица струится потъ. Тутъ онъ объявляетъ хозяевамъ, гдѣ искать ихъ оленей и прочее, или приступаетъ къ лѣченію больного, какъ внушили будто бы ему сейчасъ демоны.

Въ иныхъ торжественныхъ случаяхъ шаманъ совершаетъ обрядъ принесенія въ жертву духамъ оленя, а у якутовъ и южныхъ инородцевъ — бурятъ и татаръ— приносятъ въ жертву коня. Храмовъ у нихъ нѣтъ, и обряды эти совершаются подъ открытымъ небомъ.

Деревянныя и каменныя куклы своихъ божковъ инородцы одѣваютъ какъ себя и мажутъ имъ губы лучшей ѣдой. Иныя изъ нихъ приставляются къ ловушкамъ на звѣрей, для удачи, или къ пасущимся оленямъ—охранять ихъ отъ волковъ. И если куклы боговъ дурно служатъ, ихъ держатъ впроголодь, а то и бросаютъ вовсе и налаживаютъ новыхъ.

По повѣрью инородцевъ, загробная жизнь подобна земной, и они заботятся, чтобы покойникъ ни въ чемъ не нуждался. При немъ кладутся его промысловые снаряды: при женщинахъ—посуда, нитки, иглы, а при дѣ-

тяхъ—игрушки. Покойниковъ они боятся и при погребеніи принимаютъ разныя мѣры, чтобы покойникъ не могъ вернуться съ того свѣта.

Многіе изъ инородцевъ Восточной Сибири крещены. Но православіе стѣсняетъ ихъ обрядами, и они не всегда его придерживаются: надо, напримѣръ, говѣть, а у нихъ это самое горячее время для охоты; приходитъ дѣло вѣнчать, крестить, хоронить, а батюшка живетъ верстъ за сто, не на чемъ привезти его, а бываетъ—и заплатить нечѣмъ. Иные изъ нихъ говорятъ поэтому православнымъ: «Ваша вѣра дорога для насъ». Старики же увѣряютъ, будто и обѣднѣли они отъ новой вѣры.

Чтобы досказать о вѣрѣ инородцевъ, скажу еще о буддистахъ. Эта вѣра самая распространенная у китайцевъ и другихъ народовъ, живущихъ къ югу отъ Сибири. Ея придерживаются многіе изъ бурятъ Иркутской губерніи.

Основатель этой вѣры, царевичъ Будда, жилъ въ Индіи около двухъ тысячъ четырехсотъ лѣтъ тому назадъ. На 27 году онъ тайкомъ покинулъ свой богатый домъ и долго скитался по родной землѣ, приглядывался къ людямъ, ихъ жизни и вѣрѣ, изучалъ свою душу и размышлялъ о причинѣ страданій людскихъ и объ искупленіи ихъ. И вотъ, по преданію, истина вдругъ открылась ему, и съ тѣхъ поръ до конца жизни онъ училъ людей истинѣ, странствуя по Индіи.

По его ученію, люди и на землѣ уже несутъ за нечистые помыслы и неправедныя дѣла наказаніе—въ душевной тревогѣ и мукѣ. Страданіе слѣдуетъ за согрѣшившимъ какъ колесо за ногами запряженнаго животнаго. «Никакое богатство не утопитъ этихъ мукъ, и

мученія и лишенія тѣла не спасутъ отъ нихъ. Отъ грѣховныхъ, нечистыхъ помысловъ и дѣлъ можетъ оборонить только постоянная работа надъ собою, постоянная борьба съ дурными страстями: держи себя въ уздѣ, какъ возница держитъ коня».

Какія же дѣла считалъ Будда праведными? Онъ училъ людей быть милостивыми другъ къ другу и ко всему живущему, никому не причинять мученій, смирять въ себѣ гнѣвъ, зло побѣждать добромъ, а ложь и лжецовъ—истиной. Но для полнаго искупленія такой праведности мало. По древнему индійскому повѣрью, со смертью тѣла духъ, его оживлявшій, не покидаетъ земли. Онъ подобенъ зерну, оставшемуся отъ увядшаго злака, и вѣчно возрождается въ новомъ плотскомъ образѣ то человѣка, то какого-нибудь животнаго. Но плотская жизнь тягостна; все живущее на землѣ томится постоянными желаніями, подобными неутомимой жаждѣ. И вотъ, чтобы избавиться отъ возрожденій, отъ вѣчной муки плотской жизни,—однихъ праведныхъ дѣлъ, по ученію Будды, мало. Для этого надобно имѣть силу побороть и загасить въ себѣ всѣ земныя желанія и привязанности. Тогда наступитъ уже полное искупленіе, духъ никогда не облечется болѣе въ плоть и обрѣтетъ себѣ вѣчный покой.

4 С

4. Гдѣ находится хлѣбородная полоса Восточной Сибири.—Горы, степи и рѣки Восточной Сибири.—Озеро Байкалъ.

Хлѣбопашествомъ по-настоящему занимаются только въ полуденныхъ, южныхъ округахъ Енисейской и Иркутской губерній, а именно: въ Енисейской губерніи—въ округахъ Минусинскомъ, Ачинскомъ, Красноярскомъ и Канскомъ, а въ Иркутской губерніи—въ округахъ Иркутскомъ, Балагонскомъ и Нижнеудинскомъ. Всѣ эти округа вмѣстѣ занимаютъ около четырехсотъ шестидесяти тысячъ квадратныхъ верстъ. На этомъ пространствѣ умѣстилось бы восемь нашихъ губерній: Курская, Рязанская, Пензенская, Самарская, Нижегородская, Воронежская, Полтавская и Черниговская. Но число жителей въ этой любой изъ нашихъ губерній вдвое, даже втрое больше, чѣмъ во всѣхъ названныхъ сибирскихъ округахъ. Въ округахъ этихъ числится только около семисотъ десяти тысячъ душъ; въ небольшой же, сравнительно, Рязанской губерніи—около двухъ милліоновъ жителей.

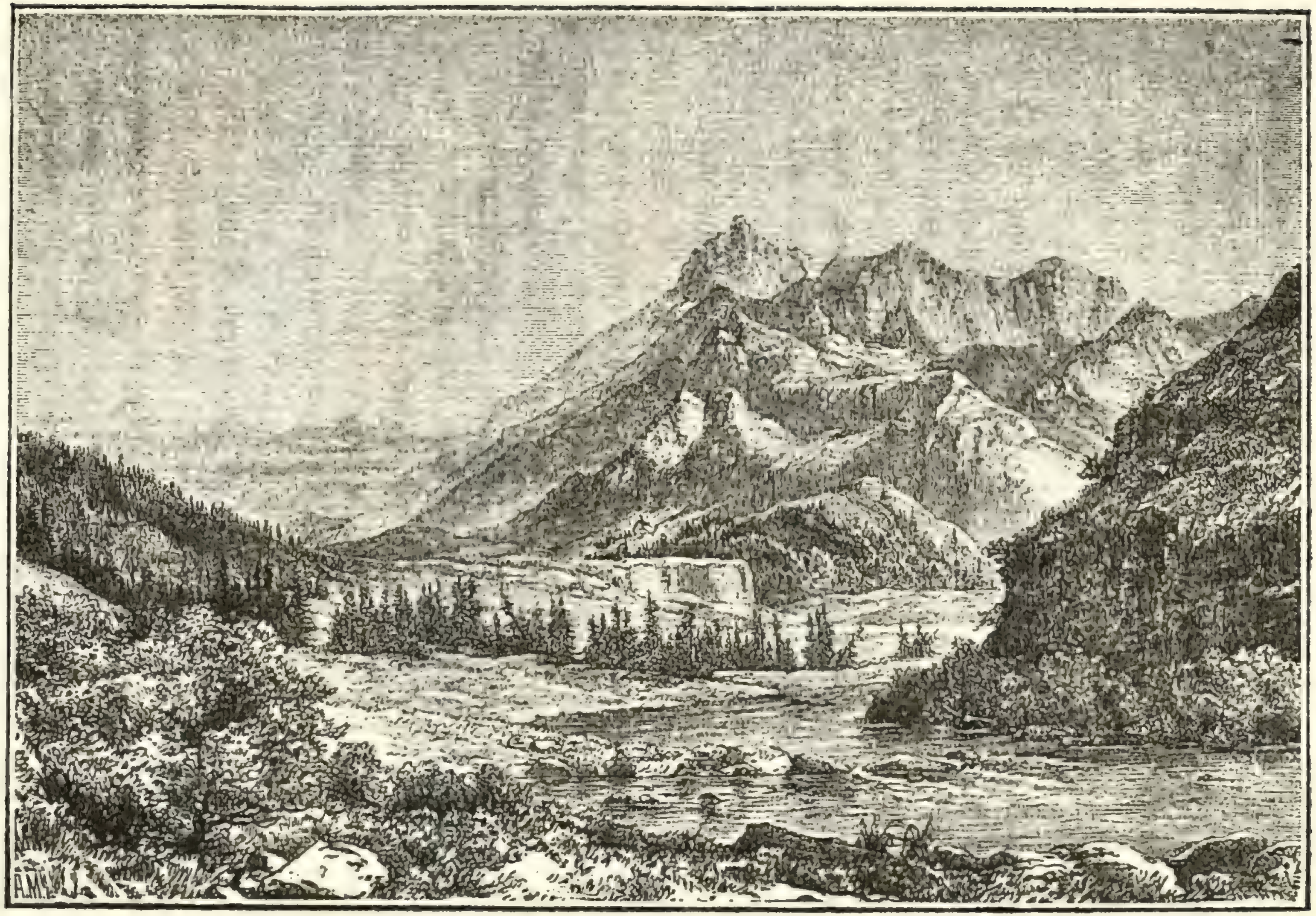
Съ полуденной стороны во всю длину этой хлѣбородной полосы вытянулись горы, и отроги отъ нихъ расползлись по всему этому краю, такъ что весь онъ гористый. Горы эти вышиною версты въ двѣ; есть и выше, есть и ниже. Вершины горъ—обнаженныя гранитныя скалы. Снѣга сходятъ съ этихъ вершинъ только въ іюлѣ и снова покрываютъ ихъ въ концѣ августа.

Скаты этихъ горныхъ хребтовъ то круты и обрываются въ глубокія пади и ущелья, то пологи и покрыты густыми лѣсами и невысыхающими подъ ихъ тѣнью болотами. Такія мѣста пустынны; постоянный ихъ житель—звѣрь; человѣкъ же заходитъ сюда по вьючнымъ тропамъ для охоты и золота. Таковы горы, окаймляющія съ юга Минусинскій округъ Енисейской губерніи; пахарь облюбовалъ среди нихъ съ недавняго времени пока одно только мѣстечко на рѣкѣ Усѣ, притокѣ Енисея. Также и весь югъ Иркутской губерніи сплошь покрытъ высокими горами и глубокими ущельями; среди нихъ нашлось мѣсто для земледѣльца только въ Тункинской долинѣ по рѣкѣ Иркуту, притоку Ангары.

«Лѣсъ да горы, горы да лѣсъ,—разсказываетъ одинъ сибирякъ о своихъ поѣздкахъ по Иркутской губерніи въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ.—Огромные, безконечные кряжи съ ихъ мрачнымъ сосновымъ боромъ, на смѣну имъ—долины, съ отдѣльными рощами кудрявыхъ березъ, да на пригоркѣ—вѣчно шелестящая осина. Вы ѣдете по этой долинѣ десять, двадцать верстъ и не видите ни одного жилья. Только едва примѣтная колея указываетъ на то, что здѣсь бываютъ люди. Въ голубой дали опять гора съ сосновымъ лѣсомъ, и по ребру ея опять та же узкая дорожка.

«Вамъ на второй день надоѣстъ уже смѣна горъ и долинъ, лѣсного шума и лѣсной тишины. Особенно надоѣстъ скверная дорога по корнямъ и ухабамъ. Захочется отдохнуть гдѣ-нибудь,—хоть въ юртѣ бурята.

«Въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ такъ мало русскихъ селеній, что радъ будешь и бурятамъ... Да по правдѣ сказать, ихъ особенный бытъ, ихъ улусы (деревни) съ



Горы въ Восточной Сибири.

осьмиугольными юртами, разбросанными по горному скату, докучливый скрипъ арбы и однообразная пѣсня бурята верхомъ на быкѣ,—все это какъ-то больше идетъ къ нашей дикой, пустынной природѣ. И кажется, точно видишь давнюю-предавнюю Сибирь, еще до Ермака Тимоѳеевича...»

Такъ что, значитъ, съ полуденной стороны въ хлѣбородныхъ округахъ этихъ возвышаются высокія горы, а потомъ къ полуночному краю идутъ ужъ, какъ бы подножье этихъ горъ, земли холмистыя, но удобныя уже для хлѣбопашества. И народу здѣсь живетъ уже куда больше, чѣмъ на пустынномъ сѣверѣ или на высокихъ горахъ.

Но степей тутъ мало. Степи есть въ Енисейской губерніи, на западѣ Минусинскаго округа, по лѣвую сторону рѣки Енисея и въ двухъ сосѣднихъ съ этимъ волостяхъ Ачинскаго округа. Въ степяхъ этихъ живутъ скотоводы-татары. Есть степи и въ нѣсколькихъ русскихъ волостяхъ, въ средней части Минусинскаго округа, по правую сторону рѣки Енисея. Въ Иркутской губерніи степи лежатъ по обоимъ берегамъ рѣки Ангары, главнымъ образомъ въ Балаганскомъ округѣ, и живутъ въ нихъ наполовину русскіе, наполовину буряты — скотоводы и пахари.

Суровый климатъ сказался на этихъ степяхъ. Онѣ не похожи на роскошныя цвѣтущія степи южной Россіи. Особенно иркутскія степи—сухія и угрюмыя, изрытыя руслами почти безводныхъ ручьевъ; скучны частью и минусинскія степи въ серединѣ округа,—песчанистая земля пропитана здѣсь солью. Только по рѣкамъ да по островамъ на Енисеѣ и Абаканѣ есть хорошая трава,

кустарники, обвитые хмелемъ, и высокіе пахучіе тополи. Тоже по влажнымъ логамъ и оврагамъ. По прочимъ же мѣстамъ травы бываютъ зелены только два весеннихъ мѣсяца, а затѣмъ выгораютъ. На соляной почвѣ держится только какая-то мелкая травка буроватаго цвѣта, мѣстами же голые пески или озера, отороченныя бѣлыми осадками соли.

Только пасущіяся стада оживляютъ эту степь да еще постоянные спутники ихъ—скворцы и галки. Но въ жаркую пору дня скотъ спускается къ водѣ и тѣни. Въ душномъ воздухѣ только и слышно, какъ стрекочутъ кузнечики, да жужжатъ мухи, да кой-когда пролетитъ орелъ, выглянетъ изъ норки сурокъ.

Такова степь въ серединѣ Минусинскаго округа. Но по правую сторону Енисея и у подножія Саянскихъ горъ она подступаетъ къ лѣсамъ. Здѣсь земля много плодороднѣе,—больше влаги; яркіе цвѣтущіе луга и хлѣбныя поля смѣняются не мертвыми песками, а веселыми рощами и лѣсами.

Другихъ инородцевъ, кромѣ бурятъ и татаръ, здѣсь очень немного. Бурятъ же насчитываютъ въ селеніяхъ трехъ южныхъ округовъ Иркутской губерніи около 80 тысячъ, а русскихъ — 150 тысячъ; татаръ въ южныхъ округахъ Енисейской губерніи до 30 тысячъ, а русскихъ—310 тысячъ.

Земледѣльческіе округа Енисейской губерніи протянулись по рѣкѣ Енисею и его притокамъ. Минусинскій округъ тянется на пятьсотъ верстъ теченія рѣки Енисея, Красноярскій округъ—на двѣсти верстъ по его теченію, остальныя—на 70, на 100. Рѣка Енисей течетъ въ Сибирь изъ китайскихъ предѣловъ. Енисей прорылъ

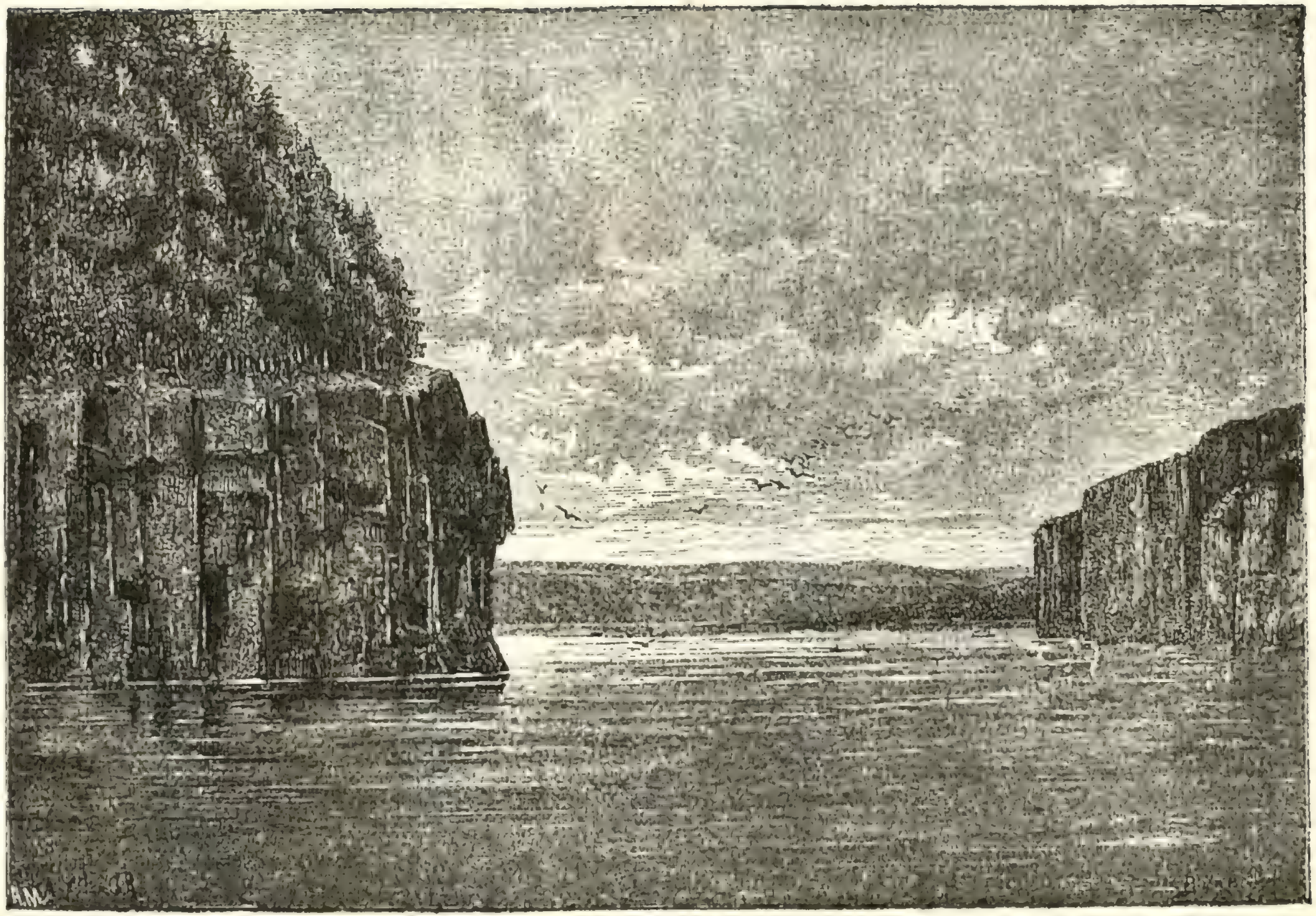
ходъ сквозь высокія Саянскія горы и очень красиво течетъ въ этихъ горныхъ ущельяхъ; но тамъ онъ бурливъ и порожистъ и не пригоденъ поэтому для плаванья. Потомъ онъ пробивается къ намъ сквозь горныя тѣснины и течетъ спокойно по хлѣбородному краю. Тутъ по нему можно ужъ плыть судамъ вплоть до самаго Ледовитаго моря (нѣсколько тысячъ верстъ). Большіе пороги затрудняютъ еще судоходство по рѣкѣ Енисею между Красноярскомъ и Енисейскомъ; рѣка покрыта въ нихъ пѣной, и отъ шума воды люди на судахъ едва слышатъ другъ друга.

Средняя ширина Енисея, выше города Енисейска, отъ полуторы до двухъ верстъ. Только по Енисею и можно сплавлять на продажу хлѣбные избытки изъ хлѣбороднаго края на сѣверъ губерніи, особливо на золотые пріиски Енисейскаго округа. Между Енисейскомъ и Минусинскомъ плаваетъ теперь во все судоходное время нѣсколько пароходовъ.

Судоходна здѣсь еще рѣка Чулымъ, притокъ рѣки Оби, текущая въ Сочинскомъ округѣ. Между городомъ Томскомъ (въ Западной Сибири) и городомъ Ачинскомъ по Чулыму ходятъ пароходы. Лѣтомъ по этой рѣкѣ везутъ товары, идущіе въ Восточную Сибирь изъ Россіи.

Земледѣльческіе округа Иркутской губерніи расположены по рѣкѣ Ангарѣ и ея притокамъ.

Ангара удобна для судоходства только въ верхнемъ своемъ теченіи, на протяженіи около 600 верстъ, начиная отъ истока. Дальше отъ впаденія рѣки Оки, начинается на Ангарѣ цѣлый рядъ пороговъ; шумъ воды слышенъ за нѣсколько верстъ и издали похожъ на раскаты грома. Ангара впадаетъ въ рѣку Енисей близъ



Рѣка Ангара.

города Енисейска, а вытекаетъ она изъ Байкальскаго озера, верстахъ въ 60 отъ города Иркутска.

Ангара не похожа на другія рѣки. Она разливается не весной, а зимою, когда всѣ остальныя рѣки замерзаютъ. Начинаетъ она замерзать не сверху, а снизу, со дна, и подымаетъ при этомъ мелкіе камушки, небольшихъ рыбокъ, червей и прочее. Въ это время, въ концѣ декабря, по набережной Иркутска нѣтъ проѣзда: Ангара выступитъ изъ береговъ, зальетъ улицы и набросаетъ на берегъ ледъ большими глыбами. Только черезъ нѣсколько дней Ангара успокоится, скованная сибирскими морозами. Лѣтомъ, даже во время самыхъ сильныхъ жаровъ, вода ея такъ холодна, что въ ней едва можно пробыть нѣсколько минутъ, и такъ чиста, что на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ видны камень и песокъ.

Ангара имѣетъ важное значеніе для бурятъ. По серединѣ рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она вытекаетъ изъ Байкала, подымается огромная отвѣсная скала—Шаманскій камень. Буряты твердо увѣрены, что на немъ живутъ «онгоны», небесные духи, которые заявляютъ о себѣ черезъ шамановъ. Мѣсто это дѣйствительно страшное, дикое. Волны Байкала, вырвавшись на свободу, клокочутъ и пѣнятся вокругъ Шаманскаго камня и, съ шумомъ разбиваясь о него, взлетаютъ кверху брызгами.

Байкальское озеро—одно изъ величайшихъ и самыхъ глубокихъ озеръ на землѣ. Длина его свыше 600 верстъ, а шириною оно мѣстами въ 100 верстъ. Озеро это—громадное, бурное и глубокое словно море. Высокія лѣсистыя горы тянутся по всей длинѣ сѣвернаго берега Байкала, и видъ отъ нихъ у озера суровый и велича-

Озеро Байкалъ зимою.

вый. Жутко бываетъ иногда даже самому спокойному человѣку на Байкалѣ.

Зимнимъ путникамъ по Байкалу слышатся подо льдомъ какіе-то глухіе металлическіе звуки. Иногда чувствуется даже сотрясеніе льда подъ ногами,—будто воды поднимаются изъ бездны и бьются о ледяные своды. Одинъ путешественникъ говоритъ, что эти звуки точно стоны грѣшниковъ въ глубинахъ ада. Буряты же прямо считаютъ Байкалъ обителью всяческихъ духовъ. Многія береговыя скалы его считаются у нихъ священными. При переѣздѣ черезъ озеро они приносятъ ему жертвы. Этотъ суевѣрный обычай перенятъ и русскими: они тоже бросаютъ въ Байкалъ монеты и хлѣбъ передъ отплытіемъ.

Воды свои Байкальское озеро получаетъ изъ множества рѣкъ и рѣчекъ, стекающихся отъ окружающихъ его горъ; отдаетъ же озеро свои воды только рѣкѣ Енисею черезъ рѣку Ангару. Буряты поэтому говорятъ объ Ангарѣ: «Разоряетъ дочка старика Байкала. Сколько ни старайся сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытое богатство.—все растрачиваетъ мотовка Ангара, и не можетъ дальше богатѣть старикъ».

Байкалъ богатъ всякой рыбой; въ немъ, словно въ морѣ, водятся тюлени. Самыя рыболовныя мѣста его у Забайкальскаго побережья.

Берега Байкала круты и скалисты; оттого они едва ли когда будутъ заселены. Только близъ устьевъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро, стоятъ небольшія деревушки, жители которыхъ занимаются постройкой судовъ, перевозкой товаровъ и рыбной ловлей. По всему же остальному побережью кочуютъ буряты и тунгусы, да кое-гдѣ

попадаются одинокія зимовья рыбаковъ и звѣропромышленниковъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ проѣзжій бурятское зимовье.

«Зимовье было невелико: всего съ десятокъ юртъ. Мы подъѣхали къ самой большой юртѣ, подняли войлочную дверь и вошли. По самой серединѣ пола горѣлъ яркій огонь; дымъ выходилъ въ отверстіе наверху. Надъ огнемъ висѣлъ чугунный котелокъ съ кирпичнымъ чаемъ, а вся семья сидѣла вокругъ. Тутъ же неподалеку, возлѣ стѣнки, лежалъ теленокъ.

«— Здравствуй, хозяинъ! — сказалъ дядя Тимоѳей, входя въ юрту.

«— Здравствуй! — протяжно отвѣтилъ тотъ, снимая свою остроконечную шапку.

«На затылкѣ его бритой головы торчала маленькая косичка.

«Дядя Тимоѳей подсѣлъ къ нему и сталъ толковать о нашемъ дѣлѣ. Они говорили на какомъ-то особенномъ языкѣ: русскія слова были перемѣшаны съ другими, для меня совершенно непонятными, должно-быть—монгольскими.

«Юрта была хорошая, богатая. Вдоль стѣнъ стояли разноцвѣтные кованые сундуки. На самомъ почетномъ мѣстѣ помѣщался красненькій шкапчикъ съ тремя уступами, въ видѣ лѣстницы. На этихъ уступахъ были разставлены маленькіе мѣдные идолы, и передъ ними лежали жертвы—пшено и масло въ металлическихъ чашечкахъ.

«Хозяинъ предложилъ намъ кирпичнаго чаю и хлѣба. Хлѣбъ хозяйка испекла тутъ же, при насъ. Она развела водою муку, накатала шариковъ и положила ихъ

въ горячую золу. Бѣдные буряты питаются круглый годъ кирпичнымъ чаемъ и такимъ хлѣбомъ; богатые же, кромѣ того, ѣдятъ баранину и пьютъ кумысъ.

«Отъ дыма и тяжелаго воздуха юрты у меня закружилась голова».

5. Каковъ климатъ, какова земля, и что сѣютъ въ хлѣбородной полосѣ Восточной Сибири.

Лѣтомъ по Байкалу ходятъ постоянно пароходы въ Забайкальскую область и къ устью рѣки Верхней Ангары, что за 600 верстъ отъ ближайшей къ Иркутску пристани—Лиственичной. Плавать по Байкалу можно съ половины мая до половины ноября,—когда Байкалъ замерзаетъ.

Въ горахъ Иркутской губерніи, неподалеку отъ Ангары, получаетъ свое начало рѣка Лена. Она судоходна уже близъ своихъ истоковъ. По Ленѣ идутъ въ пустынную, холодную Якутскую область избытки иркутскаго хлѣба и потребный на сѣверѣ привозный россійскій товаръ; а обратно—отъ города Якутска — везутъ больше всего мѣха.

На-пересѣкъ Енисею и Ангарѣ идетъ главный сибирскій трактъ черезъ города: Ачинскъ, Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ и Иркутскъ. Это—торговый путь, связывающій Россію съ Китаемъ. Русское населеніе сгрудилось тамъ, гдѣ этотъ трактъ пересѣкается судоходными рѣками, такъ что округа: Красноярскій, Иркутскій и Балаганскій населены гуще, чѣмъ прочіе; въ округахъ этихъ среднимъ счетомъ на каждые десять

квадратныхъ верстъ приходится отъ 21 до 40 душъ, а въ прочихъ—отъ 5 до 10 душъ, кромѣ Ачинскаго округа: въ немъ, благодаря судоходному Чулыму и еще енисейско-минусинскому тракту, на каждые десять квадратныхъ верстъ живетъ до 18 душъ. А въ Россіи на такомъ же пространствѣ земли приходится свыше 100 душъ. Такое безлюдье еще въ Восточной Сибири! И это потому, что крестьяне изъ Россіи начали переселяться очень недавно.

Переселенцы осѣдали до сихъ поръ больше въ Западной Сибири, въ губерніяхъ Тобольской и Томской. Причина этому та, что въ Западной Сибири былъ достаточный еще просторъ, да и гораздо ближе она была къ Россіи; пожалуй, нравилось также и то, что тамъ больше все идутъ равнины, какъ въ родныхъ, привычныхъ мѣстахъ.

Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ огромныя земли, покрытыя дремучими нетронутыми лѣсами, ждутъ еще земледѣльца. Такова, напримѣръ, значительная часть Нижнеудинскаго округа, къ сѣверу отъ большого тракта. Эта лѣсная пустыня никѣмъ, впрочемъ, не изслѣдована, и неизвѣстно, много ли въ ней мѣстъ, удобныхъ для пахаря. Въ Енисейской же губерніи много и завѣдомо удобныхъ мѣстъ никѣмъ еще не занято. Прибывающіе изъ разныхъ концовъ Россіи пришельцы тѣснятся ближе къ населеннымъ уже мѣстамъ. Отъ этихъ мѣстъ все шире разступается подъ топоромъ дремучая тайга, уступая мѣсто пашнѣ. Уединенныя отъ прочихъ людныхъ мѣстъ поселенія, въ родѣ усинскихъ, здѣсь рѣдкость; поселеніямъ на Усѣ положили начало раскольники, желавшіе жить вдали отъ православныхъ. Въ Канскомъ же

округѣ цѣлая деревня выселилась изъ тайги поближе къ людямъ. И мѣсто было хорошее, да одолѣло зимнее бездорожье.

Сѣвернѣе Ачинска, Красноярска, Канска и устья Оки (лѣвый притокъ Ангары) земли больше глинистыя и болотистыя. Къ югу отъ этихъ мѣстъ встрѣчается черноземъ, часто смѣняясь то песчанистыми землями, то глинистыми.

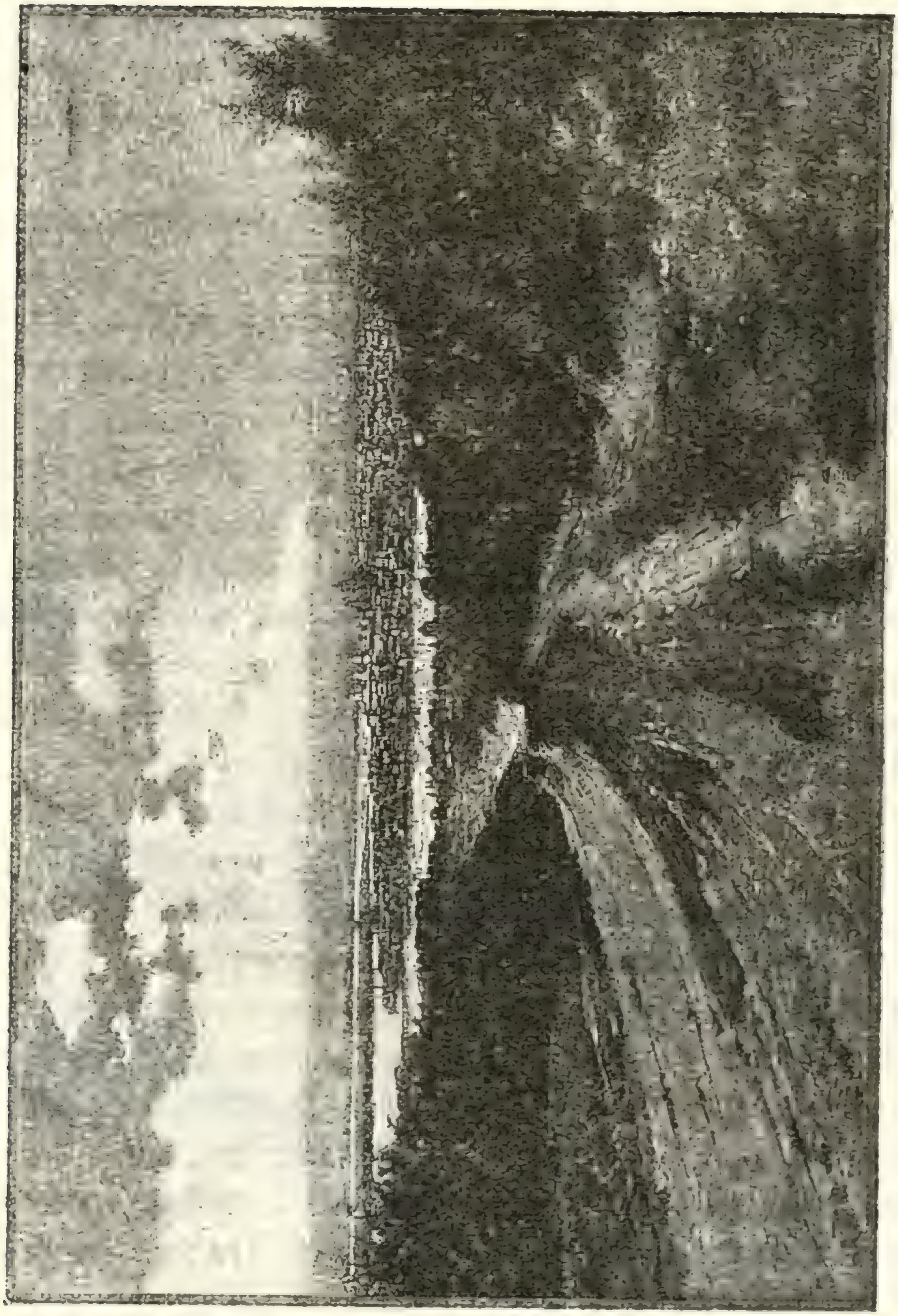
Черноземъ чаще встрѣчается въ Енисейской губерніи, и больше всего въ округахъ Минусинскомъ, Канскомъ и Ачинскомъ. Въ лѣсистомъ Канскомъ округѣ черноземъ залегаетъ вдоль большого тракта между Красноярскомъ и Канскомъ, а также по среднему теченію рѣки Кана, праваго притока Енисея. Этотъ жирный лѣсной черноземъ богато родитъ въ болѣе сухіе годы; въ мочливые же—земля нѣжитъ хлѣбъ, раститъ солому, зерно запаздываетъ наливаться и попадаетъ подъ осенніе инеи.

Въ Минусинскомъ округѣ черноземъ перемежается съ суглинками въ лѣсной и средней, переходной полосѣ отъ степей къ лѣсамъ.

Въ Иркутской губерніи также почвы есть всякія; но въ этой губерніи рѣже встрѣчается черноземъ, чаще же всего попадаются тамъ глинистыя земли; изъ нихъ красные суглинки считаются лучшими по плодородію. Они залегаютъ обыкновенно по увалам.

Степныя земли въ обѣихъ губерніяхъ большею частью легкія—смѣсь песка съ перегноемъ и суглинкомъ. Перегноя въ землѣ въ минусинскихъ степяхъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе земля къ лѣсамъ.

На здѣшнихъ степныхъ земляхъ хлѣбъ отлично ро-



Городъ Иркутскъ.

дится въ сырые годы; но въ сухіе — онъ зачастую выгораетъ на нихъ.

Въ степяхъ этихъ мало выпадаетъ снѣга; онъ легко

сдувается вѣтрами, и озимые посѣвы въ нихъ большая рѣдкость. Какой-то народъ-пахарь еще задолго до русскихъ жилъ здѣсь и научился бороться съ степными засухами. Въ Минусинскомъ округѣ во многихъ мѣстахъ находятъ слѣды древнихъ оросительныхъ канавъ, по которымъ проводили воду въ поля.

Лучшими для хлѣбопашества мѣстами считаются тамъ среднія, переходныя отъ лѣса къ степи. Такія мѣста избавлены болѣе лѣсныхъ мѣстъ отъ позднихъ весенних инеевъ и мочки въ дождливые годы и болѣе степных избавлены отъ засухи. Урожаи въ нихъ много ровнѣе, постояннѣе. Въ Минусинскомъ округѣ и засѣваютъ больше всего въ такой полосѣ. Въ ней на дворъ посѣвовъ круглымъ счетомъ приходится до пяти съ половиной десятинъ, въ лѣсной же полосѣ—четыре съ половиной, а въ степной—только четыре.

Весна въ южныхъ округахъ Енисейской и Иркутской губерній начинается въ концѣ марта или началѣ апрѣля; зима устанавливается въ ноябрѣ. Рѣки вскрываются около 20-го апрѣля; замерзаютъ около 20-го ноября.

Поздніе весенніе утренники здѣсь, говорятъ, чаще, чѣмъ въ такихъ мѣстахъ Россіи, которыя лежатъ наравнѣ со здѣшними мѣстами. Въ Иркутскѣ послѣдній иней въ 86, 87 и 88 году замѣчали между 6 и 13 числами іюня, первые же осенніе иней въ эти годы наступили тамъ 3, 15 и 17 сентября. Посѣвы теряютъ отъ инеевъ большею частью въ низкихъ долинахъ и по сѣвернымъ склонамъ въ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Вообще же такія, подверженныя инеямъ, мѣста въ Сибири знаютъ по особенному холоду въ нихъ на зарѣ.

Сѣять начинаютъ между 15 апрѣля и 1 мая, глядя по мѣсту: въ лѣсахъ и болѣе сѣверныхъ округахъ сѣютъ позже, чѣмъ въ степяхъ и на югѣ. Косьба начинается въ концѣ іюня или въ первыхъ числахъ іюля, такъ что уборка сѣна продолжается иногда до половины августа. Начало жнитва—въ концѣ іюля, а конецъ—въ половинѣ сентября, мѣстами и близъ Покрова.

Сѣютъ болѣе всего рожь озимую и яровую, пшеницу и овесъ. Въ обѣихъ губерніяхъ рожью, пшеницей и овсомъ засѣваютъ около девяти десятыхъ всѣхъ посѣвовъ. Затѣмъ сѣютъ ячмень, гречу, полбу, просо, горохъ, ленъ, коноплю. Здѣсь родятся: картофель, свекла, морковь, капуста, огурцы, бобы; разводятъ еще на одуренье людямъ простой табакъ.

Дыни и арбузы разводятъ только въ Минусинскомъ округѣ. Оттуда сплавляютъ ихъ и для продажи въ сѣверные округа. Говорятъ, однако, что въ большихъ размѣрахъ водить бахчи и тамъ не выгодно изъ-за весенних ъ инеевъ. Пробовали разводить дыни и арбузы въ Иркутской губерніи, да пока все неудачно.

Дикихъ яблонь и грушъ здѣсь нѣтъ, а плодовыхъ садовъ не разводятъ, и нельзя сказать, насколько успѣшно можно было бы здѣсь заниматься плодоводствомъ. Говорятъ—было нѣсколько пробъ въ Минусинскомъ округѣ, и, по нимъ судя, тамъ могутъ поспѣвать яблоки и вишни. Но горы очень разнообразятъ не только почву, но и климатъ отдѣльныхъ мѣстъ Восточной Сибири. Только многочисленные опыты въ разныхъ мѣстахъ могли бы рѣшить дѣло; а ихъ было немного, да и о тѣхъ неизвѣстно, какъ и въ какихъ именно мѣстахъ они велись.

Лѣтъ шесть тому назадъ въ Минусинскомъ округѣ одинъ купецъ засѣялъ наудачу поле свекловицей. Попытка удалась ему, и онъ расширилъ посѣвы свекловицы и устроилъ первый и—пока что—единственный въ Сибири свеклосахарный заводъ.

6. Какъ ведутъ крестьяне въ Восточной Сибири свое полевое хозяйство.—Сибирскія цѣны.—Сторонніе заработки.

Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ частныхъ помѣстій нѣтъ, какъ и по всей Сибири. Бывали случаи, что правительство дарило земли чиновникамъ, но на этихъ земляхъ не завелося пока ни одного помѣщичьяго хозяйства. Крупныя хозяйства съ наемными рабочими здѣсь невыгодны; для нихъ при здѣшней дешевизнѣ хлѣба нужны были бы и дешевыя рабочія руки, а ихъ нѣтъ.

Всѣ земли здѣсь или казенныя, или инородческія, или крестьянскія. Инородцы надѣлены особо отъ русскихъ.

Крестьянская земля въ предѣлахъ сельскаго участка считается въ общественномъ пользованіи всего сельскаго общества. Но земли еще много, и большею частью каждый распахиваетъ себѣ пашни гдѣ и сколько угодно, лишь бы мѣсто не было уже кѣмъ-нибудь занято. Каждый пользуется облюбованнымъ участкомъ, пока трудится на немъ. Пашня можетъ такимъ образомъ перейти, словно по наслѣдству, отъ отца къ сыновьямъ. Размѣры же ея зависятъ не столько отъ душевого на-

дѣла, сколько отъ могутности семьи. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, рядомъ съ хозяйствами, засѣвающими 25 десятинъ, даже 50 десятинъ, есть хозяйства и въ 4 и въ 2 десятины. Съ умноженіемъ народа такой порядокъ становится несправедливъ, неудобенъ для большинства общественниковъ. Тогда общество приступаетъ къ передѣламъ.

Покосы же вездѣ передѣляются. Не входятъ въ передѣлъ до поры только земли, раздѣланныя кѣмъ-нибудь, напримѣръ, изъ-подъ лѣса или болота; такими даютъ пользоваться нѣсколько лѣтъ,—въ Минусинскомъ округѣ—лѣтъ 12.

Полевое хозяйство здѣсь залежное. Пашни не удобряются. Поле разбивается на двѣ почти равныя части, и паръ чередуется съ посѣвомъ. Въ однихъ мѣстахъ хозяйство трехпольное, то-есть, озимь, яровое и паръ, въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ мѣсто такое открытое, что снѣгъ на немъ не держится,—тамъ озимаго хлѣба вовсе не сѣютъ. Ежегодно, сверхъ того, подымается нѣкоторое количество нови, а столько же отработавшей пашни оставляется въ залежь.

Сколько снимаютъ хлѣбовъ съ того или другого участка и на сколько лѣтъ бросаютъ его въ залежь,—это ужъ глядя по землѣ. Такъ, въ Иркутской губерніи на красномъ суглинкѣ снимаютъ отъ 18 до 20 хлѣбовъ, а въ залежь оставляютъ его лѣтъ отъ 5 до 15; на легкихъ же степныхъ почвахъ снимаютъ отъ 3 до 5 хлѣбовъ, а въ залежь оставляютъ лѣтъ отъ 5 до 12. Гдѣ много гуляющей земли, удобной для нови,—и тамъ пашню бросаютъ въ залежь, еще не истощивъ ея. Иногда бросаютъ до срока изъ-за сорныхъ травъ.

Въ лѣсахъ для нови выбираютъ южные и юго-западные склоны, повыше—въ защиту отъ пнеевъ. Лѣсъ тогда «подчерчивается», то-есть со стволовъ внизу снимается четверти на двѣ кора. Хвоя и листва высыхаютъ и да тъ ходъ свѣту и теплу. Подлѣсокъ вырубаютъ и сжигаютъ. Черезъ годъ, черезъ два, иногда и позже, приступаютъ къ пашнѣ, покрытой еще пнями, а то и цѣлыми деревьями. И въ степи и въ лѣсахъ, при очень плотной почвѣ, распаханная новь оставляется на годъ не бороненой—«квасится», а на другой годъ принимаются за обычную паровую обработку.

Земля эта родитъ прекрасный хлѣбъ. Пашни такія, однако, не удобряются,—поэтому, снявши съ нихъ нѣсколько урожаевъ, бросаютъ ихъ лѣтъ на 10—20 и переходятъ къ отдохнувшей залежи или принимаются расчищать новую землю. Пашня бросается оттого, что при первой засухѣ она покрывается сорными травами, такъ какъ распашку дѣлаютъ небрежно и не глубоко (не глубже двухъ съ половиной вершковъ); не помогаютъ даже и «пилы», то-есть обычай здѣшній пилить на корнѣ солому и старую траву на сѣнокосѣ.

Но расчищаютъ такіе залоги (земли, заросшія лѣсомъ) не вездѣ одинаково: напримѣръ, въ сѣверныхъ волостяхъ Енисейскаго округа деревья обрубаютъ и оставляютъ засыхать, пока они сгніютъ, такъ что на расчистку поля, годнаго подъ хлѣбопашество, требуется 20—25 лѣтъ.

Вообще хозяйство въ этихъ мѣстахъ ведется плохо, потому что и объ удобреніи земли помину нѣтъ, и травъ не сѣютъ; а травосѣяніе тамъ было бы очень полезно,

и особенно въ бывающія тамъ засухи, когда сѣно доходитъ иногда до рубля за пудъ.

Пашутъ такъ называемой здѣсь колесухой. Орудіе это, съ широкимъ треугольнымъ сошникомъ, прикрѣпляется къ двухколесному передку и запрягается парой или тройкой коней. Работаетъ колесуха въ родѣ плуга; глубина пахоты можетъ быть доведена до 4, даже 6 вершковъ.

Но не вездѣ работаютъ колесухой. Въ другихъ мѣстахъ работаютъ такими тяжкими сохами, которыя сильно истощаютъ и работника и его лошадь.

Бороны употребляются здѣсь съ желѣзными зубьями. Средняго достатка хозяинъ имѣетъ двѣ-три бороны; въ каждую запрягаютъ одну лошадь и водятъ по полю одну за другой.

Жнутъ здѣсь обыкновеннымъ серпомъ; гречиху же косятъ косою, къ которой придѣланы грабли.

На крестьянское хозяйство приходится въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ среднемъ числомъ 4 коня на дворъ, столько же коровъ, 6 или 10 штукъ мелкаго скота, а пашни отъ 8 до 12 десятинъ, если считать и паръ и посѣвъ. Бываетъ, что приходится пашни и всего по двѣ десятины съ небольшимъ на душу да луговъ еще по полторы десятины.

Нерѣдко встрѣчаются деревни, въ которыхъ почти цѣлая половина земли отведена подъ выгонъ, потому что крестьяне—Минусинскаго, напримѣръ, округа—держатъ обыкновенно много скота и лошадей. Тутъ бы и удобрять землю, но этого не дѣлаютъ; съ землей обращаются хищнически, спѣшатъ высасывать изъ нея всѣ соки, не подбавляя ей пищи въ видѣ навоза; залежи

постоянно истощаютъ, новина, какъ мы уже сказали, послѣ трехгодичной обработки поступаетъ уже въ залежь; принимаются разыскивать новую землю. Съ лугами также обращаются небрежно: покосы не очищаютъ отъ кочекъ, дурной травы и кустарниковъ, такъ что они дѣлаются скоро совершенно негодными; поэтому скотъ кормится здѣсь дурно. У бурятъ скота нѣсколько больше, чѣмъ у русскихъ: у нихъ на дворѣ средняго достатка 4 или 5 коней и 5 или 7 коровъ.

Урожаи здѣсь бываютъ такіе: въ Иркутской губерніи средній чистый сборъ съ одной хозяйственной десятины (3,200 квадратныхъ саженъ) считается для ржи — 7 четвертей, для пшеницы—6, а для овса—12 съ половиной.

Въ Енисейской губерніи средній посѣвъ всякаго хлѣба на такую же десятину—отъ 10 съ половиной до 12 пудовъ, а собираютъ среднимъ числомъ отъ 63 съ половиной до 73 съ половиной пудовъ.

Въ Минусинскомъ округѣ урожаи лучше, чѣмъ во всѣхъ округахъ. Самый низкій и самый высокій чистый сборъ съ десятины въ Енисейской губерніи вотъ какой примѣрно: для озимой ржи—отъ 18 до 144 пудовъ, для ярицы—25 и 126 пудовъ, для овса — 31 и 164 пуда для пшеницы 22—135 пудовъ.

Послѣ Минусинскаго округа въ Енисейской губерніи урожайнѣе другихъ Ачинскій округъ. Здѣсь земля богата черноземомъ, не требуетъ удобренія. Въ Ачинскомъ округѣ много еще нераспаханныхъ земель.

Хотя Красноярскій округъ по хлѣбородности и уступаетъ Ачинскому, но крестьяне занимаются здѣсь болѣе

старательно земледѣліемъ; это оттого, что рѣка Енисей течетъ только по одному уголку Ачинскаго округа, такъ что сбывать оттуда избытокъ хлѣба затруднительно. Да еще бѣда въ томъ, что въ этой части Ачинскаго округа много вреда дѣлаетъ засуха, и являются при засухѣ кобылки, истребляющія хлѣбъ часто до корня. По всѣмъ этимъ причинамъ цѣны на хлѣбъ въ Ачинскомъ округѣ всегда ниже, чѣмъ въ остальныхъ округахъ губерніи.

Въ Енисейскомъ же округѣ хлѣбъ родится хуже другихъ округовъ. Тутъ земледѣліемъ занимаются не очень много. Къ сѣверу отъ Енисея немного занимаются хлѣбопашествомъ, потому что ранніе инеи здѣсь побиваютъ хлѣбъ. Въ Анцыферовской волости подъ обработкой находится очень немного десятинъ ржи; село Назимово—послѣднее селеніе, въ которомъ встрѣчаются еще посѣвы ржи; ярица и ячмень встрѣчаются еще дальше, а далѣе на сѣверъ до Инботка воздѣлываютъ картофель; еще сѣвернѣе попадаются уже только рѣпа, рѣдька и капуста. Въ болѣе теплыхъ южныхъ частяхъ Енисейскаго округа воздухъ настолько все-таки холодный, что хлѣба произрастаетъ недостаточно, и жители округа, какъ и Туруганскаго края, закупаютъ хлѣбъ въ другихъ округахъ, болѣе всего въ Минусинскомъ. Самая плодородная земля въ южной части округа—Казачинская волость, по рѣкѣ Енисею.

Цѣны на все вообще, не исключая и сельскихъ продуктовъ, въ Иркутской губерніи дороже, чѣмъ въ Енисейской. Такъ, напримѣръ, средняя цѣна ржаной муки въ Иркутской губерніи за послѣдніе годы была 1 рубль 23 копейки, въ Енисейской же губерніи не средняя, а

наивысшая цѣна этой муки въ тѣ же годы была 1 рубль 10 копеекъ.

Цѣны на хлѣбъ по годамъ бываютъ оченъ разныя, глядя не по одному урожаю только, а еще и на то, какой спросъ хлѣба на золотые пріиски. Въ Минусинскомъ округѣ съ 85 по 90 годъ цѣна пшеницы (въ зернѣ) подымалась съ 40 копеекъ на 1 рубль 20 копеекъ за пудъ, ржи съ 25 копеекъ на 1 рубль, овса съ 20 копеекъ на 75 копеекъ. Средняя цѣна за эти годы была тамъ: пшеницы—35 копеекъ. ржи—60 копеекъ, овса—35 копеекъ за пудъ. Въ 1890 году въ Минусинскомъ округѣ цѣны были такія: ржаная мука—30 копеекъ за пудъ, пшеничная—40 копеекъ, овесъ—18 копеекъ, ячмень—20 копеекъ. крупа гречневая, просяная и ячменная—55 копеекъ, горохъ и конопляное сѣмя—60 копеекъ, льняное сѣмя—50 копеекъ, говядина—1 рубль 75 копеекъ, баранина—1 рубль 50 копеекъ, свинина—2 рубля, возъ сѣна—1 рубль.

Цѣна лѣсныхъ заготовокъ въ Енисейской губерніи: строевой лѣсъ 40—80 копеекъ за бревно, тесъ—15 и 20 рублей за сотню, дрань—3 рубля за сотню.

Вотъ еще среднія цѣны въ Енисейской губерніи: соль—1 рубль 10 копеекъ за пудъ, желѣзо—3 рубля 50 копеекъ, чай за кирпичъ въ два фунта и три восьмушки—1 рубль 25 копеекъ, шуба—8 рублей, сапоги-бродни—2 рубля 75 копеекъ, холстъ—15 и 20 копеекъ за аршинъ.

Привозные продукты покупаются въ селеніяхъ либо изъ лавокъ либо съ возовъ у развозчиковъ; разница въ цѣнѣ большая; напримѣръ, въ Иркутской губерніи цѣна керосина у развозчиковъ 4 рубля 40 копеекъ за

пудъ, сахара—8 рублей 40 копеекъ, въ лавкахъ же керосинъ—6 рублей, сахаръ—10 рублей.

Цѣна коровы въ Иркутской губерніи—25 и 30 рублей, а коня—35 и 40 рублей. Въ Западной Сибири много дешевле. Въ Томской губерніи, напримѣръ, корова—12 и 15 рублей, а конь, въ мѣстахъ близъ тракта,—20 и 25 рублей. Томскіе кони, кромѣ того, крупнѣе и сильнѣе восточно-сибирскихъ.

Сибирская лошадь вынослива, быстра на бѣгу; средняя нагрузка на нее при хорошей дорогѣ можетъ быть отъ 20 до 25 пудовъ. Рогатый скотъ—простой русской породы.

Изъ году въ годъ здѣсь все больше и больше разводится конокрадство. А когда-то его здѣсь совсѣмъ не было, а теперь конокрадство вездѣ развилось.

Мы уже сказали, что здѣсь нѣтъ подспорныхъ заработковъ. Домашнихъ кустарныхъ промысловъ въ Восточной Сибири почти вовсе нѣтъ. Даже ложки везутъ сюда изъ Россіи, а телѣги—изъ Западной Сибири, изъ Томской и Тобольской губерній. Кустарь въ числѣ переселенцевъ не идетъ сюда. Между тѣмъ, по общему отзыву, знающіе мастерство и принимаются здѣсь охотнѣе старожилами и устраиваются скорѣе прочихъ переселенцевъ. Кое-гдѣ гонятъ тамъ деготь и смолу, дѣлаютъ деревянную посуду, сани. Въ Минусинскомъ округѣ выдѣлываютъ шубы и котомки; дѣлаютъ кое-какія издѣлія изъ шерсти; занимаются щепнымъ промысломъ. Еще въ Минусинскомъ округѣ добываютъ разное масло изъ растеній, дубятъ кожи. Но все же всякихъ такихъ промысловъ очень мало.

Отхожіе промыслы здѣсь—работа на золотыхъ пріискахъ, извозъ и бурлачество. На пріискахъ въ 1891 году работало въ обѣихъ губерніяхъ около 11 тысячъ рабочихъ, а всего, съ Якутской областью,—до 18 тысячъ рабочихъ. Изъ нихъ въ Енисейскомъ округѣ работало до 8 тысячъ, а въ Минусинскомъ—около одной тысячи.

Много народу занимается извозомъ особенно по большому тракту; почтовыхъ лошадей не хватаетъ, такъ что много ѣздятъ на вольныхъ. Болѣе же всего зарабатываютъ перевозкой тяжестей, товаровъ съ ярмарокъ и хлѣба и всякаго провіанта на золотые пріиски. Извозомъ занято въ однихъ только трехъ южныхъ округахъ Иркутской губерніи до 32 тысячъ человѣкъ. Промысломъ этимъ, говорятъ, зарабатываютъ тамъ только содержаніе человѣка съ лошадью, а остатковъ отъ него не бываетъ. Приходилось бы больше, да главный барышъ попадаетъ подрядчикамъ, которые отъ себя нанимаютъ возчиковъ.

Бурлачествомъ можно заработать на рѣкѣ Енисеѣ отъ 10 до 18 рублей въ мѣсяцъ.

Порядочный заработокъ даетъ наемный трудъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ Енисейской губерніи годовая плата батраку при хозяйскихъ харчахъ—отъ 40 до 70 рублей, а въ Иркутской—отъ 60 до 75 рублей. Чѣмъ дороже хлѣбъ, тѣмъ выше цѣна работнику. Сверхъ денежной платы годовой работникъ получаетъ обыкновенно еще «присѣвокъ», то-есть часть въ хозяйскомъ полѣ—отъ четверти до одной десятины посѣва—иногда одной пшеницы, иногда—пополамъ съ рожью. Обработка этой работниковой части дѣлается на хозяйскихъ

коняхъ; сѣмена, уборка, обмолотъ — отъ работника или въ общую съ хозяиномъ.

Помѣсячная плата работнику въ сѣнокосъ и въ жниво—10 или 12 рублей.

Поденно въ Минусинскомъ округѣ даютъ въ покосъ 40 или 50 копеекъ, въ жнитво—50 или 80 копеекъ.

Работниковъ держатъ не только крупныя, но часто и среднія крестьянскія хозяйства. Въ Иркутской губерніи, примѣрно, изъ ста дворовъ двадцать-одинъ дворъ держитъ работниковъ.

Каковы здѣсь подати и повинности и какъ ихъ собираютъ и отбываютъ? Денежные сборы распредѣляются въ Сибири обществомъ на наличныхъ работниковъ. По мѣстнымъ обычаямъ наибольшая часть платежей берется съ мужиковъ отъ 18 до 50 лѣтняго возраста—«бойцовъ».

«Бойцы» же исполняютъ и натуральныя повинности: исправленіе дорогъ, выставленіе подводъ для начальства и для волостной гоньбы; это самыя тяжелыя здѣсь повинности. Отъ исправленія дорогъ селеніе не избавляется, если оно и на дальномъ разстояніи отъ тракта, хоть и 300 или 400 верстъ. Впрочемъ, большинство дальнихъ губерній нанимаетъ за себя исправлять эту повинность.

Среднимъ счетомъ на «бойца», то есть мужика-работника, въ Енисейской губерніи приходится денежныхъ сборовъ до 12 рублей въ годъ, а на стариковъ, иногда и подростковъ 16—17 лѣтъ,—рублей по 7; натуральныхъ же повинностей, коли считать на деньги, наберется рублей до 15 даже 20 на «бойцовую» душу.

Это все законные сборы и повинности, а бываютъ и незаконные. Въ сельскіе писаря разными темными путями очень часто въ Сибирь попадаетъ всякій народъ, и часто даже худшіе изъ ссыльно-поселенцевъ. Не случается этого тамъ, гдѣ міръ не оскудѣлъ разумными и стойкими въ общественной правдѣ мужиками; да слабъ человѣкъ, и мало такихъ мужиковъ. Собираютъ эти писаря дани и за паспорты, и за увольнительное свидѣтельство, и за освобожденіе яко бы отъ призыва льготныхъ, которые и безъ того, по закону, льготны, собираютъ и съ богатеевъ за приговоры на открытіе кабаковъ. Бываютъ и натуральныя повинности писарю: на него въ иныхъ мѣстахъ пашутъ, сѣютъ, косятъ. Бываетъ, что писарь освободитъ однихъ крестьянъ отъ раскладки на нихъ повинностей исправленія тракта и тягостной подводной гоньбы и взвалитъ вдвое эту повинность на другихъ крестьянъ. Бывало, что писаря разъѣзжали на крестьянскихъ лошадяхъ со своимъ мелкимъ товаромъ и прочее. Не миновала эта чума и инородческія волости. Тамъ она еще обычнѣе, потому что народъ темнѣе и проще.

7. О сибирскомъ крестьянствѣ.

Видомъ селенія Восточной Сибири мало отличаются отъ нашихъ великорусскихъ. Только попросторнѣе, приглядчѣе избы, особенно у старожиловъ.

Старыя селенія въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ отличаются еще тѣмъ, что избы разбросаны тамъ и сямъ какъ попало. Стариковъ планами не обязывали,

строились кто какъ хотѣлъ. Каждый забиралъ побольше мѣста подъ усадьбу, чтобы на все хватило: на службы, погребъ, сарай, амбаръ, баню, конюшню, на огородъ и даже на небольшой сѣнокосъ.

Въ этихъ селеніяхъ улицъ нѣтъ, а все переулочки; окнами избы глядятъ гдѣ въ переулокъ, а больше на дворъ.

Почти во всякомъ домѣ обжившагося въ Сибири крестьянина есть одна, а то и двѣ чистыя комнаты; въ нихъ простая крашеная мебель, тюменскіе расписные сундуки, половики; стѣны часто оклеены обоями, на стѣнахъ—лубочныя картинки, гравюры. Тутъ же красуется ружье со всѣми снарядами (потому что сибирякъ сплошь и рядомъ завзятый охотникъ; иные и въ поле не выѣзжаютъ безъ ружья за плечами, и многія женщины умѣютъ управляться съ ружьемъ не хуже мужчинъ).

Послѣ Покрова, когда бѣлки уходятъ на зимовку изъ долинъ въ горы, въ кедровые лѣса, охотники соединяются въ артели, человѣкъ по пяти, заготовятъ на артельный счетъ свинецъ, порохъ, чай, соль, сухари, вино и отправляются верхами въ лѣсъ и пропадаютъ тамъ цѣлыми недѣлями, а то и мѣсяцами. Добравшись до бѣлокъ, выбираютъ поудобнѣе мѣсто и устраиваютъ шалашъ изъ лиственичной коры. Каждое утро охотники расходятся съ собаками въ разныя стороны и собираются только къ вечеру. Добыча дѣлится поровну, и въ дѣлежку идетъ не только бѣлка, а и кабарга, и медвѣдь, и волкъ, и маралъ, и соболь,—что кому удалось добыть.

Эти охотники не хуже тунгуса умѣютъ распознать звѣря по слѣдамъ лапъ, а своихъ—по слѣду лыжъ. Ихъ кони привычны къ переходамъ въ горахъ и топяхъ,

не брезгаютъ на промыслѣ мхомъ съ солью или требушиной и не боятся звѣря; иной, догнавъ звѣря, хватаетъ его зубами и бьетъ копытомъ.

Лѣтомъ, послѣ Петрова дня, охотники снаряжаются въ горы за маралами—и ужъ гдѣ только не бродятъ! Чуткій маралъ за двѣ версты слышитъ человѣка и давно бы вывелся безъ этого чутья. За нимъ лѣзутъ въ самыя глубокія пропасти, на самыя крутыя скалы, лишь бы добыть его дорогіе рога. Преслѣдуютъ его и днемъ и ночью.

Въ темную лѣтнюю ночь блестятъ въ горахъ тамъ и сямъ огоньки охотниковъ, и въ тихомъ лѣсу доносится изъ какого-нибудь ущелья и отдается въ горахъ протяжный жалобный крикъ самца-морала: это охотники дудятъ въ трубу, заманиваютъ самокъ.

Сибиряку въ большую обиду, когда заѣзжій русскій человѣкъ приметъ его за инородца. Онъ не думаетъ, что за нѣсколько поколѣній жизни въ Сибири русскій человѣкъ порядочно измѣнился. И лицомъ, рѣчью, а иногда и вѣрой онъ сталъ похожъ то на бурята, то на тунгуса,—глядя по мѣсту. И чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ это сходство съ инородцами замѣтнѣе, потому что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ меньше живетъ русскихъ сравнительно съ инородцами. Напримѣръ, въ Томской губерніи русскихъ въ 13 разъ больше, чѣмъ инородцевъ, а въ Иркутской губерніи только въ три раза больше.

У восточныхъ сибиряковъ глаза узковатые, съ прикосью, волосы большей частью черные, лица смуглыя и скуластыя.

Забайкальскаго казака частенько трудно и отличить отъ бурята,—то же пухлое, круглое лицо, пуговкой носъ и маленькіе глазки.

Русская рѣчь также не безъ примѣси. Въ городѣ Нерчинскѣ одинъ заѣзжій русскій баринъ все спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ, что значитъ то одно, то другое ихъ слово, — напримѣръ, «зонтерло», «дымбей», «каптурга» и прочія въ такомъ же бурятскомъ родѣ. Они разсердились и сказали: «Чего это? да вы не знаете самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ! Адали нѣмецъ?»

Сибиряку приходится постоянно сталкиваться съ людьми всякой вѣры. Насмотрѣлся онъ тутъ и на инородцевъ-шаманистовъ и буддистовъ, и на ссыльныхъ католиковъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ, и сталъ какъ-то равнодушнѣе къ своей родной вѣрѣ. Одинъ сибирякъ разсказывалъ о своихъ землякахъ: «Идешь иной разъ утромъ по деревнѣ; звонятъ къ обѣднѣ, а у кабачка ужъ довольно завсегдателей, между тѣмъ какъ въ церкви только бабы да ребята. А лѣтомъ и то бываетъ, что весь молящійся людъ въ церковной оградѣ воркуетъ про себя».

Зато сибирякъ порядочно суевѣренъ и въ этомъ многое перенялъ у инородцевъ. Напримѣръ, иркутскіе охотники передъ промысломъ брызгаютъ «для фарту» (для удачи) водкой на землю. Это они у бурятъ взяли: тѣ передъ началомъ дѣла приносятъ жертву водкой «хозяину-земли» Гарунъ-Зину. Одного путешественника застигла буря въ горахъ Забайкальской области, и проводники-казаки просили его позволить имъ принести жертву горному духу.

Иные изъ русскихъ боятся шаманскихъ могилъ, дѣлаютъ приношенія на нихъ; нѣкоторые держатъ у себя на божницѣ инородческихъ божковъ, напримѣръ, въ Иркутской губерніи—мѣднаго бурятскаго идола съ четырьмя руками и глазами на всѣ четыре стороны; прилапаютъ и шамановъ въ разныхъ случаяхъ поколдовать, но это уже разумѣется не сплошь и рядомъ, а очень рѣдко и въ очень немногихъ глухихъ мѣстахъ.

Но есть и въ Восточной Сибири мѣста, гдѣ русскій человѣкъ не измѣнился. Въ Забайкальскую область лѣтъ сто тому назадъ было выслано до 10,000 безпоповцевъ. Они поселены были вмѣстѣ въ одномъ округѣ и до сихъ поръ сохранили и родную рѣчь, и обличіе, и свою вѣру.

Что же за человѣкъ сибирякъ? Говорятъ, онъ смѣлѣе русскаго крестьянина; въ немъ нѣтъ приниженности и раболѣпства.

Но онъ лѣнивѣе русскаго крестьянина,—никогда такъ рано не встанетъ въ трудовой день; вставши, напьется чаю, какъ говорится, съ толкомъ и разстановкой и не торопясь выѣзжаетъ на работу. Сколько-нибудь зажиточный нанимаетъ себѣ работника. Новоселы уже сплошь и рядомъ при томъ же достаткѣ сами ведутъ свое хозяйство.

Говорятъ, что сибирякъ не такъ добродушенъ, какъ русскій крестьянинъ. Чужая бѣда его меньше трогаетъ. Лишь бы себѣ было хорошо, а тамъ хоть трава не расти. Приводятъ, напримѣръ, такіе случаи. Знакомый разсказчику зажиточный ямщикъ довѣрилъ коня своему брату въ извозъ и прослышалъ, будто его конь палъ въ дорогѣ. Былъ всегда веселъ ямщикъ, а тутъ сильно пріунылъ. Сталъ его утѣшать

разсказчикъ: «слухъ, молъ, можетъ-быть еще невѣрный». Ямщикъ подбодрился. «Вотъ,—говоритъ,—ужъ далъ бы Богъ, кабы такъ-то! Свѣчей бы поставилъ цѣлую кучу, ужъ не пожалѣлъ бы денегъ... Я и то надежду такую имѣю, что не мой это жеребецъ, а Иннокентіевъ издохъ,—у него тоже сѣрый есть».

«— А этотъ Иннокентій богатый мужикъ?

«— Какое богатый! Одинъ только конь и есть у него. Онъ самъ не пошелъ съ обозомъ, свояку довѣрилъ. Ну, сказать,—хоть и своякъ, а все чужія руки и не хозяйскій глазъ. Надо полагать, его жеребецъ и подохъ, а нашему-то съ чего бы?.. За нашимъ свой глазъ смотритъ.

«— А вамъ не жаль Иннокентія-то? Вѣдь у него одинъ конь, а у васъ шесть; а вы на его же голову бѣду кличете...

«Ямщикъ сразу подтянулся, посмотрѣлъ на меня враждебно и подозрительно, потомъ сухо сказалъ, вставая и уходя: «Каждому свое жалко. Мнѣ до Иннокентія какое дѣло?»

Такъ судятъ сибиряки, по словамъ разсказчика, сплошь и рядомъ. Быть-можетъ, потому же они мало довѣряютъ другъ другу. Каждый привыкъ полагаться только на себя, даже въ семьѣ. Вздумается, напримѣръ, старику на покой, затѣетъ сдать хозяйство зятю или пріемышу,—уже попросту не сдастъ, а непремѣнно форменное условіе напишетъ и перечислитъ въ немъ все до послѣдней сковородки. А пуще всего не забудетъ перечислить, что да что долженъ давать ему молодой хозяинъ: харчи, пріютъ, шесть овчинъ въ годъ, бродни, рукавицы, столько-то сукна, шапку, присѣвокъ въ полѣ—въ любомъ мѣстѣ, похоронить по-христіански, девять заупокойныхъ

и прочее. И всему назначитъ сроки. И глядитъ въ оба, какъ бы чего не скривилъ новый хозяинъ противъ условія.

Помочи у нихъ въ обычаѣ, но и тутъ считаются: богатый не идетъ къ бѣдному, и на рѣдкость ходятъ къ тому, кто самъ по старости не ходитъ на помочи. Въ этомъ сибирскій крестьянинъ отсталъ и отъ бурятъ-земледѣльцевъ: у нихъ и безъ зова кончившій свою полосу зачастую идетъ помогать сосѣду.

Разсказываютъ еще о безчеловѣчной расправѣ сибиряковъ съ конокрадами. Ихъ убиваютъ, иногда всячески мучатъ до убійства, чтобы выпытать о соумышленникахъ. Въ одномъ убитомъ конокрадѣ найдена была большая мѣшечная игла, загнанная цѣликомъ въ пятку. Другого, замучивъ до смерти, убійцы похоронили міромъ и распили въ складчину ведро вина за поминки.

Почти о всѣхъ сельскихъ богачахъ въ Восточной Сибири ходятъ въ народѣ самые дурные слухи.

— А хорошо у васъ живутъ Хитровы! Десятинъ сотню небось засѣваютъ? — говоритъ заѣзжій человѣкъ старожилу.

— Сѣютъ, чего имъ дѣлается!.. А ты спроси лучше, съ чего они сѣять-то ихъ начали? Мудрость эта не велика: пофартило лишь бы кому съ капиталомъ, такъ всякій въ люди выйдетъ.

— Да капиталъ-то у нихъ откуда взялся? вѣдь все отъ земли же?

— Какъ же, такъ она тебѣ и далась земля... А капиталъ имъ, милый человѣкъ, достался очень даже просто: «фабриканта» годъ цѣлый держали на заимкѣ. А

потомъ, какъ духу-то отъ него набрались, такъ эту самую заимку и сожгли, да и съ фабрикантомъ-то вмѣстяхъ... Вотъ какъ было дѣло-то!

(Фабрикантомъ онъ называетъ поддѣльщика кредитныхъ билетовъ).

У одного заимочника за 20 лѣтъ его отдѣла отъ отца образовалась порядочная семья; разрослось хозяйство: засѣвалъ десятинъ по 12, держалъ до десятка коней и столько же рогатаго скота, нанималъ годового работника, а лѣтомъ и еще двухъ. Нрава онъ былъ угрюмаго и рѣзокъ на слово. Домашніе отдыхали въ его отлучки на охоту. Работники изъ округа никогда не уживались у него: непремѣнно придерется къ чему-нибудь и черезъ мѣсяцъ, черезъ два разсчитаетъ. Уживались люди пришлые, безъ роду и племени, если не приставали къ хозяину за деньгами. Иному работнику-поселенцу приходила охота скопить деньгу, и онъ оставлялъ свой заработокъ за хозяиномъ до послѣдняго расчета. Поживъ годъ-полтора, такой работникъ куда-то уходилъ и больше никогда не появлялся. Никто и не любопытствовалъ, куда дѣлся человѣкъ: поселенцы, ужъ извѣстно,—народъ непосѣдливый. Но вотъ однажды верстахъ въ десяти отъ заимки, въ глубокомъ таежномъ логу, охотники набрели случайно на тѣло неизвѣстнаго человѣка съ прострѣленной грудью. Оказалось—работникъ съ заимки; недавно ушелъ отъ хозяина. Денегъ при немъ не нашли. Прямыхъ уликъ не было, но въ народѣ съ тѣхъ поръ уже укрѣпился слухъ, что и прежніе работники человѣкъ пять изъ сторонниковъ, тоже были подстрѣлены хозяиномъ изъ-за 40—50 рублей ихъ годового заработка.

А охота за «горбачами» — за бѣглыми съ пріисковъ и каторги! Говорятъ нынче это уже только преданіе. Въ Киренскомъ округѣ указываютъ на одно мѣсто на берегу рѣки Лены—пепелище отъ жилья одного изъ такихъ охотниковъ. «Бывало,—говорятъ старики,—бѣгутъ къ нему его ребята—пріучены тоже были—и кричатъ: «Тятя, бери ружье,—горбачи къ ключу пришли!» Много онъ ихъ перестрѣлялъ; наконецъ озлобилъ: домъ его сожгли, а ему глаза выкололи, содрали кожу съ головы и на лицо заворотили.

Все это крайніе примѣры. По нимъ видно, какимъ страшнымъ, алчнымъ звѣремъ бываетъ человѣкъ тамъ, гдѣ нѣтъ его алчбѣ помѣхи. По той же причинѣ въ Сибири свободнѣе, наглѣе проявляетъ себя кулачество. Зато безсудность и насилія богатыхъ и властныхъ людей сельскаго міра выдвинули въ Сибири изъ народа больше чѣмъ у насъ искателей правосудія, стоятелей за общественную правду.

Большая часть сказаннаго тутъ относится къ исконнымъ сибирякамъ. Ихъ отцамъ и дѣдамъ досталось быть вскормленными Сибирью въ худшія и для нея и для нихъ времена. На долю ихъ выпало жить затерявшись между болѣе многочисленными сибирскими племенами. Съ родины шли къ нимъ цѣлыми толпами голодные, непристроенные къ дѣлу ссыльные. Да на прибавку къ ссыльнымъ тянулись, по слухамъ о сибирскомъ золотѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ и мѣхахъ, разные любители легкой наживы. Не мудрено было человѣку заблудиться и огрубѣть сердцемъ между ссыльными и искателями золота, а между инородцами позабыть и свою родную сторону.

Нынче времена перемѣнились. Вольный пахарь идетъ въ Сибирь уже не въ одиночку, а десятками тысячъ въ годъ, то-есть гораздо больше, чѣмъ ссыльныхъ и чѣмъ шло въ Сибирь 300 лѣтъ тому назадъ казаковъ на ея завоеваніе. И этому пахарю уже не грозитъ больше бѣда ни озвѣрѣть ни одичать.

8. Ссыльные въ Сибири.—Работа на пріискахъ.

Теперь разскажемъ, какіе русскіе живутъ въ суровой сѣверной, неземледѣльческой полосѣ Восточной Сибири.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири вдается въ море полуостровъ Камчатка. Въ Камчаткѣ живутъ поселенцы хоть и не ссыльные, но попавшіе туда все же не по своей волѣ. Въ крѣпостныя времена начальство пересылало сюда мужиковъ, чтобы попытать завести здѣсь хлѣбопашество. Мужики порядочно постранствовали по Камчаткѣ и перепробовали не мало мѣстъ, но кормиться однимъ хлѣбопашествомъ оказалось невозможнымъ: вездѣ донимали инеи, и крестьяне приспособились къ охотѣ и скотоводству.

Камчатка богата прекрасными лугами, лѣсами, всякимъ звѣремъ и рыбой. Горы на ней высочайшія въ Сибири. Въ числѣ ихъ—до сорока огнедышащихъ горъ—вулкановъ, или сопокъ, частью потухшихъ уже; но двѣнадцать изъ нихъ и донынѣ дымятъ и выбрасываютъ изъ своего жерла шлаки и пепелъ цѣлыми облаками пара. Высочайшая изъ нихъ — Ключевская сопка—высится на четыре версты надъ уровнемъ моря. И вотъ, о бокъ съ ней, на берегу рѣки Камчатки. лежитъ рус-

ское село Ключи. Гора рѣдко безпокоитъ своихъ сосѣдей, но, по разсказамъ стариковъ, нагнала таки на нихъ страху лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Дѣло было зимой, ночью. Ключевцевъ разбудилъ сильный гулъ и грохотъ, какъ въ грозу. Земля тряслась, и въ окна свѣтилось яркое зарево будто отъ пожара. Въ страхѣ выбѣжали крестьяне на улицу. Сопка пылала подобно громадному факелу. Огненный снопъ возносился надъ нею и съ красными клубами дыма и тучъ походилъ на огромную сосну съ раскидистой вершиной. По снѣжнымъ скатамъ змѣилась красными потоками лава, но до села, къ счастію, не доходила; сюда падалъ только пепелъ, какъ снѣгъ. На много верстъ кругомъ пепелъ покрылъ землю вершка на два. Гора угомонилась скоро и безъ вреда, и ключевцы отдѣлались однимъ страхомъ *).

Ссыльные поселенцы живутъ по всей Восточной Сибири. Ихъ приписываютъ къ городамъ и селеніямъ—русскимъ и инородческимъ. Но на мѣстахъ приписки очень немногіе ссыльные удерживаются надолго, особенно на студеномъ сѣверѣ. Большая часть сѣверныхъ городовъ—скорѣй небольшія селенія, чѣмъ города. Городскіе мѣщане и сами еле перебиваются охотой да мелкой торговлей; живутъ они зачастую не лучше инородцевъ—въ курныхъ избушкахъ съ дерновыми кровлями и пузырями въ окнахъ вмѣсто стеколъ.

Въ инородческихъ поселкахъ ссыльному, разумѣется, еще труднѣе найти заработки. Отъ иныхъ ссыльныхъ инородцы и сами рады избавиться; бываютъ случаи, что

---

*) О Камчаткѣ и ея жителяхъ-инородцахъ разсказывается дальше, въ главѣ одиннадцатой.

инородцы откупаются отъ нихъ чѣмъ могутъ, — только уходи и оставь въ покоѣ.

Впрочемъ, большая часть ссыльныхъ водворяется въ южныхъ округахъ. Но и тамъ живется имъ немногимъ легче.

Въ Восточную Сибирь ссылаютъ за большія вины, съ лишеніемъ по суду всѣхъ правъ. Имущество такихъ ссыльныхъ переходитъ по закону въ руки наслѣдниковъ; съ родиной они разстаются навсегда; ихъ жены и мужья могутъ съ разрѣшенія власти вступать въ бракъ съ другими. Гдѣ бы ихъ ни поселили, они предоставлены своей судьбѣ: живи и кормись, какъ знаешь. Иногда они оставляются на произволъ судьбы еще на пути къ мѣсту ссылки. Такъ, изъ города Иркутска вновь прибывшіе ссыльно-поселенцы препровождаются къ мѣсту этапными командами. Но команды эти ведутъ только, пока путь идетъ большимъ трактомъ. Въ сторону же отъ трактовъ солдаты сдаютъ ссыльныхъ крестьянамъ. Отряженные сельскимъ начальствомъ конвоиры эти, съ дубинами на плечахъ, провожаютъ поселенца въ назначенную ему волость и селеніе. Для крестьянъ, при обиліи ссыльныхъ, это—тяжелая повинность, и они часто на полпути оставляютъ ссыльныхъ на волю Божью.

Доброй встрѣчи отъ своихъ новыхъ односельцевъ поселенецъ не жди: человѣкъ онъ чужой, обществу навязанъ, явился онъ нищій, безъ семьи, таскался по острогамъ и этапамъ,—хорошъ, говорятъ, изъ него выйдетъ хозяинъ! Да и кромѣ того, сельскимъ обществамъ въ Сибири приходится нести ради поселенцевъ особенныя повинности: устроивать и содержать волостныя и сельскія тюрьмы, наряжать облавы для поимки бѣглыхъ,

держать караулы надъ арестантами, — удваиваютъ издержки на волостныя правленія. Общество же еще должно удѣлить поселенцу земли для хозяйства. И какъ ни обильно земли въ Сибири, а поселенцу чаще всего отводятъ худшую и подальше отъ деревни.

Чтобы прокормиться, многіе изъ поселенцевъ идутъ въ батраки къ старожиламъ; но имъ платятъ мало, а зачастую и недобросовѣстно; управы же на обидчика поселенцу сыскать трудно: «варнаку вѣры нѣтъ», говорится въ Сибири.

Такъ обращаются часто съ ссыльными, забывая, что каждый человѣкъ есть созданіе Божье и братъ намъ, какой бы грѣхъ и какое несчастье съ нимъ ни случились.

Поселенцу труднѣе, чѣмъ кому-нибудь, прокормиться, а и подавно завести свое хозяйство. Въ Кимельской волости Иркутской губерніи на сто ссыльныхъ, проживающихъ въ волости, только 12 имѣютъ свое хозяйство,—и такъ вездѣ.

Поселенцамъ запрещаются отлучки изъ мѣста приписки безъ особаго разрѣшенія начальства. Но многимъ трудно прокормиться въ этихъ мѣстахъ, и они расходятся по Сибири въ поискахъ за заработками. По повѣркѣ чиновниковъ—болѣе двухъ третей ссыльныхъ не живутъ на мѣстахъ приписки. Въ Иркутской губерніи изъ 45 тысячъ ссыльно-поселенцевъ только 14 тысячъ оказалось на мѣстахъ; около 10 тысячъ уволено на заработки, а остальные, 21 тысяча, разошлись самовольно невѣдомо куда.

Кромѣ батрачества, въ Сибири можно найти еще заработокъ на золотыхъ пріискахъ. Очень многіе изъ поселенцевъ туда и идутъ.

Многіе и изъ крестьянъ при нуждѣ нанимаются на пріиски. Это почти единственный отхожій промыселъ въ Сибири.

Главныя мѣста добычи золота въ Восточной Сибири находятся по сосѣдству съ земледѣльческой полосой ея— въ Енисейскомъ округѣ и южномъ Олекминскомъ округѣ Якутской области.

Чаще всего золото лежитъ подъ толстымъ слоемъ почвы, песчанистой розсыпью, вперемѣшку съ землей. Изъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ земли вымываютъ его обыкновенно не болѣе четверти золотника. Ищутъ золото въ ложбинахъ лѣсныхъ рѣчекъ по разнымъ наружнымъ примѣтамъ: по каменистымъ породамъ, по злакамъ. О подходящихъ мѣстахъ узнаютъ нерѣдко у бродячихъ инородцевъ, особливо у тунгусовъ. Въ такія мѣста промышленникъ посылаетъ развѣдчиковъ. Сплошь и рядомъ золота не оказывается въ землѣ при всѣхъ наружныхъ примѣтахъ, или слишкомъ мало его, и слишкомъ глубокъ золотоносный слой.

Многіе разоряются на однѣхъ развѣдкахъ, не добившись золота. Добравшись же до стóющаго мѣста, промышленникъ разсылаетъ зимой наемщиковъ по деревнямъ, часто за сотни верстъ, и хлопочетъ у подходящаго начальства объ отводѣ въ аренду намѣченнаго участка. Работать приходится въ теченіе полгода въ водѣ и болотѣ. Рабочимъ выдаются уже при рядѣ задатки, рублей по шестидесяти, и къ ранней веснѣ они должны быть на мѣстѣ.

Задатокъ почти весь уходитъ на уплату податей, покупку обуви и одежды, остатокъ же денегъ оставляется семьѣ работника; его хватитъ ей всего на мѣсяцъ-дру-

той; да рабочему приходится прошагать по самымъ сѣвернымъ дорогамъ иногда около тысячи верстъ (нанимаются рабочіе изъ Тобольской, Томской, даже Нижегородской губерній),—стало-быть, и въ пути поиздерживаются.

Работа здѣсь почти вовсе безъ праздниковъ, до глубокой осени, часовъ по 15 въ сутки, въ лѣсной трущобѣ, вдали отъ людныхъ мѣстъ. Въ ненастье работа не останавливается. Во время болѣзни рабочіе ничего не получаютъ; за отлучку безъ дозволенія съ пріисковъ и за опаздываніе взимается штрафа рубля три въ день. Помѣщенія для рабочихъ чаще всего тѣсныя, дурно защищенныя отъ погоды; харчи хозяйскіе—плохіе. Приходится прикупать или забирать въ счетъ заработка съѣстное, часто и обувь и одежду въ хозяйской лавкѣ, а въ ней все очень дорого.

Водка въ большомъ ходу на пріискахъ. Ею тамъ и отъ болѣзни лѣчатся, и отъ скуки, и отъ холода. Кромѣ вина да задатковъ, пріиски приманиваютъ возможностью заработать сверхъ наемной платы,—на работѣ въ неурочное время и на случайной находкѣ самородковъ, цѣльныхъ кусковъ залота; за самородки — особая приплата, по вѣсу. Эта надежда на случай, на находку, заставляетъ тратить остатки силъ, дѣлаетъ человѣка «вольнымъ каторжникомъ».

Круглымъ счетомъ мѣсячный заработокъ пріисковаго рабочаго—рублей двадцать. Около того же приходится отдать хозяину за одежду, чай и прочую прикупку изъ его лавки. Очистится только отъ сверхъурочной, «старательской» работы да отъ счастливой находки. Но и этотъ остатокъ рѣдко кто утерпитъ донести до дому.

Послѣ глухой и трудной пріисковой жизни воля хмелитъ человѣка. Является охота потѣшить душу, разгуляться во всю ширь. По дорогамъ же пріисковымъ не мало притоновъ для такой потѣхи. Тамъ и вино, и карты, и дѣвки, и все, чѣмъ можно задать, какъ говорится, форсу. Въ одномъ притонѣ дорогая одежда куплена, въ другомъ—пропита. И придетъ домой золотой добытчикъ въ отрепьѣ да на придачу съ запоемъ, а бываетъ—и съ худой болѣзнью. Такіе отъ крестьянства отвыкаютъ: ихъ тянетъ снова на пріиски. Здѣсь лѣтъ въ десять они уже выбиваются изъ силъ, дряхлѣютъ. Ихъ прозываютъ «богадѣльщиками», «христарадниками». Со страхомъ ждетъ «вольный каторжникъ», съ году на годъ, какъ-то поглядитъ на него золотой наемщикъ; вдругъ скажетъ: «намъ такихъ не надо». И вотъ пускаетъ онъ въ ходъ разныя хитрости: идетъ къ наемкѣ умытый да выбритый, въ новой одеждѣ, занятой у товарища; подвыпьетъ для храбрости и выступитъ ухаремъ. Лиха бѣда—задатка добиться, а тамъ ужъ его какъ ни на есть пристроютъ, свое выручитъ не забудутъ; онъ же вымолитъ себѣ хозяйскую милость покорностью, а пожалуй—и предательствомъ. А было время, былъ и онъ не изъ послѣднихъ на пріискахъ: обиды отъ приказчиковъ не терпѣлъ, за правду стоялъ съ товарищами дружно... Было, да ушло.

Мѣсто, гдѣ снятъ верхній пустой слой земли до золота, называется разрѣзомъ. Изъ золотоноснаго слоя землю выбиваютъ кирками и лопатами, сваливаютъ на тачки, на телѣги и свозятъ къ плотинѣ загражденной рѣчки. Здѣсь ее ссыпаютъ на желѣзныя рѣшета. Сквозь рѣшета протекаетъ вода, растворяетъ глину и песокъ

и грязнымъ потокомъ падаетъ на покатый полъ. На полу наложены поперечныя преграды. Что полегче— глина и песокъ — уносится водой, а золото осѣдаетъ и задерживается.

Шумитъ вода, грохочутъ желѣзныя рѣшета, раскатываются тележки по помостамъ, гомонятъ и перебраниваются рабочіе,—и все это разносится далеко по обступившей пріискъ «стоголосой» тайгѣ.

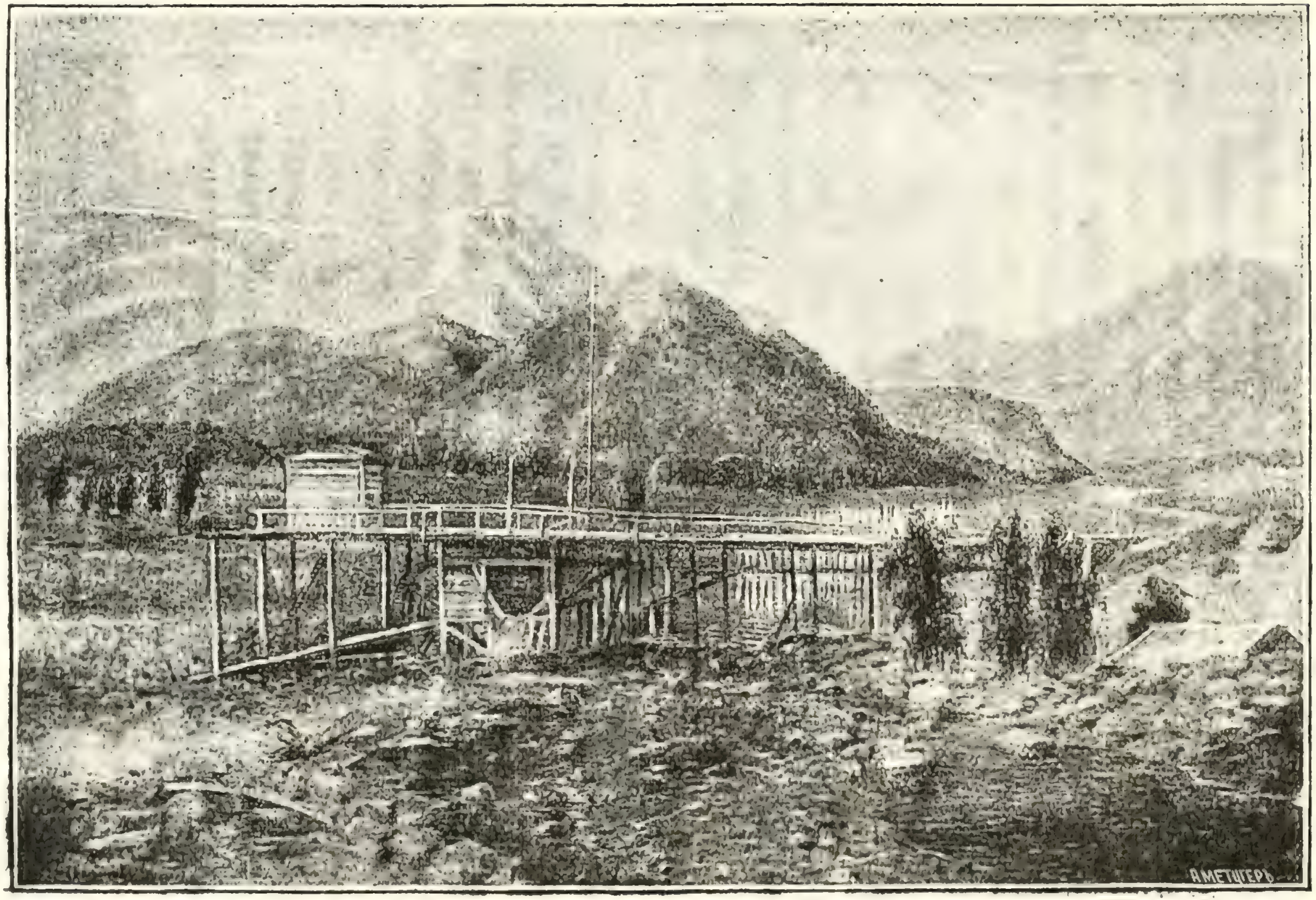
9. Сибирская каторга.—Островъ Сахалинъ.

Золотые промыслы прозываютъ въ Сибири «вольной каторгой». Но что же такое настоящая каторга?

Въ Сибирь ссылается нынче ежегодно до девятнадцати тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ двѣ тысячи идетъ въ каторгу и отбываютъ ее въ Восточной Сибири: одни въ Иркутской губерніи, другіе въ Забайкальской области, а добрая половина всѣхъ отбываетъ каторгу на островѣ Сахалинѣ.

Наименьшій срокъ каторги—4 года, а отъ наибольшаго освобождаетъ только смерть.

Первые годы отбываются въ каторжныхъ тюрьмахъ, а потомъ, по усмотрѣнію начальства, каторжнымъ разрѣшается жить на волѣ, обзаводиться домомъ на острожной землѣ, даже жениться. Но отъ урочныхъ каторжныхъ работъ въ эту пору еще не увольняютъ, развѣ на время, для домашняго устройства. Безсрочныхъ каторжниковъ увольняютъ отъ житья въ острогѣ лѣтъ черезъ десять; краткосрочныхъ—года черезъ два.



Золотопромывательная машина.

По отбытіи же своего срока каторжникъ освобождается отъ острожныхъ работъ. Онъ уже не каторжникъ, а ссыльно-поселенецъ. Ему назначается мѣсто для постояннаго житья, и только черезъ десять лѣтъ послѣ этого разрѣшаютъ селиться гдѣ угодно въ Сибири; онъ можетъ поселиться въ городѣ или приписаться къ сельскому обществу съ его согласія. Только на родину не можетъ онъ уже вернуться никогда.

Въ чемъ же состоятъ работы каторжниковъ? Въ Иркутской каторжной тюрьмѣ ихъ заставляютъ дѣлать кирпичи и молоть для себя хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ; часть каторжниковъ занимается сапожнымъ и столярнымъ ремесломъ. Въ Забайкальской области каторжники копаютъ золото и серебро въ государевыхъ рудникахъ.

На каторгѣ работой особенно не донимаютъ. Тягота каторги не въ самой работѣ, а въ ея подневольности да въ острожномъ житьѣ. Работы даже иногда не хватаетъ на всѣхъ. Иногда по недостатку казенныхъ работъ иркутскихъ каторжниковъ, уволенныхъ отъ острога, отдаютъ на частные заводы—соляные, желѣзодѣлательные, винокуренные, а иныхъ на частные золотые пріиски въ Якутскую область.

Но и на острожныхъ каторжниковъ не всегда хватаетъ дѣла. Въ 1881 году въ иркутской тюрьмѣ изъ 1400 человѣкъ едва только 500 были заняты кирпичомъ, молотьбой и ремеслами.

Стали поэтому придумывать новыя работы для каторги. Островъ Сахалинъ богатъ залежами каменнаго угля; климатъ и земля казались удобными для земледѣлія; бѣжать съ острова труднѣе. Вотъ и стали отпра-

влять часть каторжниковъ на этотъ островъ, чтобы они занимались тамъ добычей угля и хлѣбопашествомъ.

Сахалинъ лежитъ на крайнемъ востокѣ Сибири, въ Великомъ океанѣ, противъ устья рѣки Амура. Отъ Приморской области его отдѣляетъ проливъ. Берега этой области даже и въ широкомъ мѣстѣ пролива виднѣются съ Сахалина темной туманной полосой.

Длина острова около 900 верстъ, а ширина—отъ 25 до 125 верстъ. Югъ его лежитъ наравнѣ съ самыми теплыми мѣстами Россіи, а сѣверъ—съ Рязанской губерніей. Но климатъ Сахалина много суровѣе этихъ мѣстъ. На сѣверѣ его—мерзлая, почти безлѣсная тундра, а на югѣ—въ половинѣ мая попадается еще кое-гдѣ нерастаявшій снѣгъ. Правда, зимы здѣсь мягче сибирскихъ,—ихъ умѣряетъ Охотское море,—но зато море же студитъ здѣшнее лѣто, окутываетъ островъ густыми туманами и несетъ на него дождевыя тучи какъ разъ въ пору созрѣванія и уборки хлѣбовъ. Ясные дни лѣтомъ—большая рѣдкость, особенно въ сѣверной половинѣ острова.

Большая часть Сахалина покрыта лѣсами. Влажная почва и обильные дожди выгоняютъ въ этихъ лѣсахъ и и по рѣчнымъ луговинамъ травы выше роста человѣка. Огромные папоротники и лопухи съ листьями болѣе аршина въ поперечникѣ сливаются въ лѣсахъ съ кустарниками и деревьями въ непроницаемую чащу. Въ сахалинскихъ лѣсахъ водятся всякіе звѣри: много здѣсь медвѣдей, соболей и оленей.

Коренные жители Сахалина — гиляки, айно и тунгусы. Ихъ тамъ всего на все около 2 тысячъ. Земледѣліемъ они никогда не занимались, а кормились и кормятся охотой и рыболовствомъ; живутъ въ шалашахъ

и землянкахъ. Ни гиляки ни айно не крещены, живутъ бѣдно и грязно; но это очень добрые, правдивые и честные люди.

Айны отличаются отъ прочихъ восточно-сибирскихъ инородцевъ окладистыми черными бородами. Въ своемъ халатѣ, въ родѣ нашей чуйки, подпоясанный айно похожъ на купеческаго кучера, а круглолицый гилякъ съ своей бородкой и собранной на затылкѣ косичкой смахиваетъ на причетника дѣдовскихъ временъ. Они искуснѣе русскихъ умѣютъ строить землянки—и суше и теплѣе; но чужія выдумки принимаютъ съ трудомъ.

До русскихъ на Сахалинѣ не было дорогъ. Для инородцевъ это новая выдумка, и случается видѣть, какъ гиляки со своими семьями и собаками пробираются рядомъ съ дорогой на привычной имъ трясинѣ. Но за-то, къ сожалѣнью, они начинаютъ уже привыкать къ русской водкѣ. Черный хлѣбъ для гиляковъ—лакомая, хоть и рѣдкая ѣда, а арестантскій халатъ для нихъ—въ родѣ самой нарядной одежды.

И гиляки и айно не терпятъ неправды и насилія. Когда гиляку кажется, что ему лгутъ или хвастаютъ, онъ схватывается руками за животъ, раскачивается и дѣлаетъ такое лицо, будто ему очень больно.

Гиляки живутъ на сѣверѣ Сахалина, айны на югѣ. Вотъ какъ описывается въ одной книжкѣ аинское становище:

«Около юртъ стоятъ обыкновенно сушильни съ рыбой и распространяютъ вокругъ промозглый, удушливый запахъ. Воютъ и грызутся собаки. Тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-клѣтку съ молодымъ медвѣдемъ: его убьютъ и съѣдятъ на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ. Юрты слажены изъ накатника

и тесу. Крыша изъ тонкихъ жердей покрыта сухой травой. Внутри, у стѣнъ, тянутся нары; выше ихъ полки съ утварью. На нарѣ обыкновенно сидитъ хозяинъ и не переставая куритъ трубочку. Заговорите съ нимъ—и онъ отвѣтитъ вамъ неохотно и коротко, хотя вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, и дымъ уходитъ черезъ дыру въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крючкѣ большой черный котелъ, и въ немъ кипитъ сѣрая нѣнистая уха, противная на вкусъ».

Женщины-айнки гораздо некрасивѣе мужчинъ: ихъ смугло-желтыя лица страшно худощавы, и всѣ на видъ онѣ старухи; жесткіе прямые волосы висятъ черезъ лицо патлами, точно солома на старомъ сараѣ. Вдобавокъ еще у нихъ мода красить губы во что-то синее.

Пока русскіе не завладѣли Сахалиномъ, онъ принадлежалъ Японіи. Это государство лежитъ на сосѣднихъ съ Сахалиномъ островахъ. Японцы имѣли рыбныя ловли у южныхъ береговъ Сахалина; айны нанимались къ нимъ, привыкли кормиться этимъ и привыкли къ хлѣбной пищѣ. Съ приходомъ русскихъ японцы покинули островъ, айны остались безъ хлѣба, бѣдствуютъ и мало-по-малу переселяются въ Японію.

Въ 1875 году Сахалинъ былъ вымѣненъ у японцевъ на Курильскіе острова. Съ тѣхъ поръ и начали привозить сюда каторжныхъ. Ихъ везутъ сюда моремъ изъ города Одессы, на пароходахъ, большими партіями, человѣкъ по 500. Моремъ сюда 3 мѣсяца пути.

Теперь каторжниковъ на островѣ болѣе шести тысячъ.

Въ чемъ же состоятъ каторжныя работы на Сахалинѣ? На самомъ дѣлѣ только часть каторжниковъ заня-

та копаніемъ угля и хлѣбопашествомъ. Работы остальныхъ очень разнообразны: руками каторжныхъ возведены почти всѣ тамошнія постройки, начиная съ тюремъ и кончая церквами. Они же корчуютъ лѣса и проводятъ дороги, копаютъ канавы для осушки обильныхъ тамъ болотъ, грузятъ пароходы каменнымъ углемъ.

Первоначальнымъ мѣстомъ сахалинской каторги былъ портъ Дуэ. Здѣсь были непроходимыя трясины и первобытныя лѣса, загроможденные буреломомъ. Теперь руками каторжныхъ воздвигся городокъ версты на двѣ квадратныхъ, проложены дороги, зеленѣютъ луга, ржаныя поля и огороды.

Немало каторжнаго труда идетъ и на тюрьмы. Въ нихъ каждый день работаютъ кашевары, хлѣбопеки, портные, сапожники, скотники, дровотаски.

Труднѣе всѣхъ плотникамъ на строительныхъ работахъ. Каждое бревно каторжный долженъ притащить изъ лѣса иногда за нѣсколько верстъ. Нѣкоторые каторжные отбываютъ каторгу сельскимъ хозяйствомъ. Одни посажены хозяевами, другіе къ нимъ работниками. Ихъ житье не отличается отъ поселенческаго житья на томъ же Сахалинѣ.

Мѣстами на Сахалинѣ тюремное начальство разрѣшаетъ каторжникамъ селиться наружѣ острога до положеннаго срока, иногда съ перваго же года; бѣглыхъ отъ этого больше не стало. Наружѣ острога живутъ всѣ женщины, а изъ мужчинъ—семейные и также тѣ, кто считается хорошимъ мастеромъ или писаремъ или чертежникомъ и прочіе такіе. Мастеровые, напримѣръ сапожники, столяры, часто и отбываютъ свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ, другіе же только ночуютъ

на квартирахъ, а на раскомандировки и работы должны сходиться каждый день съ своими острожными товарищами.

Въ Дуэ около пятидесяти каторжниковъ-хозяевъ, но у нихъ только огороды,—ни сѣнокосовъ ни пашни нѣтъ. Вотъ описаніе каторжной квартиры въ Дуэ:

«Изба чаще всего въ одну комнату. Въ ней вы застаете семью каторжнаго, съ нею солдатскую семью, двухъ-трехъ каторжныхъ жильцовъ или гостей; тутъ же подростки; двѣ-три колыбели по угламъ; тутъ же куры, собаки, а на улицѣ у избы — мусоръ и лужи отъ помоевъ. Вечеромъ съ работы возвращается мужъ каторжный. Онъ хочетъ ѣсть и спать, а жена начинаетъ плакать и причитывать: «Погубилъ ты насъ, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дѣти!» — Ну, завыла!» проворчитъ на печкѣ солдатъ. Но вотъ всѣ заснули, дѣти переплакали и тоже угомонились давно. А баба все не спитъ, думаетъ и слушаетъ, какъ реветъ море. Теперь ужъ ее мучитъ тоска, жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула. А на другой день опять та же исторія...

«На Сахалинъ немало идетъ женщинъ добровольно за мужьями. Однѣ идутъ изъ любви и жалости, другія— отъ стыда, отъ попрековъ. Самые тяжкіе преступники на Сахалинѣ содержатся въ острожныхъ карцерахъ, отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ. По разсказу одного посѣтителя Дуйской тюрьмы, «на видъ это самые обыкновенные люди, и преступленія большей части изъ нихъ— не умнѣе и не хитрѣе ихъ лицъ. Обыкновенно присылаютъ за убійство въ дракѣ на 5 или на 10 лѣтъ, потомъ бѣгутъ; ихъ ловятъ—они опять бѣгутъ,—и такъ, по-

ка не попадутъ въ безсрочные и неисправимые. Только одинъ старикъ лѣтъ 60—65 произвелъ на меня впечатлѣніе настоящаго злодѣя. По разсказамъ арестантовъ, онъ убилъ на своемъ вѣку 60 человѣкъ. У него будто бы такая манера: онъ высматриваетъ арестантовъ-новичковъ, которые побогаче, и сманиваетъ ихъ бѣжать вмѣстѣ; потомъ въ тайгѣ убиваетъ и грабитъ, а чтобы скрыть слѣды, рѣжетъ трупы на части и бросаетъ въ рѣку».

Окончившихъ срокъ каторги и переведенныхъ на поселеніе заставляютъ заниматься на Сахалинѣ хлѣбопашествомъ. Въ этомъ главное отличіе сахалинской каторги отъ иркутской и забайкальской. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устроиться хозяйствомъ поселенецъ можетъ быть возвращенъ въ каторгу на одинъ годъ.

Изъ поселенцевъ на Сахалинѣ составилось уже нѣсколько десятковъ деревень. Новыя мѣста подъ селенія выбираются чаще всего самимъ тюремнымъ начальствомъ. Иногда же снаряжаются для этого партіи изъ ссыльно-каторжныхъ, и они бродятъ по неизвѣстнымъ еще мѣстамъ, подъ надзоромъ чиновника или надзирателя.

На новое мѣсто, обыкновенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ является, имѣя съ собой только топоръ. пилу и лопату. Онъ рубитъ лѣсъ, корчуетъ, роетъ канавы для осушки мѣста и все это время живетъ подъ открытомъ небомъ. Поселенцамъ предоставлено устраиваться самимъ. И они устраиваются какъ могутъ, помогая другъ другу. Но многіе не выдерживаютъ дневокъ и ночевокъ подъ открытомъ небомъ, заболѣваютъ, падаютъ духомъ и бросаютъ свои недостроенныя избы. Иные, кавказцы напримѣръ, вовсе

не умѣютъ строить избъ и бѣгутъ обыкновенно въ первый же годъ.

Съ поселенцами дѣлятъ свою судьбу на Сахалинѣ и жаторжницы. Тамъ для женщинъ-преступницъ нѣтъ особыхъ работъ, а между тѣмъ пригоняютъ ихъ на Сахалинъ не мало, больше, чѣмъ въ иркутскую и забайкальскую каторгу.

Новоприбывшую партію женщинъ ведутъ прежде всего въ тюрьму или въ особый баракъ. Онѣ бредутъ съ пристани, согнувшись подъ своими узлами и котомками. За ними валитъ толпа бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и тюремныхъ писцовъ; бабы высматриваютъ землячекъ, а мужики - поселенцы — будущихъ сожительницъ - хозяекъ. Тюремное начальство вскорѣ распредѣляетъ ихъ. Прибывшія съ мужьями при мужьяхъ и остаются, всѣ же остальныя, то-есть большая часть, сдаются въ работницы къ одинокимъ поселенцамъ. При этомъ иногда устраивается въ родѣ смотринъ. Начальство вызываетъ по своему выбору поселенцевъ. «Женихи» являются въ тюремное поселеніе принарядившись. Ихъ впускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ съ женщинами. Тѣ сидятъ потупившись, а женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на нихъ. Всѣмъ стыдно и неловко. Вотъ одна изъ женщинъ приглянулась кому-нибудь изъ мужиковъ. Онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею рѣчь. Она спроситъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ изба крыта. Онъ ей перечислитъ хозяйство. Подъ конецъ она его спроситъ: «А обижать меня не будешь?» И на этомъ поладятъ. Ее приписываютъ за нимъ. Чтобы не ударить въ грязь лицомъ, онъ нанимаетъ подводу, часто за послѣдніе гроши, и увозитъ сожительницу къ себѣ. Дома

она первымъ дѣломъ ставитъ самоваръ. Сосѣди-бобыли поглядываютъ на дымъ и съ завистью толкуютъ, что вотъ у него уже есть баба.

Худо мужику безъ хозяйки; все бабье дѣло приходится самому дѣлать: и одежду чинить, и щи варить, а есть корова — и корову доить. Поселенецъ радъ сожительницѣ, боится, какъ бы она не ушла отъ него къ другому, и остерегается дурно обращаться съ ней. Случается поэтому, что иная каторжница хвалитъ свое житье на Сахалинѣ: «Свой мужъ дома колотилъ, а этотъ жалѣетъ...»

И какихъ только людей не сводитъ на Сахалинѣ бѣда и неволя! Иногда—во всемъ чужихъ другъ другу. Тутъ случается нерѣдко, что русская мыкаетъ свое горе съ татариномъ, еврейка съ русскимъ, старая съ молодымъ. Бываетъ, что живутъ—и по имени другъ друга не знаютъ: напримѣръ, баба оказалась непомнящая родства. Или не знаютъ, сколько лѣтъ другъ другу, а живутъ вмѣстѣ лѣтъ пять или десять.

Первые два года послѣ каторги поселенецъ получаетъ казенные харчи, а затѣмъ онъ долженъ кормиться отъ своего хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы хорошо шло это хозяйство: почти половина хозяевъ-поселенцевъ на Сахалинѣ не имѣетъ своихъ домовъ. Изъ каждыхъ ста хозяевъ — 60 не имѣютъ вовсе скота. Сѣются очень немногіе своимъ зерномъ,—почти всѣ занимаютъ казенное. У многихъ слишкомъ мало земли для пашни. Сѣверныя поселенія растянулись по узкимъ рѣчнымъ долинамъ, и горы мѣшаютъ расширять запашки.

Сплошь и рядомъ здѣсь приходится на хозяйство менѣе полудесятины. Хлѣбъ родитъ самъ-три, а часто и вовсе не родитъ, сгниваетъ или прорастаетъ въ снопахъ. Дожди постигаютъ его во время колошенія, цвѣтенія, налива; особенно дожди донимаютъ яровыя. Съ августа до зимнихъ морозовъ они льютъ и льютъ почти безъ перерыва, и случается — весь урожай яровыхъ остается въ полѣ. Вѣрнѣе урожай даетъ здѣсь картофель и вообще огородный овощъ, и многіе только имъ и питаются цѣлую зиму.

Мастерство на Сахалинѣ—плохое подспорье. Мастеровъ много, да заказчиковъ нѣтъ. Плотники работаютъ по 20, а то и по 10 копеекъ въ день на своихъ харчахъ, а портные шьютъ за водку.

Сторонніе же заработки на Сахалинѣ только и есть, что каменноугольныя копи въ Дуэ. Копи эти въ рукахъ частной промышленной компаніи. Она по контракту съ казной пользуется ежедневно трудами пятисотъ каторжниковъ; принимаетъ и поселенцевъ по вольному найму.

На западномъ берегу южнаго Сахалина, у селенія Мауки, есть еще промыселъ на откупѣ у одного купца; здѣсь добываютъ изъ моря особенную траву — морскую капусту и сбываютъ лакомымъ до нея китайцамъ. Съ 1 марта до августа при сноровкѣ зарабатываютъ въ Маукѣ отъ 150 до 200 рублей на брата. Но этотъ промыселъ занимаетъ пока всего нѣсколько сотъ рукъ.

Главныя богатства Сахалина не въ углѣ и морской капустѣ, — разсказываютъ о необыкновенномъ изобиліи рыбы въ тамошнихъ рѣкахъ и моряхъ. Въ концѣ іюля изъ моря подымаются по сахалинскимъ рѣкамъ цѣлыя полчища рыбы кеты. По виду и по вкусу рыба эта по-

хожа на семгу. Съ неудержимой силой мчится она противъ струи вплоть до самыхъ верхнихъ горныхъ потоковъ. Отъ несмѣтнаго множества ея вода кажется кипящей и отдаетъ рыбой, весла гребцовъ вязнутъ и вскидываютъ рыбу. «Въ устья кета входитъ здоровая и сильная, но противное теченіе, тѣснота, голодъ, ушибы о карчи и камни—истощаютъ ее. Она худѣетъ, мясо становится бѣлымъ и дряблымъ, зубы оскаливаются. Ее принимаютъ въ этомъ видѣ за новую породу и называютъ не кетой, а зубашкой. Обезсилѣвъ, она уходитъ, наконецъ, въ затоны или стоитъ за карчей, уткнувшись мордой въ берегъ. Здѣсь даже медвѣдь достаетъ ее изъ воды лапой. Уже въ среднемъ теченіи рѣки много ея усыпаетъ, а въ истокахъ—берега бываютъ усѣяны мертвой рыбой».

Въ концѣ апрѣля въ морѣ у береговъ Сахалина громадными стадами идетъ сельдь. Ходъ ея узнается по круговой полосѣ бѣлой пѣны. Множество чаекъ и альбатросовъ съ крикомъ носится надъ этимъ мѣстомъ. Киты мечутъ свои фонтаны, и барахтаются стада сивучей. Китовъ собирается такое множество, что опасно плыть даже и на большой лодкѣ.

Объ изобиліи здѣшнихъ морей китами и всевозможными породами тюленей вотъ что говорятъ: американскіе китоловы за 14 лѣтъ вывезли изъ Охотскаго моря одного жира и китоваго уса на 200 милліоновъ рублей. Близъ западнаго берега Сахалина возвышается надъ моремъ одинокая скала. «Еще за нѣсколько верстъ она казалась намъ подвижной,—пишетъ одинъ морякъ.—Скала покрыта была сплошь громадными сивучами. Ревъ этого громаднаго дикаго стада поразилъ насъ. Кромѣ

сивучей, и скала и море вокругъ кишмя кишѣли морскими котиками». Но поселенцы не занимаются этими промыслами. Они ловятъ, напримѣръ, кету большею частью не въ устьяхъ, а въ верховьяхъ рѣкъ, а она здѣсь уже больная, невкусная, даже вредна въ пищу.

Огромное большинство сахалинскихъ поселенцевъ живетъ здѣсь на отлетѣ. Каждый ждетъ не дождется своего десятилѣтняго срока,—разрѣшенія уйти съ острова и устроиться какъ-нибудь, только по-своему.

По отбытіи поселенческаго срока съ Сахалина не отпускаютъ только тѣхъ, кто долженъ въ казну или на дурномъ счету у начальства, или не обезпечитъ оставленныхъ дѣтей или сожительницу. Зато, кто отпущенъ—почти всегда уходитъ. «Даже стариковъ,—пишутъ въ одной книжкѣ,—тянетъ съ Сахалина на материкъ. Въ селеньи Александровскомъ, на пристани, я видѣлъ старика лѣтъ подъ 70 и старуху съ узлами и мѣшками. Старику недавно вернули крестьянскія права, и онъ уѣзжалъ теперь съ женой на материкъ, сначала въ городъ Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но старики уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ, будто боялись, какъ бы ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая жизнь...»

Многіе бѣгутъ съ острова и задолго до всякихъ сроковъ. Въ здѣшнихъ селеніяхъ не рѣдкость избы, то недостроенныя и гніющія, то съ заколоченными окнами. Богъ вѣсть, гдѣ хозяева этихъ покинутыхъ избъ.

Но гораздо больше бѣгутъ изъ каторги, чѣмъ съ по-

селенія. Говорятъ, изъ пяти каторжныхъ на Сахалинѣ одинъ непремѣнно бывалъ въ бѣгахъ. Чаще другихъ бѣгутъ молодые и новички и привычные къ болѣе теплому климату; долгосрочные — чаще сосланныхъ на короткіе сроки, живущіе по острогамъ—чаще живущихъ на волѣ, а каторжные—чаще выпущенныхъ на поселеніе.

Говорятъ, тоска по волѣ одолѣваетъ иныхъ какъ запой, каждый годъ въ одно и то же время, и случается, каторжникъ предупреждаетъ начальство о приближеніи припадка. Одни бѣгутъ въ надеждѣ добраться до родины, другіе — погулять мѣсяцъ, другой, даже нѣсколько дней по той же сахалинской тайгѣ, на своей волѣ. Одинъ каторжникъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, бѣгалъ просто на сосѣднюю съ каторжнымъ поселеніемъ гору. Онъ бралъ кусокъ хлѣба, запиралъ свою избу и уходилъ на гору, сидѣлъ и смотрѣлъ на тайгу, на море. Посидитъ такъ дня три, сходитъ домой за харчами и опять на гору, и такъ безъ конца. Сначала его сѣкли, а потомъ надоѣло, и только посмѣивались.

Съ острова на материкъ бѣгутъ зимой, когда замерзаетъ проливъ; но больше всего въ іюнѣ и іюлѣ. Тутъ наступаютъ темные длинные дни, и начинаются дорожныя и другія работы на волѣ. Бѣглые пробираются глухой тайгой на сѣверъ, гдѣ проливъ не шире шести верстъ. Здѣсь они переправляются на гиляцкихъ лодкахъ. Лодку вымѣниваютъ на халатъ или ружье, или крадутъ или отнимаютъ. Но переправляются и на плотахъ, и притомъ въ широкомъ мѣстѣ пролива. «29 іюня 1886 года съ военнаго судна «Тунгусъ», верстахъ въ двадцати отъ Дуэ, замѣтили на поверхности моря черную точку. Подошли ближе и увидѣли слѣдующее: на

четырехъ связанныхъ бревнахъ сидѣли на кучѣ корья два человѣка. Около нихъ на плоту были: ведро съ прѣсной водой, полтора каравая хлѣба, топоръ, около пуда муки, немножко рису, двѣ стеариновыхъ свѣчки, кусокъ мыла и два кирпича чаю. Ихъ взяли на бортъ, стали разспрашивать,—кто такіе. Оказались арестанты дуйской тюрьмы, въ бѣгахъ уже 12 дней, а плывутъ «вонъ туда, въ Россію». Черезъ два часа поднялась погода на морѣ, и пароходъ не могъ пристать къ Сахалину. Видно, смерть неслась на бѣглецовъ, да мало *не поспѣла*».

Или вотъ еще случай: разъ ночью каторжная прислуга казеннаго катера предъявила надзирателю подложную телеграмму отъ высшаго начальства. Въ ней приказывалось немедленно послать въ море людей будто бы для спасенія погибающихъ. Обманутый надзиратель выпустилъ катеръ изъ пристани. На немъ было семеро мужчинъ и три женщины. Къ утру поднялась буря, волна затопила въ катерѣ машину, и несчастные утонули. Спасся только одинъ рулевой на доскѣ.

Переправившись на материкъ, бѣглые держатъ путь на западъ, черезъ озеро Байкалъ, въ Иркутскую губернію. Питаются Христовымъ именемъ, нанимаются, гдѣ можно, въ работники. Случается, что и крадутъ по пути все, что можно съѣсть или одѣть на себя или продать. Инымъ удается добрести и до родной деревни. Небольшая часть гораздо раньше попадается въ руки начальству или добровольно возвращается.

Тайга для бѣглеца немногимъ менѣе страшна, чѣмъ море. Онъ, какъ звѣрь, выбираетъ самыя глухія ея дебри, то продирается сквозь густые камыши и травяныя за-

росли, то преодолѣваетъ горы валежника, тонетъ по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахивается отъ цѣлыхъ тучъ ужасной мошки. Даже вольные, ссыльные ходоки дѣлаютъ въ такихъ мѣстахъ не болѣе 8 верстъ въ сутки; а каторжнику въ бѣгахъ приходится подчасъ питаться однѣми гнилушками съ солью и плутать по тайгѣ въ обходъ всякихъ другихъ путей.

Проходитъ въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяцъ, и онъ, изнуренный голодомъ, искусанный мошкой, съ избитыми опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ или черезъ силу плетется назадъ и проситъ у Бога, какъ великаго счастья, встрѣчи съ человѣкомъ, который бы его доставилъ обратно въ тюрьму.

Но не всегда встрѣча съ человѣкомъ бываетъ для бѣглеца даже и такимъ счастьемъ. Въ Сибири въ недавнія еще времена охотились на бѣглыхъ. Ихъ подстораживали въ тайгѣ, какъ звѣрей, и убивали,—одни, въ надеждѣ найти золотой песочекъ, другіе—ради убогой одежды. Это называлось «охотой на горбачей», и страшные охотники легко скрывали слѣды въ дремучей тайгѣ. Говорятъ, будто нынче такихъ Каиновъ уже нѣтъ въ Сибири. Охотятся,—такъ для того, чтобы изловить живьемъ. За каждаго пойманнаго и доставленнаго въ тюрьму бѣглаго охотники получаютъ отъ казны три рубля. Нѣкоторые поселенцы на Сахалинѣ, а также и гиляки, промышляютъ иногда этимъ.

Гилякамъ приходилось терпѣть отъ этихъ бѣглыхъ, и они не жалѣютъ ихъ. Они выслѣживаютъ несчастнаго бродягу и идутъ на него не въ одиночку, а всегда толпой. Они окружаютъ его и кричатъ ему издали, чтобы онъ раз-

дѣлся: къ голому не опасно подойти близко. Потомъ его связываютъ и ведутъ въ тюрьму.

10. Сѣверъ Приморской области. — Морскіе берега и морскіе звѣри.—Горы, долины, лѣса и луга Приморскаго края и Камчатки.—Жители Камчатки.

Восточный край сибирскихъ тундръ вдался въ море Чукотскимъ полуостровомъ. Отсюда съ береговыхъ горъ въ ясный день видны черезъ морской проливъ берега другой части свѣта—Америки. (Изъ полуденныхъ краевъ Америки чужіе по рѣчи и обычаямъ люди дружески слали русскому крестьянину въ минувшіе дни голода свои корабли со сборнымъ хлѣбомъ въ даръ отъ богатыхъ и бѣдныхъ).

Здѣсь же у Чукайскаго полуострова граница двухъ океановъ—Ледовитаго и Великаго. Я уже говорилъ о свойствѣ сѣверныхъ морей Великаго океана—Охотскаго, Камчатскаго и Берингова, и о климатѣ прилегающихъ къ нимъ окраинъ Сибири: лѣтомъ тамъ частые утренники и почти постоянные холодные туманы, а зимой сильные вѣтры съ Ледовитаго океана.

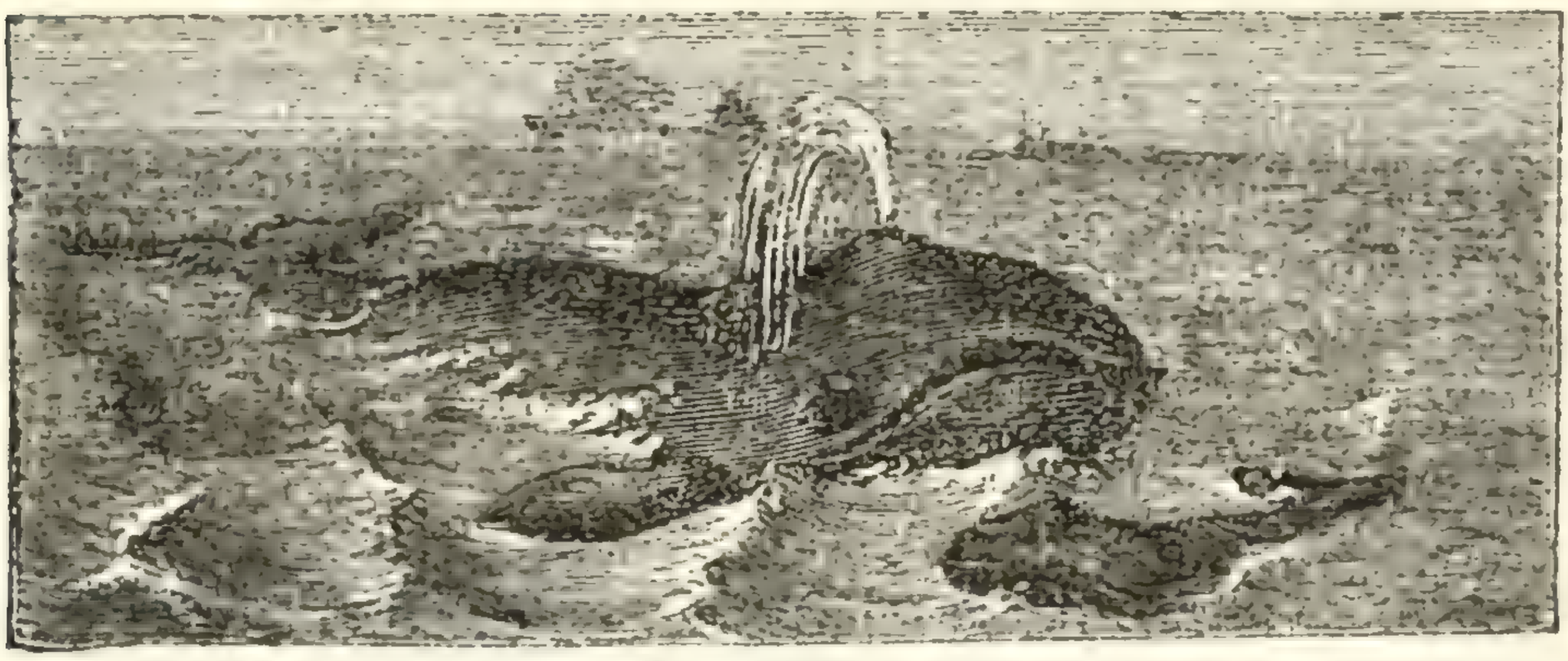
Овощи посѣваютъ здѣсь только мѣстами, а хлѣбъ очень рѣдко. Скотоводство, охота да рыбная ловля — вотъ чѣмъ кормится здѣсь человѣкъ. Въ здѣшнихъ моряхъ водится много китовъ, тюленей, морскихъ львовъ, или сивучей, морскихъ котиковъ, бобровъ и моржей, а изъ рыбъ—особенно много сельди и кеты.

Американцы давно уже завели здѣсь большія дѣла. Только велись эти дѣла долгое время безъ всякаго по-

Морскіе львы, или сивучи.

рядка и надзора,—избивали животныхъ безъ всякой пощады. Замѣтно меньше стало, напримѣръ, китовъ и мор-

ской выдры, называемой въ торговлѣ камчатскимъ бобромъ, и совсѣмъ истреблена морская корова. Огромное это животное было сажени четыре въ длину и болѣе 180 пудовъ вѣсомъ. Кожа у него была въ родѣ дубовой коры; мясо годилось въ пищу. Морская корова выплѣзала на берегъ, кормилась тутъ морскими водорослями и никого не боялась. Птицы садились и клевали на ея шеѣ, подходили охотники, а она спокойно помахивала головой и жевала свою жвачку. Самецъ не покидалъ



Китъ.

убитыхъ дѣтей и самки. Ихъ били острогой въ родѣ якоря. Человѣкъ 30 тащили звѣря на берегъ и здѣсь добивали дубинами. Берингово море было послѣднимъ приходомъ морской коровы. Теперь ея уже нигдѣ нѣтъ.

За китами американцы пріѣзжаютъ на трехмачтовыхъ судахъ. По бортамъ такого китоловнаго судна навѣшено обыкновенно до десяти оснащенныхъ лодокъ; въ каждой—крѣпкая бочева саженъ въ 800 и гарпунъ; это—саженный шестъ съ желѣзной стрѣлой на концѣ. Китовъ высматриваютъ съ судна въ зрительную трубу.

Китъ хоть и похожъ видомъ на громадную рыбу съ

плавниками и хвостомъ, но дышитъ воздухомъ, и самка питаетъ дѣтей молокомъ изъ сосцовъ. Киты кормятся рыбой и разной мелкой водяной тварью. Вмѣстѣ съ нею китъ вбираетъ въ себя много воды. Вынырнувъ подышать, китъ выкидываетъ изъ себя эту воду высокимъ столбомъ. Завидѣвъ съ судна водяной столбъ, китоловы спускаютъ нѣсколько лодокъ. На каждой нѣсколько гребцовъ, рулевой и на носу гарпунщикъ. Слѣдомъ за лодками идетъ и судно. Подплывъ къ киту, гарпунщики норовятъ умѣтить гарпунами въ хвостъ. Какъ только это удалось хоть одному—всѣ гребутъ прочь изо всѣхъ силъ. Раненый китъ кидается какъ угорѣлый: то метнется въ пучину, то взмоетъ наверхъ, рвется туда и сюда, широко раскидывая волны, и наконецъ пускается прямикомъ вдоль по морю. Ловцы выпускаютъ понемногу бечеву и несутся у кита на буксирѣ. Онъ таскаетъ ихъ день и два, пока не умается до того, что ужъ не можетъ ни нырять ни плыть, и издыхаетъ. Тогда подплываетъ судно, кита подчаливаютъ къ борту, рѣжутъ полосами его жиръ и тутъ же на суднѣ вытапливаютъ. При этомъ китовыя кости идутъ въ топливо какъ дрова.

Не меньше кита соблазнителенъ для морского промышленника котикъ. Это тюлень особой породы, до 3 аршинъ въ длину, съ густымъ шелковистымъ мѣхомъ. Туловище его гибко, какъ у кота, и плаваетъ онъ такъ быстро, что можетъ угнаться за пароходомъ.

Весной котики сотнями тысячъ прибываютъ на острова Камчатскаго и Берингова моря. Здѣсь они выводятъ дѣтей, а на зиму опять уплываютъ куда-то очень далеко въ теплыя края Великаго океана. Взрослые 6—7-годовалые самцы являются первыми и занимаютъ мѣста

каждый для своей семьи. По прибытіи остальныхъ, каждый самецъ норовитъ сманить въ свое лежбище побольше чужихъ самокъ и не упустить своихъ. Изъ-за самокъ начинается драка между нѣсколькими самцами и часто разгорается въ жестокую битву смежныхъ лежбищъ въ нѣсколько сотъ головъ. У самыхъ ловкихъ и сильныхъ самцовъ бываетъ до ста самокъ, а у большей части отъ 5 до 30.

Крикъ котиковъ очень похожъ на блеяніе овецъ. Говорятъ, овцы были какъ-то завезены на одинъ котиный островъ. Увидѣвъ котиковъ и услышавъ ихъ крикъ, овцы долго стояли какъ заколдованныя, забывъ про ѣду.

Котики выводятъ дѣтей нѣсколько разъ въ лѣто, кормятъ ихъ молокомъ и нѣжно ухаживаютъ за ними. Если самка нечаянно толкнетъ и уронитъ котенка, котъ гнѣвно набрасывается на нее, бьетъ и кусаетъ.

Жертвы промышленниковъ — молодые 2 — 4-годовалые, еще холостые, самцы. Часть лѣта они держатся особнякомъ отъ прочихъ котиковъ. Въ пасмурные холодные дни большая часть ихъ выходитъ на берегъ. Промышленники подкрадываются съ палками въ рукахъ къ табуну, иногда въ нѣсколько тысячъ головъ, и стараются отрѣзать ему путь къ морю. Испуганныя животныя поднимаютъ крикъ, сбиваются въ кучу и въ страхѣ отступаютъ передъ людьми. Котикамъ трудно двигаться по землѣ. Но на нихъ кричатъ, замахиваются палками, и страхъ придаетъ имъ силы проползти до мѣста убоя иногда нѣсколько верстъ. Здѣсь имъ даютъ остыть, чтобы мѣхъ вышелъ красивѣе. Затѣмъ начинается побоище. Отъ табуна отдѣляютъ головъ по 30 и бьютъ дубинами. Отъ страшныхъ ударовъ котики па-

дають, хрипя и захлебываясь кровью, съ раздробленнымъ черепомъ и выскочившими глазами. Очередные жалобно блеютъ, тѣснятся другъ къ другу и трясутъ головой съ оскаленными зубами. Изъ 30 звѣрей остаются въ живыхъ только почему-нибудь забракованные. Они заботливо прикрываютъ собой уже мертвыя тѣла своихъ товарищей и, говорятъ, — даже плачутъ: слезы текутъ изъ ихъ глазъ. Ихъ гонятъ обратно къ морю.

Чѣмъ особенно отличается восточный Приморскій край Сибири, такъ это обиліемъ и высотою горъ. Не въ примѣръ прочимъ мѣстамъ, горы тянутся здѣсь, не понижаясь, почти вплоть до Ледовитаго океана и въ Камчаткѣ достигаютъ огромной высоты, иногда болѣе трехъ верстъ. Часто облака плывутъ ниже горной вершины и скрываютъ ее. Стоя въ облачный день на вершинѣ горы, человѣкъ увидѣлъ бы передъ собою вмѣсто земли цѣлое море облаковъ. И дождь и гроза шумѣли бы подъ его ногами, а надъ нимъ было бы ясное небо и солнце. Впрочемъ, въ Камчаткѣ развѣ только орелъ забирался на эти вершины,—человѣку тамъ нечего дѣлать. На такихъ высотахъ воздухъ слишкомъ рѣдокъ и труденъ для дыханія, и такъ хо̀лодно, что ничего не растетъ и земля покрыта вѣчнымъ снѣгомъ.

Но чѣмъ ниже по склону этихъ горъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ лѣтнее солнце. Снѣга смѣняются мшистой тундрой; еще ниже идутъ кустарники, заросли кедроваго сланца съ его извилистыми ползучими стволами; дальше показываются рощи лиственницъ и тополей и, наконецъ,

уже настоящіе строевые лѣса густой щетиною спускаются къ долинамъ и веселымъ цвѣтущимъ лугамъ.

Самыя высокія горы Камчатки напоминаютъ видомъ островерхій шалашъ. Макушки нѣкоторыхъ изъ нихъ дымятъ какъ заводскія трубы. Это вулканы — огнедышащія горы. Объ одной изъ нихъ—Ключевской—я уже

Избіеніе котиковъ.

разсказывалъ вамъ.

Сосѣднія моря обильно снабжаютъ Камчатку влагой. Лѣсныя породы достигаютъ здѣсь огромнаго роста. Тополь и береза вырастаютъ въ цѣлые корабельные лѣса, то-есть въ такіе лѣса, деревья которыхъ высоки такъ, что изъ нихъ можно дѣлать самыя высокія карабель-

ныя мачты. Ольха даетъ строевыя бревна. Травы на камчатскихъ лугахъ выше роста человѣка и богаты цвѣтами. Въ концѣ августа мѣсяца, по словамъ одного путешественника, онъ засталъ на рѣкѣ Камчаткѣ луга, еще нетронутые осенними морозами. «Высокая трава, испещренная цвѣтами, покрывала долину рѣки. Альпійскія розы и пятилистникъ росли частыми кустами вдоль берега и роняли свои алые и желтые листики на зеркальную поверхность водъ. Желтыя акилеи низко наклонились надъ водой и отражали въ ней свое прелестное изображеніе рядомъ съ грознымъ вулканомъ».

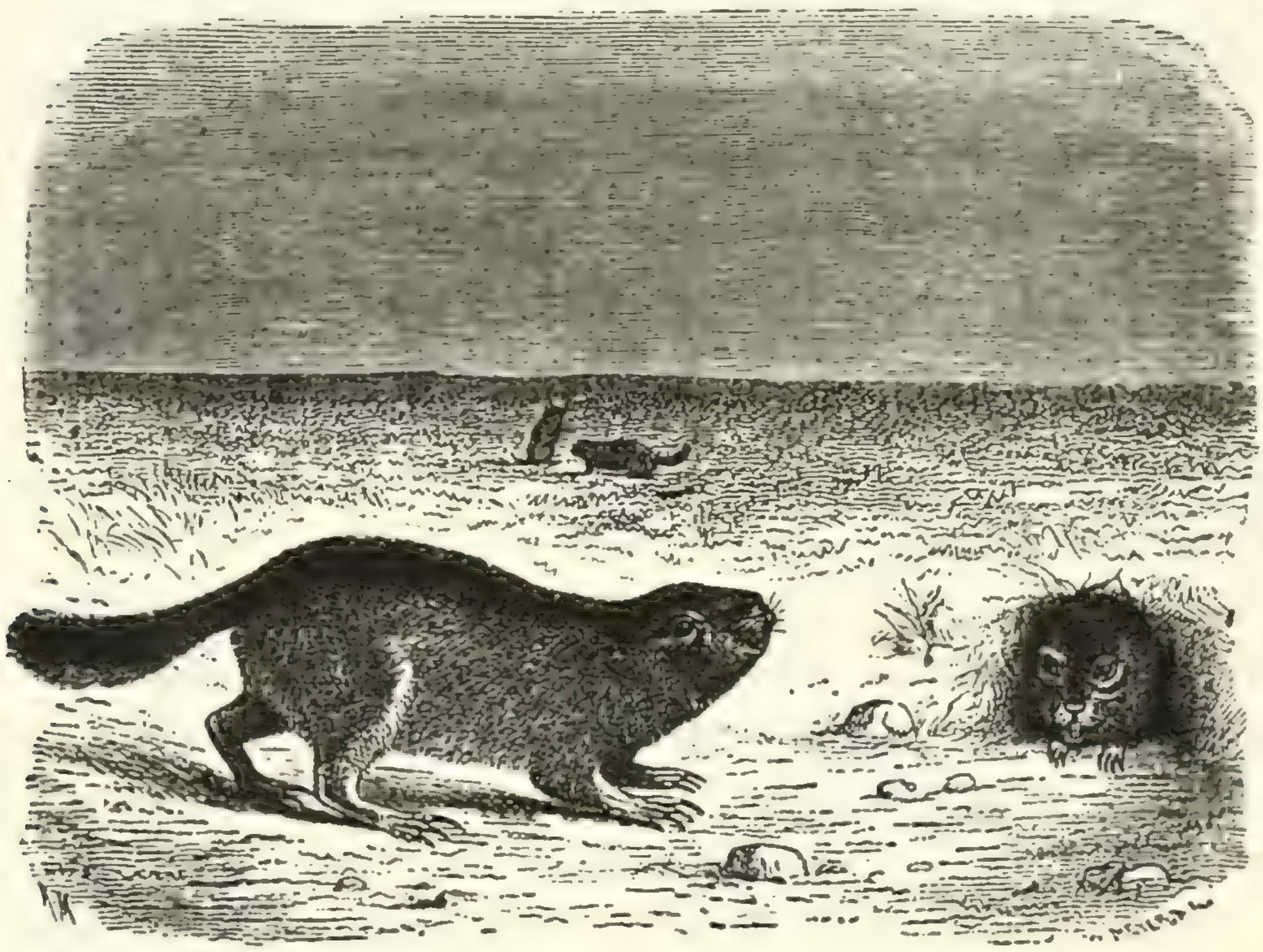
Въ камчатскихъ лѣсахъ водятся тѣ же породы звѣрей, что и по остальной Сибири. Но они отличаются цвѣтомъ, мягкостью и густотой мѣха. Камчатскіе мѣха считаются лучшими въ свѣтѣ.

Въ былыя времена камчадалъ самъ ходилъ въ лисьихъ и соболиныхъ мѣхахъ, вмѣсто того чтобы продавать ихъ торговцамъ-скупщикамъ за вино, махорку и порохъ. Тогда отъ звѣря отбою не было въ Камчаткѣ. Лисицъ приходилось отгонять палками отъ домовъ. Онѣ забирались въ избы и похищали все съѣстное, грызли обувь, рвали шубы спящихъ людей, присосѣживались къ собачьей трапезѣ. Нынче и въ Камчаткѣ, какъ и повсюду въ Сибири, лѣса оскудѣли звѣремъ.

Въ прежнемъ изобиліи водятся только никого не соблазняющія пеструшки—звѣрьки мышиной породы. Ихъ тамъ просто несмѣтное множество. Иногда весной онѣ покидаютъ свои обычныя становища и перекочевываютъ за сотни верстъ цѣлыми милліонами. Онѣ переплываютъ на пути рѣки и озера, даже морскіе заливы. Множество ихъ при этомъ тонетъ и пожирается хищ-

ными рыбами. Путешественникамъ приходилось иногда стоять по цѣлымъ часамъ на берегу—ждать, пока кончится переправа этой арміи маленькихъ переселенцевъ.

Камчадалы радуются, если пеструшки не подымаются весной въ походъ. Это предвѣщаетъ имъ обильный, сытый годъ.



Пеструшки.

Пеструшки—заботливые, хозяйственные звѣрьки. Онѣ запасаютъ въ своихъ подземныхъ кладовушкахъ разные зерна и корешки. Камчадалы пользуются иногда изъ этихъ запасовъ, но, какъ добросовѣстные воры, они оставляютъ пеструшкамъ на промѣнъ икру, рыбьи остатки и прочее.

Коренные жилели Камчатки — камчадалы—сами себя

называютъ «ительменъ», по-нашему—«первобытные жители». Народъ они добродушный, очень смиренный и покорный. Многіе изъ нихъ обрусѣли и мало отличаются отъ русскихъ; остальные сходны въ общемъ съ прочими инородцами Восточной Сибири. Напримѣръ, отличіе ихъ вѣры—только въ томъ, что шаманятъ у нихъ женщины, а въ жертву духамъ приносятся вмѣсто коней и оленей собаки.

Камчадалы—большіе любители музыки. Иные очень хорошо играютъ на самодѣльныхъ скрипкахъ. Только пѣсни ихъ очень печальныя, заунывныя. Въ своихъ пляскахъ они перенимаютъ лѣсныхъ животныхъ: прыгаютъ какъ олени, бѣгаютъ какъ лисицы. Кромѣ пляски и пѣсенъ, любимая забава камчадала въ досужее отъ охоты время—бѣгъ на собакахъ. Живутъ они въ землянкахъ, нѣкоторые—въ избахъ въ родѣ русскихъ. Къ веснѣ многіе изъ нихъ перебираются къ устьямъ рѣкъ для рыбной ловли. Нѣсколько избушекъ, крытыхъ землей, нѣсколько высокихъ балагановъ на сваяхъ для сушки и храненія рыбы,—таковъ видъ ихъ рыбацкихъ стоянокъ.

У перешейка, то-есть близъ узенькой полосы земли, которой Камчатскій полуостровъ соединяется съ материкомъ землей, лѣса пропадаютъ, и открывается голая тундра. У перешейка этого живутъ коряки, а дальше на полночь—чукчи.

О тундрѣ я уже говорилъ. Но здѣсь приведу еще маленькое описаніе ночного лагеря путешественниковъ среди корякскихъ пустынь: «Ноги мои озябли (такъ разсказываетъ одинъ изъ нихъ), я проснулся и высунулъ голову изъ мѣхового мѣшка. Костеръ превратился

въ красную кучу тлѣвшихъ углей. Сквозь ночной сумракъ можно было различить темныя очертанія нагруженныхъ саней, нашихъ людей, лежавшихъ у костра, и промерзшихъ собакъ, свернувшихся сотней клубочковъ на снѣгу. За лагеремъ простиралась пустынная стѣнь рядомъ снѣжныхъ валовъ. Валы эти сливались постепенно въ одинъ огромный бѣлый океанъ и тонули въ сумрачной дали. На небѣ, почти черномъ, сіяли яркія звѣзды. Тишина была подавляющая, глубокая. Только и слышно было, какъ билась кровь въ моихъ вискахъ да какъ дышали кругомъ спавшіе люди. И среди этой тишины вдругъ раздался долгій, слабый жалобный крикъ, похожій сначала на болѣзненный человѣческій стонъ, потомъ на отчаянное рыданіе. Это былъ вой сибирской собаки. Но онъ казался такимъ дикимъ и ужаснымъ въ тишинѣ полярной ночи, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. Черезъ минуту другая подхватила этотъ крикъ, за ней еще три, десять, тридцать, и наконецъ вся сотня завыла въ одинъ голосъ. Болѣе минуты земля и небо были наполнены этими криками. Потомъ онѣ начали одна за другой утихать, ужасный гвалтъ дѣлался все слабѣе и наконецъ закончился тѣмъ же долгимъ невыразимо-жалобнымъ воемъ, и все замолкло. Одинъ или двое изъ нашихъ людей безпокойно повернулись во снѣ, но ни одинъ не проснулся. Спрятавшись опять въ свой мѣшокъ, я заснулъ и не просыпался до утра.

«Съ первыми лучами разсвѣта лагерь зашевелился. Собаки выбрались изъ глубокихъ ямъ, оттаявшихъ подъ ними. Казаки высунули головы изъ мѣховыхъ одеждъ и палочками очистили иней, накопившійся на нихъ отъ дыханія. Развели огонь, заварили чай; мы вылѣзли изъ

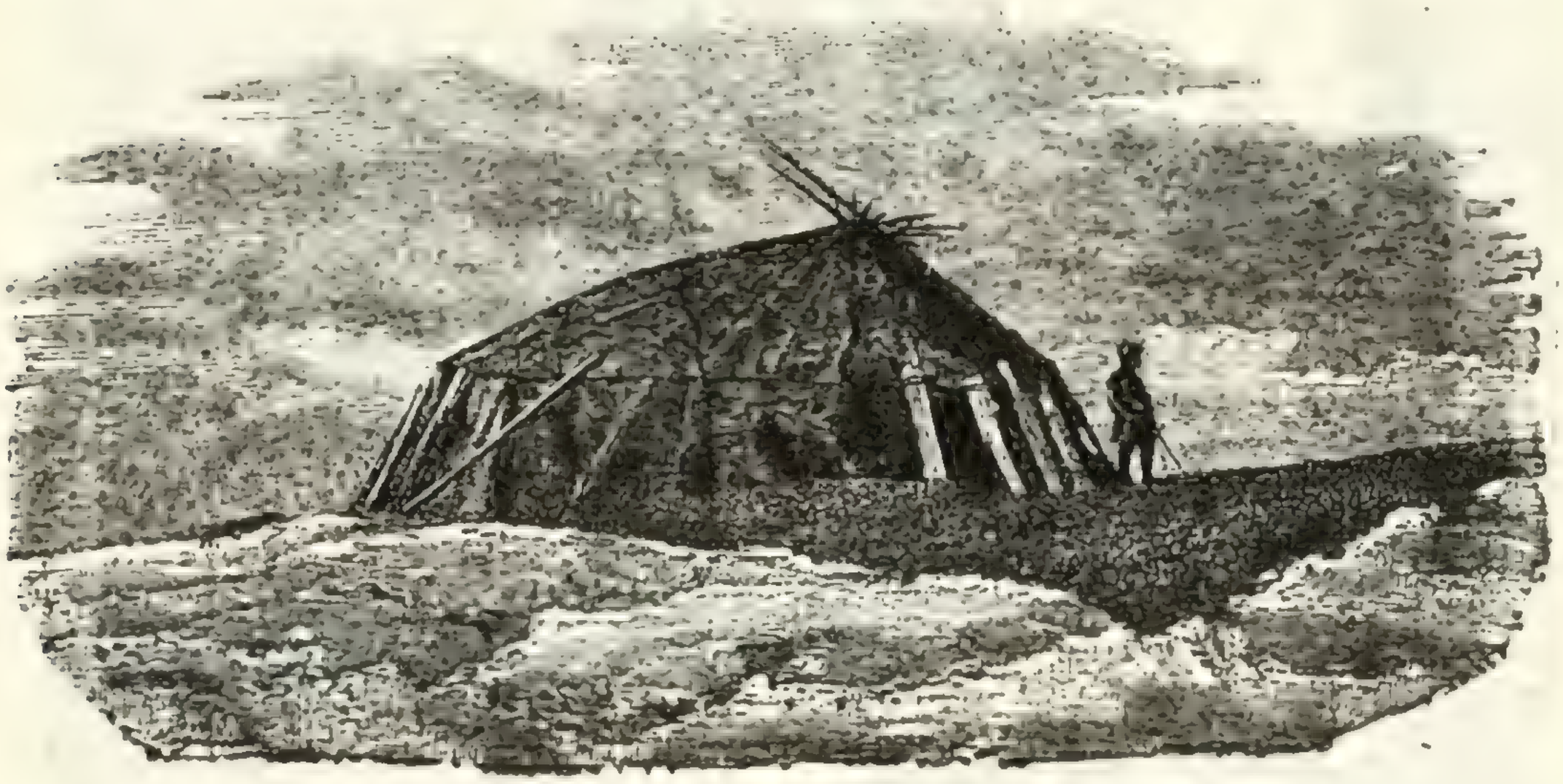
мѣшковъ, дрожа у огня, чтобы поскорѣй поѣсть чернаго хлѣба съ сушеной рыбой и напиться чаю. Черезъ двадцать минутъ собаки были запряжены, сани увязаны, полозья политы водой, и одни за другими мы поѣхали быстрой рысью по пустынной степи».

Чукчи и коряки, это—помѣсь полудикихъ племенъ Сѣверной Америки, эскимосовъ и индѣйцевъ, съ монгольскими племенами Сибири. Многіе изъ нихъ сохранили рѣдкое сходство со своими индѣйскими сородичами. Это рослые люди, смуглые, съ большими орлиными носами и черными длинными прямыми волосами. Другіе же уже похожи на людей монгольскаго племени. Большая часть чукчей и коряковъ — оленеводы. Есть очень богатые, владѣющіе стадами до 30 тысячъ головъ. Чукчи и коряки и по наружности, и по обиходу, и по обычаямъ, и даже по рѣчи очень схожи межъ собой. Поэтому нижеслѣдующій разсказъ того же путешественника о корякахъ дастъ понятіе и о жизни чукчей.

«Собаки разгорячились и понеслись, почуявъ запахъ оленьихъ стадъ. Черезъ минуту мы были ужъ на верху холма, и передъ нами въ ясномъ лунномъ свѣтѣ стояли островерхія палатки коряковъ, а вокругъ нихъ по меньшей мѣрѣ тысячи четыре оленей. Рога ихъ походили на настоящую рощу сухихъ кустовъ. Собаки залаяли въ одинъ голосъ и бросились съ горы. Все огромное стадо оленей колебалось съ минуту и потомъ понеслось отъ насъ бѣшеными прыжками. Одинокій тихій лагерь разомъ проснулся. Темныя фигуры поспѣшно выходили изъ палатокъ съ длинными копьями въ рукахъ. Они бѣжали въ догоню за нами, кричали и бросали на собакъ арканы изъ моржевой кожи. Стукъ тысячи роговъ другъ

Чукчи.

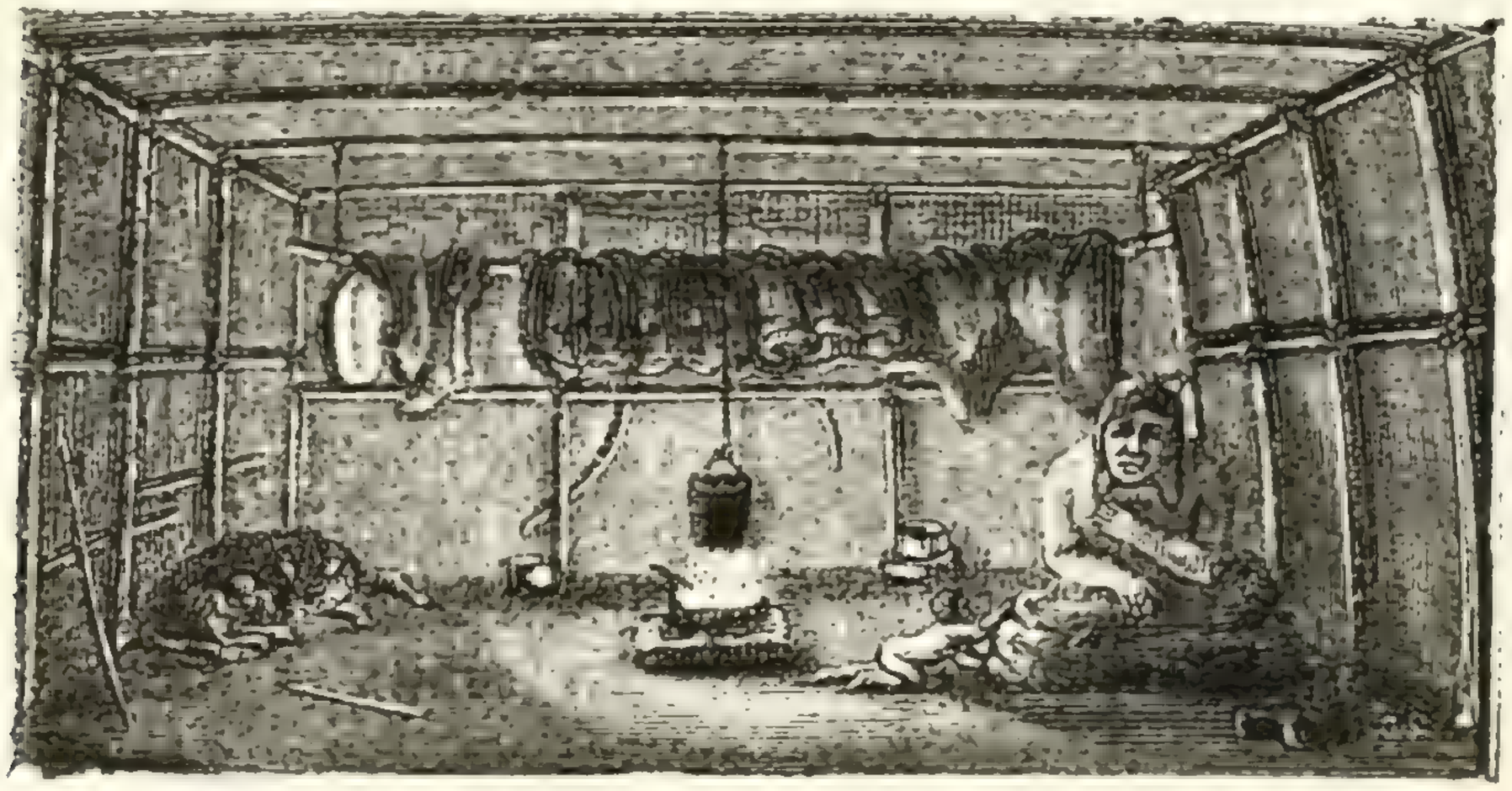
о друга, топотъ копытъ, хриплый крикъ оленей и непонятныя восклицанія коряковъ далеко раздавались въ морозномъ воздухѣ... Кое-какъ собакъ остановили и усмирили. Высунувъ языки отъ усталости, онѣ мрачно поплелись назадъ, тоскливо оглядываясь на оленей... Когда все успокоилось, коряки съ любопытствомъ столпились вокругъ насъ. Луна озаряла ихъ темныя лица и блестѣла на ихъ металлическихъ украшеніяхъ и на



Жилье чукчей и коряковъ.

стальныхъ концахъ длинныхъ копій. На ихъ лицахъ и въ ихъ смѣлыхъ, живыхъ глазахъ лежало выраженіе прямой, искренней честности, и въ этомъ они отличались отъ американскихъ индѣйцевъ. Они одѣты были въ рубашки изъ пятнистой оленьей шкуры, съ бахромой изъ черныхъ волосъ. На ногахъ—мѣховые штаны и длинные сапоги изъ тюленьей кожи, а на головѣ—капоры изъ волчьей шкуры съ торчащими волчьими ушами. Насъ пригласили въ самую большую палатку изъ оле-

ныхъ шкуръ. Тамъ ярко пылалъ костеръ. Двѣ худощавыя женщины мѣшали варево въ мѣдномъ котлѣ; тѣми же палочками онѣ поправляли уголья и били по головѣ двухъ или трехъ слишкомъ любознательныхъ собакъ. Лица женщинъ были узорчато разрисованы краской. Мы приготовили себѣ чай и усѣлись за свою походную ѣду. Хозяева угостили насъ своимъ варевомъ. То была маніалла—смѣсь оленьей крови, жира и мха, вынутаго



Внутренность палатки.

изъ желудка убитаго оленя. Она замѣняетъ хлѣбъ сѣверянамъ инородцамъ, имѣетъ видъ кашицы и землистый вкусъ. Съ прибавкой разныхъ дикихъ травъ и кореньевъ она скатывается иногда въ видѣ хлѣбцевъ и замораживается про запасъ. Ужинъ у коряковъ собираетъ обыкновенно всѣхъ мужчинъ, отлучавшихся за день. Они сидятъ вокругъ котла съ маніаллой или корытца съ олениной и разсуждаютъ о разныхъ дѣлахъ своей одинокой жизни.

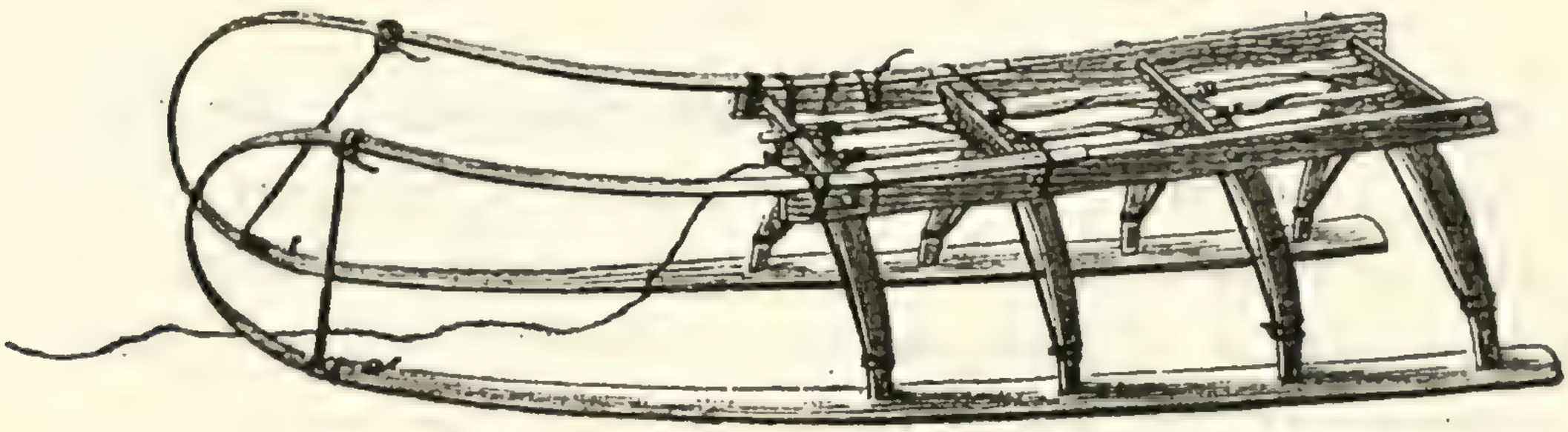
«Для бо́льшаго удобства коряки соединяются въ общества по шести или восьми семействъ, подъ предводитель-

ствомъ своего старшины. Они платятъ дань правительству, но ведутъ себя передъ начальствомъ много свободнѣе и смѣлѣе камчадаловъ. Начальнику нашего отряда вздумалось заручиться покорностью коряковъ къ его приказаніямъ и желаніямъ. Сталъ онъ для этого разсказывать старшинѣ черезъ переводчика о своемъ яко бы богатствѣ и своей власти казнить и миловать бѣдныхъ коряковъ. Старый корякъ спокойно дослушалъ до конца его рѣчь. Потомъ онъ медленно поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ нашему начальнику и снисходительно похлопалъ его тихонько по головѣ. Начальникъ покраснѣлъ и громко захохоталъ, но съ тѣхъ поръ никогда уже больше не пробовалъ устрашать чѣмъ-нибудь коряковъ.

«Послѣ долгаго разговора передъ огонькомъ съ корьками насъ одолѣла усталость и дремота. Хозяева отдали намъ свои пологи. Они устроены у стѣнъ и защищены отъ холоднаго воздуха палатки плотно сшитыми оленьими шкурами. Въ пологѣ горѣлъ мохъ въ плошкѣ съ жиромъ. Тамъ было тепло, только черезчуръ ужъ чадно и душно. Но добрымъ хозяевамъ нашимъ было хуже въ холодномъ помѣщеніи палатки, а пастухамъ при оленяхъ и еще гораздо хуже. Каждый день передъ сумерками нѣсколько человѣкъ съ копьями и ножами снаряжаются за нѣсколько верстъ отъ стоянки къ оленьему пастбищу. Тамъ они расходятся по своимъ кедровымъ шалашикамъ и караулятъ въ одиночку стада отъ волковъ. Чѣмъ непогоднѣе, тѣмъ скорѣе жди сѣрыхъ. А снѣжныя бури очень часты и сильны въ тундрѣ. Я видѣлъ, какъ эти пастухи сторожили оленей съ отмороженными добѣла щеками. Находилъ ихъ въ холодныя зимнія утра

скорчившихся подъ охапкой вѣтвей, съ лицомъ, закрытымъ мѣховыми одеждами, неподвижныхъ, точно они были мертвые».

За это коряки и чукчи отплачиваютъ сѣрому жестокой смертью. Они скручиваютъ въ клубочекъ упругій китовый усъ, обливаютъ водой, замораживаютъ, обертываютъ саломъ и бросаютъ волкамъ на соблазнъ. Усъ оттаиваетъ въ желудкѣ и разрываетъ волку внутренности. Часть коряковъ и чукчей,—тѣ, что разорились по разнымъ причинамъ,—живетъ осѣдло: коряки—у Охотскаго



Санки чукчей.

моря, а чукчи—у Ледовитаго океана и Берингова моря. Кормятся они тамъ морской охотой и рыбной ловлей. Чукчи, кромѣ того, ведутъ торговлю съ американскими племенами. Въ своихъ байдарахъ-ладьяхъ изъ моржевой кожи они возятъ туда русскіе товары: табакъ, огниво, желѣзныя вещи, и вымѣниваютъ ихъ на мѣха. Съ мѣхами этими и за русскими товарами они ѣздятъ на Анжуйскую ярмарку, что близъ Якутскаго городка Нижнеколымска. Денегъ они не знаютъ. Вся торговля—мѣновая. Напримѣръ, десять шкурокъ рыжей лисицы идетъ на ярмаркѣ за пудъ махорки.

Очень искусно придуманы у чукчей охотничьи бай-

дары. Ихъ легкій остовъ обтянутъ со всѣхъ сторонъ кожей. Сверху оставляется только два-три круглыхъ отверстія. Въ нихъ плотно затягивается станъ гребцовъ. Вода не можетъ попасть въ середину, а для равновѣсія прикрѣпляется съ каждаго борта по кожаному мѣшку, надутому воздухомъ. Въ этихъ байдарахъ чукчи какъ птицы носятся по огромнымъ волнамъ, не страшась бури.

11. Забайкальская область.—Буряты.—Кяхта и Маймачинъ и торговля чаемъ.

Въ Забайкальской области горы отступаютъ главнымъ своимъ хребтомъ отъ нашей границы съ Китаемъ. Высокій хребетъ дѣлитъ всю область на двѣ половины. У той половины, что примыкаетъ къ озеру Байкалу, нѣтъ разницы отъ Иркутской губерніи: такія же породы лѣсныхъ деревьевъ, такія же породы звѣрей. Другая же, полуденная половина Забайкальской области лучше открыта для влажныхъ вѣтровъ отъ теплыхъ морей Великаго океана. Въ лѣсахъ этой части Забайкалья впервые попадаются дубъ, орѣшникъ, дикая яблонь, даже дикій миндаль, кизиль и абрикосъ,—только съ очень мелкими и совсѣмъ невкусными плодами. Среди звѣриной семьи Сибири здѣсь встрѣчаются также невиданные раньше кабанъ и байбакъ и выходцы изъ смежныхъ степей Китая—дикій конь и антилопа.

При всемъ этомъ, однако, климатъ въ Забайкальской области очень суровый: зимніе морозы въ 40 градусовъ и въ лучшей части ея почти такъ же обыкновенны, какъ и въ Иркутской губерніи, а степи такъ же малоснѣжны

и неудобны для озимыхъ посѣвовъ. Лѣтнихъ дождей здѣсь выпадаетъ больше, но худо то, что самымъ дождливымъ временемъ часто бываетъ послѣдняя половина лѣта—іюль и августъ мѣсяцы.

Большая часть области покрыта лѣсами. Степи встрѣчаются больше въ полуденной части; онѣ обильны травой и цвѣтами богульника, шіона, лилій, красной сараны и прочихъ. Черноземъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ Забайкальской области, по обѣ стороны горнаго хребта, а особенно богатый, плодородный черноземъ лежитъ въ долинахъ пограничной съ Китаемъ рѣки Аргуни и притоковъ рѣки Шилки.

Впрочемъ, земледѣліемъ въ Забайкальской области очень мало занимаются. Изъ всего огромнаго ея пространства въ 680 тысячъ квадратныхъ верстъ подъ пашнями насчитывается едва нѣсколько тысячъ верстъ. Для свободныхъ переселенцевъ Забайкальская область, пока что, не была открыта, какъ Енисейская и Иркутская губерніи. Забайкальское крестьянство основалось ссылкой и составляетъ пока менѣе одной трети всего населенія области, а главное занятіе остальныхъ жителей—скотоводство и потомъ охота. Остальные, это—казаки, которыхъ здѣсь около 180 тысячъ, и инородцы, числомъ около 170 тысячъ, большей частью буряты.

Сибирское казачество составилось вначалѣ изъ первыхъ русскихъ пришельцевъ, завоевателей Сибири. Оно умножилось потомъ присылками новыхъ казацкихъ отрядовъ. Всѣ казаки порядочно перемѣшались съ инородцами, такъ что многихъ сибирскихъ жителей ничѣмъ не отличить отъ природныхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ Забайкальской области казаки поселены для охраны

рўсской границы, которая здѣсь болѣе открыта и близка къ населеннымъ мѣстамъ Китая, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сибири. Кромѣ охраны границъ, сибирскіе казаки исправляютъ полицейскую службу въ городахъ и селеніяхъ,—сопровождаютъ ссыльныхъ по этапамъ, сторожатъ казенное имущество, наблюдаютъ за порядками на ярмаркахъ и на золотыхъ пріискахъ. Въ свободное отъ служебныхъ нарядовъ время они живутъ хозяйствомъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ. Въ Забайкальской области они промышляютъ больше всего скотоводствомъ и охотой.

Число бурятъ въ области около 135 тысячъ,—почти столько же, сколько въ Иркутской губерніи. Буряты кочуютъ со своими стадами молочнаго скота, коней и овецъ. Впереди обоза плетется у нихъ самая старая старуха, нашептываетъ молитвы и при переправѣ непремѣнно ужъ броситъ въ воду мелкую монету, чтобы духъ этого ручья или рѣчки помогъ благополучному переходу. Вотъ и зеленая долина открылась передъ странниками. Если здѣсь есть хоть самый плохенькій водопой, то здѣсь и мѣсто для стоянки. Женщины раскинутъ войлочные шатры, похожіе на круглыя шапки, и черезъ часъ-другой можно подумать, что все это общество тутъ и жило весь свой вѣкъ.

Буряты, говорятъ, во всемъ не похожи на своихъ сосѣдей, тунгусовъ. Тунгусъ—веселый, смѣлый, прямодушный и работящій человѣкъ, а бурятъ—угрюмъ, непривѣтливъ, уклончивъ и вдобавокъ лѣнивъ. Большая часть работъ лежитъ у нихъ на женщинахъ: бурятка и войлочныя юрты увязываетъ и укладываетъ въ дорогу, и за скотомъ ходитъ, и вино-араки дѣлаетъ. Утромъ она встанетъ первая, разведетъ огонь и идетъ доить

коровъ; потомъ ребятишекъ поитъ чаемъ. Чай, съ приправой молока, масла или сметаны и соли,—любимая бурятская ѣда. Супругъ, проснувшись, попиваетъ чай да покуриваетъ трубочку. Жена осѣдлаетъ ему коня, и

Бурятъ.

онъ ѣдетъ по дѣлу или просто гулять по знакомымъ улусамъ. Жена прибираетъ въ шатрѣ, дѣлаетъ войлокъ или выминаетъ на мялкѣ кожу. Мужъ возвращается, и она разсѣдлываетъ коня, а онъ себѣ посиживаетъ у шатра или развалится на войлокѣ. Бываетъ такъ, что бурятъ ѣдетъ десятокъ верстъ верхомъ на быкѣ, везетъ

таратайку съ валежникомъ, а жена плетется пѣшкомъ. Мужъ посасываетъ свою трубочку и не думаетъ, что жена устала и пора бы ее посадить на свое мѣсто.

Прежде водилось въ Сибири одѣлять подарками новокрещеныхъ инородцевъ. Говорятъ, между бурятами особенно много бывало охотниковъ креститься ради этого по нѣскольку разъ. А нельзя сказать, чтобы между ними было больше бѣдняковъ, чѣмъ среди другихъ инородцевъ. Окрестятъ бурята, дадутъ ему крестикъ, рубаху, халатъ, сапоги и прочее—пойдетъ онъ болтаться по улусамъ, пообносится и является опять креститься куда-нибудь въ новое мѣсто и подъ другимъ именемъ.

Однако не все же въ бурятахъ дурно. У нихъ въ обычаѣ, напримѣръ, помогать другъ другу въ разныхъ работахъ и въ нуждѣ, на охотѣ соединяться въ артели и дѣлить добычу поровну, не считаясь. Такъ, въ Иркутской губерніи, когда бурятъ строитъ себѣ избу, всѣ сосѣди помогаютъ ему: кто бревна возитъ, кто срубъ ставитъ; то же въ полевыхъ работахъ: кто раньше управится—другимъ идетъ помогать. Главная разница между иркутскими и забайкальскими бурятами только та, что иркутскіе занимаются земледѣліемъ. Но къ земледѣлію они перешли не очень давно, и у нихъ сохранились даже кое-какія привычки прежней кочевой жизни. Зимой они живутъ въ избахъ, въ родѣ русскихъ, а лѣтомъ перебираются поближе къ своимъ полямъ, и лѣтнія ихъ избушки, хоть и бревенчатыя, очень напоминаютъ своимъ видомъ ихъ прежніе кочевые шатры.

Еще отличіе забайкальскихъ бурятъ отъ иркутскихъ—то, что иркутскіе большей частью придерживаются шаманства, особенно живущіе по правую сторону рѣки

Ангары, забайкальскіе же держатся буддійскаго вѣроученія. Оно принято ими уже въ испорченномъ видѣ отъ китайцевъ, а здѣсь перемѣшалось и замутилось еще больше остатками старой шаманской вѣры.

У бурятъ есть въ Забайкальи храмы, похожіе на китайскіе постройки: нѣсколько низкихъ и широкихъ ящиковъ одинъ на другомъ, и чѣмъ выше, тѣмъ меньше ящикъ, а сверху низкая узорчатая крыша съ широкими вздернутыми краями. Внутри стѣны увѣшаны шелковыми тканями и дорогими мѣхами, на полу—ковры; по бокамъ стоятъ въ два ряда большіе позолоченные идолы. Въ глубинѣ храма—жертвенникъ подъ балдахиномъ. На жертвенникѣ курятся пахучія свѣчи. Тутъ сидитъ главный священникъ, а по бокамъ стоятъ рядами его помощники. Помощники хоромъ читаютъ молитвы или поютъ, а священникъ то звонитъ въ колокольчикъ, то прикладываетъ къ груди ладони и склоняетъ голову. Чтеніе и пѣніе нѣсколько разъ прерываются, и тогда играетъ музыка. Дудятъ и ревутъ огромныя трубы, гремятъ цимбалы, свистятъ рожки и подымаютъ такой адскій ревъ и шумъ, что непривычному человѣку становится жутко. Въ храмѣ стоятъ вертящіеся на палкахъ барабаны, и на нихъ написаны кругомъ молитвы. Молящіеся вертятъ ихъ и читаютъ по нимъ про себя молитвы. Бурятъ думаетъ, что чѣмъ больше молитвъ успѣетъ прочесть, тѣмъ больше и грѣховъ замолитъ. Буряты привыкли мало-по-малу считать, что верченіе барабана—само по себѣ нужное и угодное Богу дѣло, и иные вертятъ такъ быстро, что не успѣваютъ прочесть, лишь бы навертѣть побольше. Чтобы облегчить себѣ и это дѣло, они придумали вертѣть вѣтромъ. Такіе вѣтря-

ные молитвенники, вздѣтые на высокіе шесты, можно видѣть почти у всякаго бурятскаго шатра.

Въ Забайкальской области наши границы близко подходятъ къ самымъ населеннымъ мѣстамъ Китая, и здѣсь издавна завелись торговыя сношенія между русскими и китайцами. Торговый путь пересѣкаетъ границу близъ судоходной рѣки Селенги. Здѣсь-то, среди обширной волнистой степи, построились рядомъ двѣ купеческихъ слободы: на нашей сторонѣ—Кяхта, а на китайской—Маймачинъ.

Черезъ Кяхту долгое время вся Россія получала китайскіе чаи, а Китай—русскіе сукна, плисъ и другіе фабричные товары. Но пароходы облегчили другой путь къ Китаю—моремъ, гораздо болѣе скорый и дешевый. Этимъ путемъ, понятно, воспользовались не одни русскіе купцы, а еще раньше ихъ нѣмцы и англичане. Они тоже стали возить въ Китай свою мануфактуру, а изъ Китая чай, и чай этотъ могли продавать дешевле сухопутнаго кяхтинскаго. Кяхтинская торговля держалась еще нѣкоторое время разными льготными для купечества пошлинами. Понижена была пошлина на сухопутный чай и повышена на пароходный. Но пароходный все-таки одолѣлъ дешевизной. Кяхтинцы стали терпѣть большіе убытки, сократили свои дѣла и нынче дальше Сибири своего чая почти уже не везутъ.

Кяхта—небольшая слобода, домовъ въ тридцать, а Маймачинъ—порядочный городокъ, обнесенный стѣной съ воротами, на которыхъ намалеваны разныя чудовища. Тутъ множество лавочекъ съ разными мелочными товарами для Забайкалья и для кочевниковъ степного Китая. Въ китайскомъ городкѣ, словно въ монастырѣ, нѣтъ

ни дѣтей ни женщинъ. Маймачинскіе китайцы-купцы и приказчики всѣ—пріѣзжіе; ихъ родина за нѣсколько дней пути отсюда, и тамъ же ихъ семьи. Китайское правительство опекаетъ китайцевъ какъ малыхъ ребятъ и не позволяетъ имъ увозить такъ далеко и въ сосѣдство чужого народа свои семьи, изъ боязни, что они тогда отчудятся отъ родины, а, чего добраго, еще перейдутъ въ чужое подданство.

Маймачинскіе китайцы завели обычай сами посѣщать русскихъ купцовъ для торговыхъ дѣлъ. Они научились говорить по-русски; кяхтинцы же по-китайски не умѣютъ говорить. Въ разговорѣ съ китайцами они подлаживаются почему-то подъ неправильную русскую рѣчь китайцевъ. А китайцы говорятъ, напримѣръ, такъ: «Тиби како позову? Я тиби походи буду» и это значитъ: «Какъ тебя звать? Я къ тебѣ приду».

Кяхта оживляется передъ большими сибирскими ярмарками. Китайскіе приказчики бродятъ съ утра до вечера по слободѣ и толкутся въ купеческихъ домахъ, развѣдывая о цѣнахъ на чай и разыскивая покупателей. Въ кяхтинскихъ домахъ заведены для нихъ особыя пріемныя. Остальныя комнаты запираются,—иначе китаецъ, по своему назойливому любопытству, пойдетъ странствовать по всѣмъ угламъ дома, а, наскучивъ осмотромъ, растянется со своей трубочкой гдѣ попало. Иногда въ пріемную ихъ наберется человѣкъ 10—15; тутъ они сидятъ, курятъ въ ожиданіи разговора о дѣлахъ, дремлютъ или тоненькимъ голоскомъ распѣваютъ свои китайскія пѣсни. Если войдетъ какой-нибудь новый человѣкъ, пріѣзжій, они сейчасъ пристаютъ съ разспросами: «Какой люди? Кака имя? Какой товаръ повози?»

Купецъ договаривается съ каждымъ китайцемъ порознь, въ отдѣльной комнатѣ. Запишетъ условія и цѣну каждаго продавца, получитъ отъ нихъ пачки съ образцами чая и цѣлый вечеръ потомъ нюхаетъ и пьетъ чай, сравниваетъ и прикидываетъ, который ему сходнѣе купить.

Зимой китайцы цѣлый мѣсяцъ празднуютъ свой новый годъ и тогда не торгуютъ. Узенькія маймачинскія улицы густо и пестро изукрашиваются бумажными лентами, флагами и фонарями. Въ домахъ широкіе столы уставляются всякими яствами, и хозяева радушно принимаютъ и угощаютъ кяхтинцевъ—и купцовъ и простыхъ рабочихъ. Китайскій градоначальникъ задаетъ пирушку русскимъ купцамъ. Гостей встрѣчаетъ у городскихъ воротъ и сопровождаетъ толпа ряженыхъ китайцевъ съ музыкой, пѣснями и пляской. Невѣсть куда дѣвалась тогда маймачинская скука, и откуда взялось веселье у этихъ спокойныхъ, неподвижныхъ китайцевъ! Весь мѣсяцъ каждый день открытъ для всѣхъ даровой китайскій театръ. Размалеванные и наряженные актеры съ утра до вечера изображаютъ тамъ какую-нибудь чудесную исторію, князей, княгинь и королей, плачутъ и смѣются, сражаются и умираютъ,—все это за фунтъ кирпичнаго чаю на брата, а въ промежутки между представленіемъ убитые будто бы лицедѣи воскресаютъ, чтобы согрѣться тутъ же въ сторонкѣ у жаровни чаемъ и огнемъ. Игрѣ вторитъ музыка—трубы, тазы, бубны и скрипки. Театръ у нихъ открытый и безъ занавѣса, и зрители смотрятъ на игру съ улицы.

Конецъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
„ ..... “ ..... 193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Что такое Сибирь и какіе люди живутъ въ ней 3
2. Гдѣ лежитъ Восточная Сибирь.—Сѣверный край Восточной Сибири. — Ледовитое море, тундра и ея обитатели 10
3. Лѣсной край Восточной Сибири и его обитатели—звѣри и люди.—Сибирскіе инородцы: тунгусы, якуты и прочіе 23
4. Гдѣ находится хлѣбородная полоса Восточной Сибири.—Горы, степи и рѣки Восточной Сибири.—Озеро Байкалъ 41
5. Каковъ климатъ, какова земля и что сѣютъ въ хлѣбородной полосѣ Восточной Сибири 52
6. Какъ ведутъ крестьяне въ Восточной Сибири свое полевое хозяйство.—Сибирскія цѣны. — Сторонніе заработки 58
7. О сибирскомъ крестьянствѣ 68
8. Ссыльные въ Сибири.—Работа на пріискахъ..... 77
9. Сибирская каторга.—Островъ Сахалинъ..... 84
10. Сѣверъ Приморской области.— Морскіе берега и морскіе звѣри.—Горы, долины, лѣса и луга Приморскаго края и Камчатки.—Жители Камчатки..... 101
11. Забайкальская область. — Буряты.— Кяхта и Маймачинъ и торговля часмъ 118

КАРТА
РОССІЙСКОЙ
ИМПЕРІИ
въ Европѣ и Азіи.

Масштабъ
1:16.000.000
480 верстъ въ Англ. дюймѣ

Условные знаки
- Открытыя
- Строющіяся
- Желѣзныя дороги
- Рѣки
- Границы губерній
- Горы

Ледовитый океанъ
Карское море
Каспійское море
Аральское море
Японское море
Охотское море
Берингово море
Китайская имперія
Монголія
Степь Гоби или Шамо
Европейская Россія
Сибирь
Западная Сибирская губ.
Восточная Сибирская губ.
Тобольская губ.
Енисейская губ.
Иркутская губ.
Якутская обл.
Забайкальская обл.
Амурская обл.
Приморская обл.
Камчатская обл.
Акмолинская обл.
Семипалатинская обл.
Семиръченская обл.
Сыръ-Дарьинская обл.
Туркестанскій край
Уральская обл.
Тургайская обл.
Архангельскъ
Петербургъ
Москва
Варшава
Вѣна
Берлинъ
Парижъ
Константинополь
Персія
Индія
Пекинъ
Тобольскъ
Томскъ
Красноярскъ
Иркутскъ
Якутскъ
Нижнеколымскъ
Охотскъ
Петропавловскъ
Николаевскъ
Благовѣщенскъ
Хабаровскъ
Ташкентъ
Оренбургъ
Астрахань
Ставрополь
Тифлисъ
Баку
Ново-Архангельскъ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

„ПОСРЕДНИКА“:

Разсказы о Западной Сибири. о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ живутъ люди. Съ картой Сибири и рисунками. Ц. 25 коп.

Кавказъ. Составилъ Л. Ставровскій. Съ рисунками. Ц. 6 коп.

Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Съ рисунками. Ц. 10 коп.

Новый Свѣтъ. (О томъ, какъ Христофоръ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Составилъ Е. Чижовъ. Съ рисунками. Ц. 6 к.

Какъ живутъ китайцы. Ц. 3 коп.

Подземное царство. (О жизни рудокоповъ). Ц. 8 коп.

Тайны и чудеса Божьяго міра. Земля и небо. Разсказы о странахъ свѣта, солнцѣ, лунѣ, землѣ, звѣздахъ и планетахъ. Со многими рисунками. Составилъ Е. Чижовъ. Ц. 50 коп.

Выписывать можно изъ редакціи „Посредника“ (Москва, Зубово, Долгій переулокъ, д. Нюнина, П. И. Бирюкову).